

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-89123
выдано 07 февраля 2025 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Л.А. Жгилева (отв. редактор),
Т.Ю. Загряжкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия), А.В. Колмогорова,
Н.И. Коновалова, Л.А. Кочетова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, В.А. Марьянчик, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия), М.Ю. Опенков,
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, А.М. Поликарпов,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал, Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин, Т.И. Трошина, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”

Т. 26,
№ 2 / 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Яковлев В.О.** Учебно-образовательная деятельность Географического департамента Петербургской Академии наук в XVIII веке: к вопросу о подготовке профессиональных кадров..... 5
- Лукьянов В.Ю.** ШОС и БРИКС – история и современность... 18
- Ещенко Ю.Г.** Подготовка кадров нефтяной промышленности в послевоенный период (на материалах Прикаспийской нефтегазоносной провинции)..... 30
- Горшенин А.В.** Механический завод № 1 трамвайно-троллейбусного управления г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны..... 43

ЛИНГВИСТИКА

- Кузнецова И.А.** Исследование языка Интернета как новой семиотической системы..... 53
- Боярская Е.Л., Метелев М.В.** Абстрактные существительные в когнитивной лексикографии: моделирование структуры словарной статьи (на примере английского языка)..... 64
- Горностаева Ю.А.** Вербальные и невербальные формы рутинизации травматического опыта франкизма в коллективной памяти испанцев..... 75
- Белошицкая Н.Н.** Конститутивные признаки драматургичности дискурса..... 89
- Вовченко В.Е.** Влияние англоцентризма на перевод документации по веб-разработке на русский язык..... 101

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

Редакторы
М.Г. Аверина,
А.В. Крюкова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого,
д. 56, каб. 26
Тел.: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 22.04.2026.
Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 16,49. Уч.-изд. л. 13,92.

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2026

ФИЛОСОФИЯ

Ноздренко Е.А. Эпатажная реклама: деструкция традиционных ценностей и норм в современном российском обществе.....	109
Мартин Э. Философские основания метагуманизма: критика проекций постчеловеческого будущего.....	121
Зайков К.С., Терехин Н.М., Шапаров А.Е., Макулин А.В. Подходы к изучению феномена культурного наследия и его влияния на международные отношения.....	133

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Угольников Ю.А. О мемуарах генерал-майора С.А. Щепихина....	145
Шевченко О.К., Тимохин А.М. Витязь на распутье: русская философия между логосом и праксисом.....	149
К сведению авторов.....	155

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

VESTNIK

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
EI no. FS77-89123
issued on February 7, 2025
by the Federal Service for Supervision
of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
L.A. Zhgileva (Executive Editor),
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
L.A. Kochetova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, A.M. Polikarpov,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin, T.I. Troshina,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipsitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 26,
No. 2 / 2026

CONTENTS

HISTORY

Yakovlev V.O. Educational Activities at the Geography Department of the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century: Training Professional Personnel.....	5
Luk'yanov V.Yu. The SCO and BRICS: History and Modernity...	18
Eshchenko Yu.G. Training Oil Industry Personnel in the Post-War Period (Caspian Oil-and-Gas Province).....	30
Gorshenin A.V. Mechanical Plant No. 1 of Kuibyshev Tram and Trolleybus Administration During the Great Patriotic War.....	43

LINGUISTICS

Kuznetsova I.A. Study of the Internet Language as a New Semiotic System.....	53
Boyarskaya E.L., Metelev M.V. Abstract Nouns in Cognitive Lexicography: Constructing a Dictionary Entry (Based on the English Language).....	64
Gornostaeva Yu.A. Verbal and Non-Verbal Forms of Routinization of the Traumatic Experience of Francoism in Spanish Collective Memory.....	75
Beloshitskaya N.N. The Constitutive Features of Discourse Dramaturgy.....	89
Vovchenko V.E. Effect of Anglocentrism on the Translation of Web Development Documentation into Russian.....	101

PHILOSOPHY

Nozdrenko E.A. Shock Advertising: Destruction of Traditional Values and Norms in Contemporary Russian Society.....	109
---	-----

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editors

M.G. Averina,
A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

ul. Uritskogo 56, office 26, Arkhangelsk, 163060
Phone: +7 (8182) 21-61-00 (18-20)
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 22.04.2026.
Writing paper. Format 84×108 1/16.
Conv. printer's sh. 16.49.
Acad. publ. sh. 13.92.

Free price

© NARFU named after M.V. Lomonosov, 2026

Martin E. Philosophical Foundations of Metahumanism: A Critique of Projections of a Posthuman Future.....	121
Zaikov K.S., Terebikhin N.M., Shaparov A.E., Makulin A.V. Approaches to Studying the Phenomenon of Cultural Heritage and Its Impact on International Relations.....	133

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Ugolnikov Yu.A. On the Memoirs of Major General S.A. Shchepikhin.....	145
Shevchenko O.K., Timokhin A.M. A Knight at the Crossroads: Russian Philosophy Between Logos and Praxis.....	149
Information for Authors.....	155

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 5–17.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 5–17.

Научная статья
УДК 061.1(470.23-25)РАН:37"17"(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V495

Учебно-образовательная деятельность Географического департамента Петербургской Академии наук в XVIII веке: к вопросу о подготовке профессиональных кадров

Василий Олегович Яковлев^{1, 2}

¹Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: vertu1815@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3359-3602>

²Государственный музей «Исаакиевский собор», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье на основе документов из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук освещается слабо изученный в отечественной историографии вопрос об учебно-образовательной деятельности Географического департамента Петербургской Академии наук в XVIII веке. Источники показывают, что деятельность данного департамента не ограничивалась лишь работой по выпуску картографических произведений – с 1740 года при нем начали обучать студентов с целью подготовки собственных академических картографов (геодезистов). Позже, в конце 1760-х годов, к Географическому департаменту была присоединена Ландкартная палата, после чего все работы по гравированию картографических материалов сосредоточились в департаменте. В свою очередь это потребовало организации подготовки новых кадров – учеников, наиболее успешные из которых должны были быть произведены в геодезисты, менее успешные – стать подмастерьями-граверами. Опираясь на архивные документы, автор подсчитал, что за все 6 десятилетий учебно-образовательной деятельности через систему подготовки Географического департамента прошли не менее 30 воспитанников. Однако дискуссионным остается вопрос об эффективности учебно-образовательного процесса в Географическом департаменте. Следуя формальному подсчету, можно сделать вывод, что из числа его воспитанников лишь один был удостоен звания адъюнкта (И.Ф. Трускот) и только некоторые из них стали геодезистами, получив чины прапорщиков. С другой стороны, именно на плечи учеников, студентов и подмастерьев была возложена каждодневная и рутинная картосоставительская и гравировальная работа, а результативность деятельности всего Географического департамента во многом обеспечивалась именно их вкладом. Проведенное исследование показывает, что учебно-образовательный процесс являлся существенным направлением деятельности Географического департамента, что позволяет говорить о многоаспектности работы подразделения и его полифункциональной роли – научно-прикладной, учебно-образовательной, художественно-технической.

Яковлев В.О.

Учебно-образовательная деятельность Географического департамента Петербургской Академии наук...

Ключевые слова: *Петербургская Академия наук, Географический департамент, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, отечественная картография XVIII века, студенты и ученики Географического департамента Академии наук, отечественная географическая наука*

Для цитирования: Яковлев, В. О. Учебно-образовательная деятельность Географического департамента Петербургской Академии наук в XVIII веке: к вопросу о подготовке профессиональных кадров / В. О. Яковлев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 5-17.– DOI 10.37482/2687-1505-V495.

Original article

Educational Activities at the Geography Department of the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century: Training Professional Personnel

Vasiliy O. Yakovlev^{1,2}

¹St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia,

e-mail: vertu1815@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3359-3602>

²State Museum “Saint Isaac’s Cathedral”, St. Petersburg, Russia

Abstract. Based on documents from the collections of the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences, the article highlights a poorly studied issue in Russian historiography, namely, the educational activities of the Geography Department of the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century. The sources demonstrate that the Department was not solely occupied with the production of cartographic works: starting from 1740, they began training students as academic cartographers (geodesists) for their own needs. Later, at the end of the 1760s, the Cartographic Chamber was incorporated into the Geography Department, after which all work on engraving cartographic materials was concentrated in the Department. This, in turn, required training new specialists. The most skilful students were to become geodesists, while the less capable, apprentice engravers. Based on archival documents, the author calculated that over the six decades of its educational activities, the Geography Department had trained at least 30 students. At the same time, whether the educational process at the Department was effective is open to debate. Only one student received the title of adjunct professor (J. Truskott) and just a few attained the rank of *praporshchik* and became geodesists. On the other hand, it was the students and apprentices who were tasked with the routine daily work of mapping and engraving, and the effectiveness of the entire Geography Department largely depended on their contribution. The research demonstrates that teaching and training were important for the Geography Department, which highlights the multifaceted nature of the Department’s work and its multifunctional role, i.e. scientific and applied, educational, and artistic and technical.

Keywords: *St. Petersburg Academy of Sciences, Geography Department, St. Petersburg branch of RAS Archives, Russian Cartography of the 18th century, students of the Geography Department of the Academy of Sciences, Russian geography*

For citation: Yakovlev V.O. Educational Activities at the Geography Department of the St. Petersburg Academy of Sciences in the 18th Century: Training Professional Personnel. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 5–17. DOI: 10.37482/2687-1505-V495

Отечественные исследователи неоднократно отмечали, что одной из особенностей основанной в 1724 году Петербургской Академии наук являлось совмещение научной и учебно-образовательной деятельности [1, с. 5–6; 2, с. 29; 3, с. 56, 58, 59; 4, с. 108]. Академические университет и гимназия были созданы для подготовки научных кадров не только для самой Академии, но и для всей страны. Однако учебный процесс не ограничивался лишь этими структурными академическими подразделениями. Образовательная деятельность также проходила и в Географическом департаменте, официальное начало работы которого относится к лету 1735 года [5, с. 140]¹.

Несмотря на наличие исследований, посвященных истории образовательной деятельности в стенах Академии наук в XVIII столетии в целом и в стенах Географического департамента в частности, специалисты не уделяли внимания учебно-образовательной работе, проводившейся в рассматриваемом подразделении. Так, например, данная страница его развития не анализировалась В.Ф. Гнучевой – автором единственного отдельного труда по истории департамента [6]. Эту тему также оставляет без внимания и автор монографии «М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук» (1962) Е.С. Кулябко.

Цель работы – с опорой на документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) осветить один из слабоизученных аспектов деятельности Географического департамента как важного подразделения Петербургской Академии наук.

Отметим, что едва ли не единственным исследователем, в поле зрения которого попал учебно-образовательный процесс в департаменте, стал переводчик и архивариус

Конференции Императорской Академии наук К.Ф. Свенске (1797–1871). В частности, в одном из сочинений он писал: «По недостатку в то время при Академии сведущих и опытных геодезистов, сочтено было за нужное дать состоявшим при Географическом департаменте студентам высшее против прежнего специальное образование. С 1738 г. они <...> обязаны были слушать у профессоров физико-математические лекции. <...> Сверх того в Географическом департаменте их научали правилам копирования, приведения в меньший масштаб, расцветивания и сводки карт, а равно внесению мест в карты по общепринятому их правописанию и соответственно их положению и обстановке. Наконец студенты, под руководством адъютанта Географического департамента, были еще упражняемы в практической геодезии, в употреблении компаса, мензулы, шагомера и других землемерных приборов» [7, с. 44]. К.Ф. Свенске не привел ссылку на материалы, на которых основывалось его сообщение, а также допустил, по нашему мнению, непреднамеренную ошибку в датировке начала учебно-образовательной работы в рассматриваемом подразделении. Согласно документам из СПбФ АРАН, впервые Географический департамент принял студентов в сентябре 1740 года². Кроме того, упоминание об образовательной деятельности отсутствует в протоколах Географического бюро (департамента) второй половины 1730-х годов, опубликованных Н.И. Невской в 2000 году [5, с. 140–246].

Первыми студентами Географического департамента стали Михаил Коврин, Прокофий Шишкарев, Александр Чадов и Семен Старков – выпускники академических гимназии и университета, которые до 1736 года обучались в Славяно-греко-латинской академии³. Их име-

¹Завершение деятельности Географического департамента и его ликвидацию, скорее всего, следует отнести к 1803 году, когда был принят новый Регламент Академии наук, не предполагавший наличия в организационно-штатной структуре ряда прежних подразделений, в т. ч. и рассматриваемого департамента.

²СПбФ АРАН. Ф. 3 Оп. 10 Д. 209 Л. 1–1 об.

³Подробнее о переводе учеников из Спасских школ в Санкт-Петербург в 1736 году для обучения при Академии наук см. в [8].

на также указаны в перечне студентов из организационно-штатного расписания Академии наук, напечатанном в известном гравированном альбоме 1741 года «Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук [...]» [9, без пагинации, разворот «Императорская Академия наук со всем, что до оныя принадлежит»]. Вместе с ними в альбоме указаны фамилии ставших впоследствии известными служителями Географического департамента Кёнигсфельса⁴ и Трускота⁵, а также Шварца⁶ и некоего Милла, сведения о котором в документах не обнаружены. В перечне студентов эти имена объединены фигурной скобкой с отметкой о том, что указанные молодые люди состоят «при астрономии и сочинении ландкарт».

Обучение студентов в географическом подразделении Академии наук отражало насущную необходимость подготовки собственных геодезистов (картографов), способных как выполнить астрономические наблюдения, так и создавать картографические произведения. Например, в подготовке атласа Российской империи, выпущенного в свет при Академии наук

в 1745 году, принимали участие геодезисты Сената⁷. В Географическом департаменте студенты проходили подготовку под руководством профессоров Жозефа Никола Делиля и Христиана Никола Винсгейма.

В 1740-х годах при Географическом департаменте обучалось не менее 10 студентов⁸. В статусе студентов Географического департамента Федор Попов и Тобиас Кёнигсфельс участвовали в академических экспедициях 1740-х годов. В 1751 году студент Михаил Коврин по заданию руководства Академии наук предпринял самостоятельную экспедицию в Воронежскую губернию для составления плана некоего геологического объекта («каменных палат»)⁹. Ничего важного и заслуживающего внимания Академии наук тогда обнаружено не было. Во время поездки и раскопок Коврин вел журнал, сохранившейся в фондах СПбФ АРАН¹⁰ и представляющий сегодня безусловную ценность в качестве редчайшего образца эго-документа дневникового типа елизаветинского времени¹¹. В содержании путевого журнала вполне отчетливо вырисовываются контуры внутреннего

⁴Тобиас Кёнигсфельс (1716–ок. 1780) – студент Географического департамента. В 1740 году сопровождал французского астронома Жозефа Никола Делиля во время экспедиции в Березов, в ходе которой вел дневник. Подробнее о Кёнигсфельсе и его записках см. в [10, с. 246–265].

⁵Иван Фомич Трускот (1721–1786) – адъюнкт Географического департамента. У него самый продолжительный период службы в этом подразделении – с 1740 года вплоть до кончины, т. е. более 45 лет. Являлся наиболее плодовитым по сравнению с другими академическими картографами. В частности, трудился над картами для атласа 1745 года, исполнил рукописный оригинал плана Санкт-Петербурга (издан в 1753 году), работал над воссозданием картографических изображений на Большом Готторпском глобусе. По мнению В.Ф. Гнучевой, автором едва ли не половины картографических произведений, выпущенных Академией наук в XVIII веке, был именно Трускот [6, с. 47]. Подробнее о нем см.: [11, с. 525–531; 12, с. 246–247].

⁶Шварц (имя не установлено) – картограф (геодезист), работавший в Географическом департаменте в 1740-х годах (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 227. Л. 3–3 об.). Также в Научно-исследовательском отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук хранится выполненный им черновой незавершенный аксонометрический план Санкт-Петербурга (Основное собрание рукописных карт. № 775). Краткое описание плана см.: [6, с. 339, № 379].

⁷Подробнее об атласе 1745 года см.: [13, с. 50–55, 58, 59; 14, с. 50–51; 15, с. 183–192].

⁸Проخور Шишкарев, Александр Чадов, Семена Старков, Михаил Коврин, Иван Трускот, Тобиас Кёнигсфельс, Шварц, Рутг, Василий Кузнецов, Федор Попов (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 3. Л. 37–38 об., 48 об., 68, 214, 234; Д. 13. Л. 47, 50; Д. 215. Л. 1–9).

⁹СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 142. Л. 434–465; Оп. 10. Д. 129. Л. 1–19.

¹⁰Там же. Оп. 10. Д. 129. Л. 1–7, 16.

¹¹Подробнее о данной проблеме см.: [16; 17, с. 211–249].

самосознания автора, уровень его культуры, образования и воспитания¹².

В начале 1750-х годов в Географическом департаменте появляются студенты Осип Полидорский, Егор Павинский, Фаддей Охтенский и Иван Братковский¹³. Первые трое происходили из духовного сословия, были взяты для обучения в Академии наук из семинарий (новгородской и петербургской)¹⁴, а после прохождения обучения в академическом университете поступили в Географический департамент. В июне 1758 года высочайшим указом они были произведены в геодезисты с присвоением чина прапорщика¹⁵. Предположительно, получение чина являлось ключевой целью обучения в департаменте, впрочем, не все ее достигали. Например, упомянутый выше Михаил Коврин пребывал в статусе студента с сентября 1740 года вплоть до своей кончины в возрасте 33 лет в ноябре 1753 года¹⁶.

Знакомство с архивными документами позволяет судить и о финансовом обеспечении студентов. Так, в 1750-х годах минимальное годовое жалование студента Географического департаamenta составляло 36 р.¹⁷, среднее – 72 р.¹⁸, максимальное – 150 р.¹⁹

В декабре 1769 года по инициативе руководства Академии наук был подписан документ, касающийся организационно-административных сторон деятельности департаamenta, в т. ч. учебно-образовательных вопросов – «Положение, составленное Комиссией Академии наук для Географического департаamenta»²⁰. В частности, оно определяло штат научно-технического персонала Географического департаamenta (2 картографа и 10 учеников для будущего производства в геодезисты) и Ландкартной палаты (1 мастер, 1 «изобретатель и рещик картуш», 5 резчиков карт и 5 учеников «для текущих дел»). Последнее указывает на присоединение Ландкартной палаты к Географическому департаamentу²¹. В дальнейшем гравирование картографических произведений будет осуществляться непосредственно в департаменте. Кроме того, документ детально описывал принципы обучения и содержания учеников: «По укомплектовании Географического департаamenta и Ландкартной палаты упомянутым числом способных людей не бесполезно бы было для будущего времени учредить при Академии особое общество мальчиков

¹²О феномене русского путешественника XVIII столетия см. в [18].

¹³СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 191. Л. 1–1 об.

¹⁴Там же. Оп. 1. Д. 229. Л. 192–192 об.

¹⁵Там же. Л. 189–189 об. Подробнее о чинах геодезистов XVIII в. см.: [19].

¹⁶СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 206.

¹⁷Там же. Оп. 10. Д. 191. Л. 1 об.

¹⁸Там же. Л. 1.

¹⁹Именно такую сумму получал Михаил Коврин незадолго до кончины, о чем писала его вдова, прося Канцелярию Академии наук выдать положенное супругу жалование по день смерти (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 208).

²⁰СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 24. Л. 8–9. Публиковалось в [6, с. 207–209]. По сообщению В.Ф. Гнучевой копия документа, с которой осуществлялась публикация, имела заверку об утверждении рукой академика А.П. Протасова.

²¹Ландкартная палата являлась частью Гравировальной палаты и представляла собой одну из мастерских (палат), в которой граверы вырезали на медных досках картографические произведения. Документы по истории палаты сосредоточены в 7-й описи (Академические палаты) фонда 3 СПбФ АРАН (Д. 17–33). Интересно, что в архивной описи данное название применяется как синоним Гравировальной палаты. О присоединении Ландкартной палаты (как структуры Гравировальной палаты) к Географическому департаamentу в 1769 году упоминала М.А. Алексеева, однако без ссылки на источник и аргументации [20, с. 28].

под смотрением порядочного и ежели можно женатого человека подобное тому, какое ныне имеет в смотреии учитель Любецкой, которого главная должность будет пещися о добром воспитании и исправлении их нравов» [6, с. 207]. В это «общество» предполагалось набрать 12 мальчиков 7–8 лет, детей «свободных отцов». На начальном курсе мальчики должны были изучать русскую грамматику, немецкий и французский языки и рисование. Далее, по прошествии 4 лет, следовало обучение правописанию, рисованию, арифметике, геометрии, чтению и письму на немецком и французском языках при академической гимназии. По достижении 14–15 лет ученики должны были пройти экзамен, после которого наиболее способные определялись в Географический департамент, а менее способные – в Ландкартную палату. При этом отмечалось, что тех учеников, которые вообще не проявят расположения к работе в указанных двух подразделениях, можно определить в типографию или «Механическую лабораторию». Далее говорилось: «Все сие воспитанники под смотрением надзирателя должны остаться пока не исполнится им 18 лет, по прошествии сего времени Географического департамента ученики производимы быть могут в геодезисты, а другие в подмастерья ландкартного художества, глядя по их поведению, прилежанию и успехам. Когда из общежития выдут, должны обучаться сферической тригонометрии, практической астрономии, сочинению ландкарт и стараться достигнуть наконец до такого совершенства, чтоб сами могли сочинять ландкарты и в случае нужды делать наблюдения, до совершенства географии касающиеся» [6, с. 208]. Таким образом, Академия наук стремилась усовершенствовать и развить систему подготовки в Географическом департаменте узкоспециализированных кадров – картографов и гравиров, способных выполнять сложные картографические произведения.

Становясь студентами и учениками Географического департамента, юноши приводились священнослужителями к присяге, под текстом которой ставили свои подписи. В настоящее время в СПбФ АРАН обнаружены три подобных документа, датированных 1758 и 1773 годами. В первом документе речь идет о присяге ученика Якова Степанова (к присяге приводил иерей Петр Димитриев из церкви Харитона Исповедника, что при Синоде)²², во втором – «ландкартного художества» подмастерья Николая Зубкова, «литероландкартного художества» подмастерья Кирилла Фролова и «ландкартного художества» подмастерья Ивана Кувакина («приводил Академии наук иеромонах Кирилл»)²³. Наконец в третьем случае, так же в 1773 году, присягу принимал инославный ученик Йохан Цикель²⁴.

При рассмотрении учебно-образовательной деятельности Географического департамента представляется важным вопрос и о дифференциации «званий» его воспитанников – студентов и учеников. Отметим, что в известных нам документах какая-либо трактовка указанных понятий отсутствует. Мы склоняемся к версии о том, что студентами департамента становились молодые люди, освоившие курс академической гимназии и университета или получившие необходимые знания в иных учебных заведениях. Ученикам же только предстояло постичь «профильные» предметы, а главным критерием для поступления являлось наличие способностей к языкам и рисованию. Соответственно, отличался и возраст студентов и учеников. Так, например, Михаил Коврин стал студентом Географического департамента примерно в 21 год. Ученики же набирались, как отмечалось выше, в 7–8 лет, а иногда и в более раннем возрасте. В сентябре 1773 года комиссия Академии наук удовлетворила прошение студента Степана Никифорова

²²СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 229. Л. 75.

²³Там же. Д. 35. Л. 5.

²⁴Там же. Л. 18.

о принятии в академическую службу его шестилетнего сына Ивана, определив ему годовое жалование в 24 р.²⁵

В фондах СПбФ АРАН нам удалось обнаружить учебный план для учеников Географического департамента, датированный 7 июля 1770 года, благодаря которому можно представить их недельное расписание. Согласно плану, занятия проводились с понедельника по субботу с 7 часов утра до 5 часов по полудню²⁶. Они проходили в гимназии, департаменте, а в некоторые дни на дому (в частности, рисование). Изучались русский и немецкий языки, арифметика, чистопописание, рисование, копирование картографических материалов, катехизис. Исходя из реестра покупаемых для учеников продуктов, составленного учителем Николаем Любецким в июле 1772 года, на тот год их количество составляло 20 чел.²⁷

С июня 1772 года для обучения французскому языку учеников Географического департамента был назначен англичанин Джон Лот Кюне (*Jean Lot Kühne*). В июне 1773 года он составил на французском языке, вероятно, для академического руководства, примечательный документ, характеризующий 9 его воспитанников (русский перевод см. в *таблице*)²⁸. Рапорт оформлен в табличной форме и состоит из четырех граф: «имя ученика», «их способности», «их прилежание», «их нерадение». Так, мы узнаем, что, например, ученик Рыков «Переводит Телемаха с французского. По всей вероятности, если ему не хватает каких-то слов, то он использует немецкие в русском переводе. Читает и говорит так, что его можно понять». В свою очередь Назаров «в произ-

ношении превосходит всех, читает блестяще. Талантлив. Начинает бегло говорить и хорошо понимает разговор. Но того же не может сделать в немецком, как Рыков». Интересно замечание о Йонасе: «Слишком высокого мнения о себе, из-за чего делает больше ошибок, когда читает быстро». Наконец, Кюне особо отмечает языковые способности Шишкарева: «Его старание и желание изучать языки являются выдающимися. Заслуживают, чтобы их назвать редкими».

В 1780-х годах число студентов и учеников Географического департамента по неустановленной в настоящее время причине сократилось. В протоколах подразделения за 1783–1784 годы фигурируют лишь один студент – Андрей Ушаков, занимавшийся составлением рукописных картографических произведений²⁹, и несколько учеников, в основном граверов. В рапортах департамента за 1790-е годы упоминание студентов отсутствует вовсе, встречаются только имена геодезистов и «ландкартных» учеников, т. е. граверов³⁰.

К настоящему времени в документах Географического департамента Петербургской Академии наук³¹ выявлено не менее 30 имен студентов и учеников данного академического подразделения. Составление их коллективного портрета, равно как и более детальное освещение учебно-образовательной деятельности Географического департамента, – удел будущего, однако уже сейчас на основе обнаруженных документов можно сделать некоторые наблюдения и обобщения.

Как мы видим, деятельность Географического департамента Петербургской Академии

²⁵СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 35. Л. 67.

²⁶Там же. Д. 29. Л. 27.

²⁷Там же. Д. 34. Л. 14 об.

²⁸Там же. Д. 46. Л. Л. 90 об.–91.

²⁹ Там же Д. 32. Л. 256, 258 об., 327 об.; Д. 183. Л. 3, 7.

³⁰Там же. Д. 52. Л. 33; Д. 54. Л. 7, 96–96 об.

³¹Указанные дела содержатся в 10-й описи (Научно-организационные материалы Географического департамента) фонда 3 (Канцелярия/Комиссия Академии наук) СПбФ АРАН.

Русский перевод рапорта учителя Джона Лота Кюне об успеваемости учеников
Географического департамента в изучении французского языка (1775 г., июль (без даты))

Russian translation of teacher Jean Lot Kühne's report on the academic performance
of students of the Geography Department in French classes (July 1775 (undated))

Имя ученика	Их способности	Их прилежание	Их нерадение
1. Рыков	Переводит Телемаха с французского. По всей вероятности, если ему не хватает каких-то слов, то он использует немецкие в русском переводе. Читает и говорит так, что его можно понять	Необходимо, чтобы он больше старался, чем он показывает в классе. Словарь был бы ему верным помощником	Не найдя себя столь искусным, как он того бы хотел в переводе с французского на немецкий, он делал его от случая к случаю sporadически. Я не осмелился его отговорить от этой идеи, будучи убежденным, что нет лучшего наставника, чем увлеченность занятием
2. Назаров	В произношении превосходит всех, читает блестяще. Талантлив. Начинает бегло говорить и хорошо понимает разговор. Но того же не может сделать в немецком, как Рыков	Если бы его энергия позволила ему проявить себя лучше в самом начале, он бы превзошел всех. У него есть чувство французского языка и он старается его развивать	Довольно часто болеет
3. Ушаков	В начале пренебрег обучением. Читает довольно много, понимает и говорит достаточно много, есть надежда на то, что цель обучения будет достигнута	Он прикладывает достаточно много усилий, чтобы нагнать то, что пропустил по его собственным ощущениям	Довольно длительное время не заслуживал обвинений в нерадении
4. Йонас	Слишком высокого мнения о себе, из-за чего делает больше ошибок, когда читает быстро, чем если бы он был более внимательным. Он понимает и говорит достаточно много	Учит много наизусть	Точность произношения ему кажется излишней. Возможно, его зубы, его болезни и другие бедствия являются тому причиной
5. Максимов ³²			

³²Сведения по ученику Максиму не приведены по причине расположения таковых на стыке листов, что делает их обрывистыми и трудно воспроизводимыми.

Окончание таблицы

Имя ученика	Их способности	Их прилежание	Их нерадение
6. Жеваков	Отстает в чтении, перечитывает по несколько раз одни и те же слова. Вначале, когда у ученика в руках всегда была книга на двоих и когда он был усерден и слушал чтение несколько раз, прежде чем читать саму, он добивался лучших результатов. Но теперь только двое могут следить за книгой вместе со мной. Именно поэтому все, что они читают, кажется остальным чем-то новым. Остается лишь небольшая надежда	Не было такого случая, чтобы он рассказал урок без ошибок	В какой-то мере ленив, в какой-то туповат. Но его стремления явно выражены
7. Шишкарев	Пользовался словарем франко-русским. Если бы у него была книга его личная, ему не пришлось бы перечитывать один и тот же отрывок по несколько раз	Его старание и желание изучать языки являются выдающимися. Заслуживают, чтобы их назвать редкими	
8. Никифоров	Читает, как ребенок, сносно	Бездеятельный и еще очень мал, чтобы понимать свои собственные интересы. Отчетливое произношение еще трудно ему дается. Зачастую становится нечетким по причине его тихого голоса и стеснительности	Вместо того, чтобы выполнять задания по книге, очень часто отвлекается на другие вещи, как это свойственно ребенку. Но я надеюсь, он изменится со временем
9. Бородулин	Заикается (или запинаясь), читает не ровно и пока плохо. Но закончив чтение, очень доволен и ни о чем не беспокоится	С усилием усваивает урок и дурно его повторяет	Сдается. Он не делает ничего, предпочитая плакать, нежели «ломать голову»

Примечание. Источник: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 46. Л. 90 об.–91. Подлинник. Рукопись в лист. Французский курсив XVIII века. Перевод автора статьи.

наук в XVIII веке не ограничивалась сугубо картографическими и картосоставительскими «рамками». Полагаем, что академическое руководство последовательно и систематически пыталось организовать подготовку узконаправленных в профессиональном отношении кадров – студентов и учеников, которые в будущем должны были стать картографами и

граверами при департаменте в зависимости от способностей. Исходя из этого выстраивались и четкие кадровые вертикали: ученик–студент–геодезист у картографов и ученик–подмастерье–мастер среди гравировщиков.

Факт поступления студентов в Географический департамент после завершения обучения в академической гимназии и университете

позволяет нам рассматривать департамент в качестве дополнительной ступени «профессионального образования», направленной на получение узкоспециальных знаний и навыков. При этом дискуссионным остается вопрос об эффективности учебно-образовательного процесса в рассматриваемом департаменте. Следуя формальному подсчету, можно сделать вывод, что из числа его воспитанников лишь один был удостоен звания адьюнкта (Трускот) и только некоторые из них стали геодезистами, получив чины прапорщиков. С другой стороны, именно на плечи учеников, студентов и подмастерьев был возложен каждодневный и рутинный труд по составлению карт и гравировке. Иными словами, результативность деятельности всего Географического департамента во многом обеспечивалась именно их вкладом в рабочий процесс.

Статус студента академического Географического департамента, по нашему мнению, должен трактоваться несколько шире, нежели как просто маркер объекта учебно-образовательного процесса отдельно взятого научного учреждения. Приведение студентов к присяге, выделение для них жалования, привлечение их к картосоставительской работе (стратегическая отрасль для государства), поручение им особых «миссий» (направление в экспедиции) говорят в пользу того, что академическое руководство рассматривало их в качестве вполне определенных и самостоятельных государственных служащих, хотя и не имеющих чина.

Изучение учебно-образовательного процесса в Географическом департаменте представляется также значимым для истории кадровой политики и социального состава Петербургской Академии наук. Знакомство с архивными документами, содержащими сведения о студентах и учениках департамента, позволяет нам сделать следующие замечания. В подавляющем

большинстве студентами и учениками Академии являлись русские юноши из непривилегированных слоев, часто из духовного сословия (фактов поступления в Географический департамент представителей дворянства известные нам документы не содержат). Скудность жалования, стесненные материальные условия, неопределенность социального положения ввиду отсутствия чина отражают их непростую судьбу. Однако многолетнее обучение и работа в стенах Академии наук, контакты с выдающимися учеными и специалистами, приобщение к иностранным языкам, сложным научным практикам (астрономия, картография) и, наконец, к культуре Просвещения в целом должны были, на наш взгляд, сформировать особый тип личности. Важно отметить, что уровень образования и просвещения студентов и учеников Географического департамента Петербургской Академии наук превышал даже уровень, желательный для представителей русской аристократии той эпохи³³. Подобный новый для России XVIII века тип личности мог заложить основы для формирования общественного класса, названного впоследствии интеллигенцией³⁴.

Учебно-образовательный процесс являлся существенным направлением деятельности Географического департамента, пик развития которого выпал на 1750–1770-е годы. Именно в указанные десятилетия отмечено максимальное число воспитанников. Изучение учебно-образовательной деятельности Географического департамента дополняет наши знания об этой важной академической структуре, и сегодня мы имеем все основания говорить о многоаспектности работы департамента и его полифункциональной роли – научно-прикладной, учебно-образовательной, художественно-технической.

³³Актуальное исследование по теме дворянского воспитания в Российской империи см.: [21; 22]. О низком уровне образования среди русского дворянства рассматриваемого периода см.: [23].

³⁴О формировании класса разночинной интеллигенции в различных учебных заведениях XVIII века, включая Академию наук см.: [24]. Об истории интеллигенции в России также см.: [25–27].

Список литературы

1. Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л.: Наука, 1977. 228 с.
2. Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 216 с.
3. Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 211 с.
4. Петр Великий и основание Петербургской академии наук: документы и материалы: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Нестор-История, 2022. 169 с.
5. Источники по истории астрономии России XVIII в. / сост. и пер. Н.И. Невская. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. 405 с.
6. Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века / под ред. д-ра ист. наук А.И. Андреева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 446 с.
7. Свенске К.Ф. Материалы для истории составления атласа Российской империи, изданного Императорскою Академиею наук в 1745 г. // Зап. Император. Акад. наук. Т. IX. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1866. Прил. № 2. С. 1–59.
8. Белокуров С.А. Об отправлении учеников славяногреколатинской академии, в том числе и Ломоносова, из Москвы в С.-Петербург. 1735 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1911. 7 с.
9. Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили. СПб.: Тип. Имп. Академия наук, 1741. 21 с.
10. Шитлов И.А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2023. 368 с.
11. Шибанов Ф.А. И.Ф. Трускот, адъютант Географического департамента Академии наук XVIII в. // Изв. Всесоюз. географ. о-ва. Т. 115. Вып. 6. Ноябрь–декабрь. Л.: Наука, 1983. С. 525–531.
12. Кросс Э.Г. Британцы в Петербурге: XVIII век / пер. с англ. Н. и Ю. Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
13. Гольденберг Л.А. Географический департамент Академии наук и создание первого Академического Атласа (1739–1799) // Очерки по истории географической науки в СССР. М.: Наука, 1976. С. 47–60.
14. Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. 229 с.
15. Петрова Т.М., Лазебник О.А. Картографическое и семиотическое наследие «Атласа Российского» 1745 г. // Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М.В. Ломоносова (1765). СПб.: МАЭ РАН, 2016. Вып. 2. С. 183–192.
16. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.
17. Сдвижков Д.А. Россия в эпоху Семилетней войны по личным свидетельствам: проблемы и возможности // Россия в глобальном конфликте XVIII века. Семилетняя война (1756–1763) и российское общество: коллектив. моногр. / под ред. М.Ю. Анисимова, Д.А. Сдвижкова, при участии С.В. Доли. М.: Нов. лит. обозрение, 2023. С. 211–249.
18. Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения / отв. ред. Н.В. Кирющенко. СПб.: Ист. ил., 2003. 496 с.
19. Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII–начало XX в.). М.: ИДЭЛ, 2007. 527 с.
20. Гравировальная палата Академии наук XVIII века: сб. док. Л.: Наука, 1985. 293 с.
21. Ржеуцкий В.С. Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII–начало XIX века) // Идеал воспитания дворянства в Европе XVII–XIX века. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. С. 208–244.
22. Кирикова О.А. Мнение Петербургской академии наук о воспитании юного дворянина в 1730-х гг. // Петерб. ист. журн. 2022. № 1(33). С. 59–72. https://doi.org/10.51255/2311-603X_2022_1_59
23. Феофанов А.М. Уровень образованности высшей российской бюрократии второй половины XVIII – первой половины XIX в. // Вестн. Православ. Свято-Тихон. гуманит. ин-та. Сер. II: История. История Рус. Православ. Церкви. 2012. № 1(44). С. 17–27.
24. Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М.: Наука, 1965. 306 с.
25. Русская интеллигенция: История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука, 2000. 423 с.

26. Соколов К.Б. Русская интеллигенция XVIII – начала XX вв.: картина мира и повседневность. СПб.: Нестор – История, 2007. 510 с.

27. Сдвижков Д.А. Знайки и их друзья. Сравнительная история русской интеллигенции. М.: Нов. лит. обозрение, 2021. 392 с.

References

1. Kulyabko E.S. *Zamechatel'nye pitomtsy Akademicheskogo universiteta* [Remarkable Alumni of the Academic University]. Leningrad, 1977. 228 p.

2. Kulyabko E.S. *M.V. Lomonosov i uchebnaya deyatel'nost' Peterburgskoy Akademii nauk* [M.V. Lomonosov and the Educational Activities of the St. Petersburg Academy of Sciences]. Moscow, 1962. 216 p.

3. Kopelevich Yu.Kh. *Osnovanie Peterburgskoy akademii nauk* [Establishment of the St. Petersburg Academy of Sciences]. Leningrad, 1977. 211 p.

4. *Petr Velikiy i osnovanie Peterburgskoy akademii nauk: dokumenty i materialy* [Peter the Great and the Establishment of the St. Petersburg Academy of Sciences: Documents and Materials]. Pt. 1. St. Petersburg, 2022. 169 p.

5. Nevskaya N.I. (comp.). *Istochniki po istorii astronomii Rossii XVIII v.* [Sources on the History of Russian Astronomy in the 18th Century]. St. Petersburg, 2000. Vol. 1. 405 p.

6. Gnucheva V.F. *Geograficheskiy departament Akademii nauk XVIII veka* [Geography Department of the Academy of Sciences in the 18th Century]. Moscow, 1946. 446 p.

7. Svenske K.F. *Materialy dlya istorii sostavleniya atlasa Rossiyskoy imperii, izdannago Imperatorskoyu Akademieyu nauk v 1745 g.* [Materials for the History of Compilation of the Atlas of the Russian Empire, Published by the Imperial Academy of Sciences in 1745]. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 9. St. Petersburg, 1866. Appendix no. 2, pp. 1–59.

8. Belokurov S.A. *Ob otpravlenii uchenikov slavyanogrekolatinskoy akademii, v tom chisle i Lomonosova, iz Moskvy v S.-Peterburg. 1735 g.* [On Sending Students of the Slavic Greek Latin Academy, Including Lomonosov, from Moscow to St. Petersburg. Year 1735]. St. Petersburg, 1911. 7 p.

9. *Palaty Sankt-Peterburgskoy Imperatorskoy Akademii nauk, Biblioteki i Kunstkamery, kotorykh predstavleny plany, fasady i profili* [Chambers of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, Library, and Kunstkamera, with Their Plans, Facades and Profiles]. St. Petersburg, 1741. 21 p.

10. Shipilov I.A. *Akademicheskie ekspeditsii XVIII veka: rol' vspomogatel'nogo personala v izuchenii Sibiri* [Academic Expeditions of the 18th Century: The Role of Auxiliary Personnel in the Exploration of Siberia]. Novosibirsk, 2023. 368 p.

11. Shibanov F.A. I.F. Truskot, ad'yunkt Geograficheskogo departamenta Akademii nauk XVIII v. [J. Truskott, Adjunct Professor at the Geography Department of the Academy of Sciences in the 18th Century]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society]. Vol. 115. Iss. 6. November–December. Leningrad, 1983, pp. 525–531.

12. Cross A. *By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia*. Cambridge, 1996. 474 p. (Russ. ed.: Kross E.G. *Britantsy v Peterburge: XVIII vek*. St. Petersburg, 2005. 526 p.).

13. Gol'denberg L.A. *Geograficheskiy departament Akademii nauk i sozдание pervogo Akademicheskogo Atlasa (1739–1799)* [The Geography Department of the Academy of Sciences and the Creation of the First Academic Atlas (1739–1799)]. *Ocherki po istorii geograficheskoy nauki v SSSR* [Essays on the History of Geography in the USSR]. Moscow, 1976, pp. 47–60.

14. Postnikov A.V. *Razvitie krupnomasshtabnoy kartografii v Rossii* [The Development of Large-Scale Cartography in Russia]. Moscow, 1989. 229 p.

15. Petrova T.M., Lazebnik O.A. *Kartograficheskoe i semioticheskoe nasledie "Atlasa Rossiyskogo" 1745 g.* [The Cartographic and Semiotic Legacy of the 1745 *Atlas of Russia*]. *Lomonosovskie chteniya v Kunstkamere* [Lomonosov Readings at the Kunstkamera]. St. Petersburg, 2016. Iss. 2, pp. 183–192.

16. Tartakovskiy A.G. *Russkaya memuaristika XVIII – pervoy poloviny XIX v.: ot rukopisi k knige* [Russian Memoirs of the 18th – First Half of the 19th Centuries: From Manuscript to Book]. Moscow, 1991. 288 p.

17. Sdvizhkov D.A. *Rossiya v epokhu Semiletney voyny po lichnym svidetel'stvam: problemy i vozmozhnosti* [Russia During the Seven Years' War Based on Personal Testimonies: Problems and Opportunities]. Anisimov M.Yu.,

Sdvizhkov D.A. (eds.). *Rossiya v global'nom konflikte XVIII veka. Semiletnyaya vojna (1756–1763) i rossiyskoe obshchestvo* [Russia in the Global Conflict of the 18th Century. The Seven Years' War (1756–1763) and Russian Society]. Moscow, 2023, pp. 211–249.

18. Kozlov S.A. *Russkiy putesthestvennik epokhi Prosveshcheniya* [A Russian Traveller in the Age of Enlightenment]. St. Petersburg, 2003. 496 p.

19. Glushkov V.V. *Istoriya voennoy kartografii v Rossii (XVIII–nachalo XX v.)* [The History of Military Cartography in Russia (18th – Early 20th Centuries)]. Moscow, 2007. 527 p.

20. *Graviroval'naya palata Akademii nauk XVIII veka* [Engraving Chamber of the Academy of Sciences in the 18th Century]. Leningrad, 1985. 293 p.

21. Rzhetskiy V.S. Pro et contra: ideal vospitaniya vysshego dvoryanstva v Rossii (vtoraya polovina XVIII–nachalo XIX veka) [Pro et contra: The Education Ideal of the Nobility in Russia (Second Half of the 18th – Early 19th Centuries)]. *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope XVII–XIX veka* [The Education Ideal of the Nobility in Europe in the 17th – 19th Centuries]. Moscow, 2018, pp. 208–244.

22. Kirikova O.A. Petersburg Academy of Sciences' Opinion on the Education of a Young Man of Noble Birth in 1730s. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, 2022, no. 1, pp. 59–72 (in Russ.). https://doi.org/10.51255/2311-603X_2022_1_59

23. Feofanov A.M. Uroven' obrazovannosti vysshey rossiyskoy byurokratii vtoroy poloviny XVIII – pervoy poloviny XIX v. [The Educational Level of the Higher Russian Bureaucracy in 2nd Half of the XVIIIth – 1st Quarter of XIXth Century]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo instituta. Ser. II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 2012, no. 1, pp. 17–27.

24. Shtrange M.M. *Demokraticheskaya intelligentsiya Rossii v XVIII veke* [The Democratic Intelligentsia of Russia in the 18th Century]. Moscow, 1965. 306 p.

25. Knyazevskaya T.B. (comp.). *Russkaya intelligentsiya: Istoriya i sud'ba* [The Russian Intelligentsia: History and Fate]. Moscow, 2000. 423 p.

26. Sokolov K.B. *Russkaya intelligentsiya XVIII – nachala XX vv.: kartina mira i povsednevnost'* [The Russian Intelligentsia of the 18th – Early 20th Centuries: Worldview and Everyday Life]. St. Petersburg, 2007. 510 p.

27. Sdvizhkov D.A. *Znayki i ikh druž'ya. Sravnitel'naya istoriya russkoy intelligentsii* [Know-It-Alls and Their Friends. A Comparative History of the Russian Intelligentsia]. Moscow, 2021. 392 p.

Информация об авторе

В.О. Яковлев – аспирант Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, старший научный сотрудник Государственного музея «Исаакиевский собор» (адрес: 191186, Санкт-Петербург, Невский просп., дом 29-31, лит. «А», пом. 7Н).

Information about the author

Vasily O. Yakovlev, Postgraduate Student, St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; State Museum “Saint Isaac’s Cathedral” (address: Nevskiy prosp. 29-31, lit. A, pom. 7H, St. Petersburg, 191186, Russia).

Поступила в редакцию 14.07.2025

Одобрена после рецензирования 18.11.2025

Принята к публикации 25.11.2025

Submitted 14 July 2025

Approved after reviewing 18 November 2025

Accepted for publication 25 November 2025

Лукьянов В.Ю.

ШОС И БРИКС – история и современность

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 18–29.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 18–29.

Научная статья
УДК [327.7:339.9(БРИКС+ШОС)](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V496

ШОС И БРИКС – история и современность

Владимир Юрьевич Лукьянов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности двух важнейших международных структур современности – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и международного объединения «Бразилия–Россия–Индия–Китай–Южная Африка» (БРИКС). Анализ проводится в исторической ретроспективе – с момента создания структур до наших дней. Рассматривается значение международных организаций в мире в целом. Давая общую оценку геополитической ситуации, автор отмечает высокий уровень нестабильности существующей системы международных отношений, которая предопределяется противостоянием коллективного Запада и анти-Запада. Подчеркивается, что главными структурами анти-Запада являются ШОС и БРИКС, от которых в значительной мере зависит ход глобальных процессов. Отмечается усиление значения БРИКС как структуры, влияющей на геополитические процессы. Анализируются цели создания ШОС и БРИКС и круг решаемых ими задач. Значительная часть статьи посвящена попытке прогнозирования развития указанных организаций с опорой на исторические предпосылки. В контексте решения этой задачи рассматриваются две главных, с точки зрения автора, проблемы обеих структур. Первая – противоречия, возникающие из-за различий в отношении к Западу. Несмотря на неприятие странами-участницами ШОС и БРИКС претензий коллективного Запада на гегемонию, между ними имеются существенные разногласия в плане уровня конфликтности. Второй, не менее актуальной проблемой являются противоречия между государствами, состоящими в данных структурах. В контексте названных проблем анализируются отношения России и Китая как государств, занимающих лидирующие позиции в ШОС и БРИКС, противоречия в треугольнике «Индия–Пакистан–Китай», возникшие после вступления в ШОС Республики Индия и Исламской Республики Пакистан, перспективы данной организации в свете присоединения Исламской Республики Иран в 2023 году. В заключении автор пытается дать прогноз возможных сценариев развития ШОС и БРИКС, предложить варианты оптимизации их работы в аспекте рассмотренных проблем.

Ключевые слова: международные организации, ШОС, БРИКС, Запад, анти-Запад, консервативная модель, двусторонняя модель

Для цитирования: Лукьянов, В. Ю. ШОС И БРИКС – история и современность / В. Ю. Лукьянов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 18-29. – DOI 10.37482/2687-1505-V496.

Original article

The SCO and BRICS: History and Modernity

Vladimir Yu. Luk'yanov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia,

e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Abstract. This article studies the work of two of the most important international organizations of our time: the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Brazil–Russia–India–China–South Africa (BRICS) intergovernmental organization. The analysis is conducted in the historical retrospect, from the organizations' establishment to the present day. In addition, the article examines the significance of international organizations on the whole. In his general assessment of the geopolitical situation, the author notes the high level of instability in the existing system of international relations, which is determined by the confrontation between the Western and anti-Western countries. It is emphasized that the SCO and BRICS are the main anti-Western blocs and the course of global geopolitical processes largely depends on them. Further, the growing importance of BRICS as an organization that influences geopolitical processes is pointed out. The history of both organizations and the range of tasks they fulfil are studied. Based on the historical context, the author attempts to predict the development of the SCO and BRICS. To solve this task, two main problems, according to the author, of both organizations are considered. The first one is the difference in attitudes towards the West. Despite the non-acceptance of the Western claims to hegemony by the SCO and BRICS states, there are considerable disagreements as to the level of conflict with the West. The second and equally important issue is the discord between the member states of both organizations. In view of these problems, the author analysed the relationship between Russia and China as the leading countries both in the SCO and in BRICS, the disagreements in the India–Pakistan–China triangle that arose after India and Pakistan joined the SCO, as well as prospects for the organization in light of Iran's accession to the SCO in 2023. In the final part of the article, the author attempts to predict possible scenarios for the development of the SCO and BRICS and suggests ways of optimizing their work in the context of the problems discussed.

Keywords: *international organizations, SCO, BRICS, West, anti-Western bloc, conservative model, bilateral model*

For citation: Luk'yanov V.Yu. The SCO and BRICS: History and Modernity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 18–29. DOI: 10.37482/2687-1505-V496

Ситуацию, сложившуюся на мировой арене в период конца XX – первой четверти XXI века, отличает высокий уровень конфликтности, причиной которого является незавершенность процесса формирования системы междуна-

рных отношений, начавшегося в результате распада биполярной модели периода холодной войны. Способность Организации Объединенных Наций (ООН) обеспечить международный мир и безопасность вызывает сомнения [1, с. 110].

Сама организация, по мнению многих политиков и экспертов, нуждается в реформировании¹.

Очевидна необходимость создания системы международных отношений, которая смогла бы обеспечить мир и стабильность на планете. Важнейшую роль в решении поставленной задачи играют международные организации, что определяется, с точки зрения автора, двумя обстоятельствами. Прежде всего, расширяется круг международных организаций, воздействующих на геополитические процессы. Следует отметить рост влияния региональных структур – Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Лиги арабских государств, Организации американских государств. Усиливают свое влияние международные неправительственные организации (например, правозащитные, такие как Международная амнистия), международные правовые структуры (например, Международный уголовный суд), международные трибуналы [2]. Другим фактором, определяющим значение международных организаций, стало противостояние коллективного Запада, с которым принято отождествлять Соединенные Штаты Америки (США), Североатлантический альянс (НАТО), Евросоюз, и анти-Запада, основой которого являются Россия, Китайская Народная Республика (КНР) и международные структуры – прежде всего Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и международное объединение «Бразилия–Россия–Индия–Китай–Южная Африка» (БРИКС). По мысли доктора политических наук, профессора Московского государственного института международных отношений Т.А. Шаклеиной, вопрос о сохранении гегемонии стоит сегодня для коллективного За-

пада в предельно жесткой форме – либо лишить Россию и КНР возможности воздействовать на формирование мирового порядка, либо потерять привилегированное положение [3, с. 7]. Принципиально важное значение для отношений Запада и анти-Запада имело начало специальной военной операции (СВО) России на Украине, в результате которого процесс противостояния двух геополитических центров принял форму открытого столкновения [4, с. 51].

Международные организации в значительной мере становятся заложниками конфликта Запада и анти-Запада и инструментом их борьбы друг с другом. Прежде всего конфликт влияет на работу Совета Безопасности ООН, который разделен, по сути дела, на два противостоящих лагеря – Россия и КНР против США, Франции и Великобритании. Показательный, но далеко не единственный пример – «война резолюций» в ходе кризиса в Сирии, связанного с конфликтом президента Б. Асада и оппозиции. США, Франция и Великобритания предлагали на рассмотрение Совета Безопасности резолюции, возлагающие ответственность за кризис на Б. Асада и допускающие применение против его режима жестких мер (вплоть до военной интервенции). Однако Россия и КНР блокировали данные инициативы путем использования права вето. Фактически работа Совета Безопасности по решению сирийского вопроса была заблокирована [5].

Государства, противостоящие Западу, «пытаются создать собственные международные институты, конкурирующие с западными» [6, с. 113]. Так, принципиальную роль в формировании нового миропорядка играют между-

¹ Путин призвал расширить Совбез ООН странами Азии, Африки и Латинской Америки // Коммерсантъ. 2024. 24 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7250202> (дата обращения: 01.09.2025); При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех // Организация Объединенных Наций: [официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml> (дата обращения: 02.09.2025); Ходякин А. Генсек ООН признал неэффективность организации // Парламент. газ. 2018. 23 апр. URL: <https://www.pnp.ru/politics/gensek-oon-priznal-neeffectivnost-organizacii.html> (дата обращения: 04.09.2025); Кузнецова Е. Генсек ООН выступил за проведение реформы Совбеза: он предлагает убрать «реалии 1945 года» // Комсомол. правда. 2025. 17 сент. URL: https://www.kp.ru/online/news/6574486/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F17269a04-5579-542d-9755-9f7611c9c16a (дата обращения: 17.09.2025).

народные структуры, являющиеся основой полюса «анти-Запад», – ШОС и БРИКС [7, с. 10]. В состав обеих структур входят Россия, КНР и Республика Индия – три крупнейших евразийских державы. Две из них (Россия и КНР) имеют статус постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Анализ истории деятельности названных структур представляется актуальным для понимания тенденций развития современных геополитических процессов.

Цель исследования – определить перспективы развития ШОС и БРИКС в аспекте противостояния Запада и анти-Запада, обозначить пути оптимизации работы данных структур.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

1) выявлены проблемы, возникающие в ходе процесса расширения ШОС и БРИКС;

2) рассмотрены противоречия, обнаруживающиеся в рамках развития двусторонних отношений стран-участниц ШОС и БРИКС;

3) сопоставлены позиции стран-участниц ШОС и БРИКС в отношении Запада в рамках выбора «конфронтация–сотрудничество».

Проблемам ШОС и БРИКС посвящено значительное количество публикаций, которые, по мнению автора, можно разделить на две основных группы.

К первой следует отнести труды, анализирующие работу структур в целом. Среди них исследования Д.В. Малышева [8], П.П. Яковлева [9], И.В. Сибирякова [10], Ю.В. Кулинцева [11], Е.Е. Кочеткова, Е.В. Бестаевой [12], Ш. Го [13]. Дж. Киртона, М. Ларионовой [14]. В работах этой группы анализ проводится в историческом (изучение этапов становления и развития структур) и геополитическом (рассмотрение трансформации ШОС и БРИКС в важнейший геополитический центр по мере усиления их влияния на мировой арене) аспектах, перечисляются как достижения, так и проблемы, ключевые из которых – расширение ШОС и БРИКС, противоречия стран-участниц. Вывод, к которому приходят авторы, – обе структуры значительно

усилили свой потенциал, трансформировались в центр геополитического влияния, противостоящий на мировой арене коллективному Западу.

Вторая группа работ посвящена деятельности отдельных государств в рамках ШОС и БРИКС, а также проблеме двустороннего взаимодействия стран-участниц. В коллективной монографии Института Китая и современной Азии Российской академии наук анализируются перспективы сотрудничества стран Евразии по противодействию политическому и экономическому давлению Запада, в контексте укрепления взаимодействия России и стран ШОС, прежде всего КНР как геополитического союзника России [15]. В статье В.А. Соловьевой и Т.С. Ягья о роли КНР в БРИКС делается вывод, что она во многом использует объединение в собственных интересах, прежде всего за счет инвестирования в экономики стран-участниц [16]. В работе С. Лэн проанализированы причины возникновения конкуренции между КНР и Республикой Индия в БРИКС, рассмотрены возможности преодоления противоречий и усиления интеграции двух государств [17]. В статье Л.Э. Иликовой исследуются этапы развития БРИКС в контексте взаимодействия России и Федеративной Республики Бразилии в рамках объединения, отмечается, что эти государства играют значимую роль в геополитических процессах, объединены общностью целей и интересов [18].

Рассмотрим основные этапы формирования структур.

ШОС – международная организация, созданная в 2001 году. Ее учредителями стали Россия, КНР, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан. В 2017 году к ШОС присоединились Исламская Республика Пакистан и Республика Индия, а в 2023 – Исламская Республика Иран. Уже на стадии формирования озвучивалась идея о том, что данная организация в перспективе должна стать фундаментом многополярной модели мироустройства [19, с. 471]. Сегодня ШОС является «одним из важнейших

форматов международного сотрудничества, постепенно расширяет сферу своей деятельности, обретает собственное место в системе международных отношений» [20, с. 278]. Главным фактором, определяющим развитие ШОС, стало противостояние по линии «Запад–анти-Запад», требующее ее трансформации в организацию, которая была бы «ключевым институтом евразийской безопасности» [21, с. 131]. Позиционирование ШОС как структуры, влияющей на геополитические процессы, нашло отражение в решениях саммита организации, прошедшего в сентябре 2025 года. В принятой декларации говорилось о необходимости формирования многополярного мира, реформирования ООН в целях увеличения представительства в ней развивающихся стран, осуждения блоковых и конфронтационных подходов при решении геополитических проблем².

Основоположником БРИКС является крупный российский государственный деятель Е.М. Примаков, выдвинувший в ходе визита в Индию в 1998 году идею «стратегического треугольника» «Россия–Индия–Китай», ставшего основой данной структуры [22]. БРИКС, в отличие от ШОС, не организация, но неформальное объединение государств, основу которого составили Федеративная Республика Бразилия, Россия, Республика Индия, КНР и Южно-Африканская Республика (ЮАР). С 1 января 2024 года его членами стали Королевство Саудовская Аравия, Федеративная Демократическая Республика Эфиопия, Объединенные Арабские Эмираты, Арабская Республика Египет и Исламская Республика Иран (Аргентинская Рес-

публика получила приглашение, но отказалась от участия в БРИКС³). Изначально объединение ставило задачу налаживания экономического сотрудничества стран-участниц. Сейчас его цель – реформировать современную экономическую структуру и создать более справедливую модель международных отношений [19, с. 476].

Следует отметить тенденцию к стремлению БРИКС влиять на геополитические процессы. Показательны результаты саммитов, прошедших в ЮАР (2023), России (2024) и Федеративной Республике Бразилии (2025). Итогом саммита в ЮАР стало принятие заявления о приверженности идее многополярного мира. Помимо экономических тезисов (создание единой расчетной валюты стран БРИКС) в документе содержались и пункты политического характера (урегулирование дипломатическими методами иранской ядерной проблемы и украинского кризиса, недопустимость введения односторонних санкций против развивающихся стран). Особо следует подчеркнуть тезис о необходимости расширения Совета Безопасности ООН за счет увеличения представительства развивающихся государств⁴. Итогом саммита в России стало принятие документа, подтверждающего тезисы Йоханнесбургской декларации – приверженность идее многополярного мира, необходимость реформирования ООН⁵. Политическая составляющая в работе БРИКС сохранилась и в ходе последнего саммита, прошедшего летом 2025 года в Рио-Де-Жанейро. В принятой по его итогам декларации говорилось о стремлении БРИКС к многополярности,

²Тяньцзинская декларация Совета глав государств членов Шанхайской организации сотрудничества // Президент России: [официальный сайт]. 2025. 1 сент. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6376> (дата обращения: 08.10.2025).

³Новые власти Аргентины исключили вступление в БРИКС // РБК. 2023. 20 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/11/2023/655ae0639a794713656d8943> (дата обращения: 08.11.2025).

⁴Йоханнесбургская декларация – II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 18.10.2025).

⁵Казанская декларация саммита БРИКС. Основные тезисы // ТАСС. 2024. 23 окт. URL: <https://tass.ru/politika/22202081> (дата обращения: 18.10.2025).

необходимости расширения роли стран Азии, Африки и Латинской Америки в международных отношениях, урегулировании конфликтов на основе норм международного права. Декларация стала реакцией на важнейшие геополитические проблемы, в ней осуждались действия Израиля в Газе и содержался призыв к урегулированию украинского кризиса мирными средствами⁶.

Рассмотрим проблемы, возникающие в работе анализируемых структур. Как нам представляется, главная проблема может быть определена как отсутствие единой позиции в отношении Запада. В работах экспертов отмечается противоречивая тенденция, присущая государствам, состоящим как в ШОС, так и в БРИКС. С одной стороны, они не хотят принимать навязываемые Западом политические и экономические модели развития, но с другой – не заинтересованы в разрыве с ним из-за нежелания отказываться от преимуществ, которые дает сотрудничество, в виде доступа к рынкам, инвестициям и технологиям [7, с. 123; 21, с. 133; 23]. Указанная проблема проявляется прежде всего в отношениях наиболее влиятельных государств ШОС и БРИКС – России и КНР.

С одной стороны, данные страны позиционируются как союзники, занимающие солидарную позицию на мировой арене. Основа этой позиции – противодействие стремлению Запа-

да построить монополярный мир. Президент России В.В. Путин и генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая, председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно подчеркивали, что международные отношения должны быть основаны на принципе многополярности⁷. Решающее воздействие на сближение позиций двух государств оказали события 2022 года – начало СВО на Украине и обострение тайваньской проблемы. В марте 2023 года В.В. Путин и Си Цзиньпин выступили с совместным заявлением, в котором сообщили о единой позиции в тайваньском вопросе, приверженности концепции «одного Китая», неприемлемости созданного в 2021 году военно-политического союза AUKUS, сотрудничестве двух государств в борьбе с «цветными революциями» в Центральной Азии⁸.

Однако, с другой стороны, в российско-китайских отношениях имеются и существенные противоречия. Если для России важен с геополитической точки зрения европейский регион, прежде всего постсоветское пространство, то для КНР – Азиатско-тихоокеанский регион [24]. Позиции сторон отличаются и в экономике, что актуально в первую очередь для отношений с США. Для КНР США, несмотря на все имеющиеся противоречия, остаются одним из главных экономических партнеров, т. к. ки-

⁶Декларация Рио-Де-Жанейро. Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого развития. Рио-де-Жанейро, Бразилия. 6 июля 2025 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 08.10.2025).

⁷Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху и глобальном устойчивом развитии // Президент России: [офиц. сайт]. 2022. 4 февр. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 15.08.2025); Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающего в новую эпоху, 21 марта 2023 // Постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО: [офиц. сайт]. 2023. 23 марта. URL: https://russianunesco.mid.ru/ru/press_service/news/sovместное_zayavlenie_rossiyskoy_federatsii_i_kitayskoy_narodnoy_respubliki_ob_uglublennii_otnosheniy/ (дата обращения: 10.09.2025).

⁸Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающего в новую эпоху, 21 марта 2023 // Постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО: [офиц. сайт]. 2023. 23 марта. URL: https://russianunesco.mid.ru/ru/press_service/news/sovместное_zayavlenie_rossiyskoy_federatsii_i_kitayskoy_narodnoy_respubliki_ob_uglublennii_otnosheniy/ (дата обращения: 10.09.2025).

тайская и американская экономики тесно взаимосвязаны в условиях «глобального мира и международного разделения труда» [25, с. 104]. Напротив, масштабы экономического сотрудничества России и США неуклонно снижаются, причиной чего стали прежде всего украинский кризис, начало СВО в феврале 2022 года. В апреле 2022 года президент США Дж. Байден подписал указ о запрете инвестиций в экономику России⁹.

Несовпадение позиций сказывается на видении перспектив развития как ШОС, так и БРИКС. Применительно к ШОС КНР руководствуется «азиатским форматом», т. е. исходит из того, что организация должна заниматься проблемами Центральной Азии. Россия рассматривает ШОС как инструмент противостояния с Западом [23, с. 118]. Несовпадение интересов имеет место и в БРИКС. Россия видит данную организацию как инструмент геополитического сдерживания США, в то время КНР – как возможность достижения доминирования в мировой экономике при сохранении экономических связей с Западом [26, с. 305]. В целом «Китай делает ставку не на создание новой международной архитектуры, а на максимальное расширение своего присутствия и влияния в уже существующих международных институтах, в которых долгое время доминировали западные страны» [23, с. 117]. На сегодняшний день в БРИКС между сторонами достигнут компромисс. Россия пытается использовать эту организацию как инструмент политической борьбы с Западом, прежде всего на постсоветском пространстве, рассчитывая на то, что КНР не будет в этом препятствовать. В обмен на это Россия, так же как и другие государства БРИКС, не препятствует стремлению КНР добиваться лидирующих позиций в мировой экономике [26, с. 305].

Другой проблемой является сохранение единства организаций. В случае ШОС данная проблема обострилась после вступления в 2017 году Республики Индия и Исламской Республики Пакистан. Территориальный конфликт этих государств продолжается с момента обретения ими независимости. Ситуацию усугубляют территориальные противоречия Республики Индия и КНР. Противоречия в «треугольнике» «Индия–Пакистан–Китай» могут стать препятствием в работе ШОС [27, с. 139], т. к. решения в данной организации принимаются на основе консенсуса. Иными словами, каждая из стран-участниц может заблокировать работу структуры. В условиях конфликта названных государств это может привести к «институциональному тупику» – невозможности принятия решений из-за имеющихся противоречий [27, с. 153]. Для БРИКС источником противоречий является, прежде всего, вопрос о степени конфликтности стран-участниц в отношениях с Западом. Если для России или Исламской Республики Иран геополитическое противостояние с Западом – проблема, требующая немедленного решения, то для Республики Индия или Объединенных Арабских Эмиратов – вопрос не первоочередного характера¹⁰.

Подводя итоги, автор считает возможным сделать следующие выводы.

Основную задачу, стоящую перед ШОС и БРИКС, можно определить если не как формирование единой позиции в отношении Запада, то, по крайней мере, как сближение позиций и преодоление внутренних противоречий. Решение этих проблем усилит положение структур на мировой арене.

Повышение эффективности работы БРИКС путем трансформации в международную организацию едва ли возможно. Это связано с несовпадением интересов стран-участниц, о ко-

⁹Байден подписал указ о запрете новых инвестиций в российскую экономику // RT. 2022. 7 апр. URL: <https://russian.rt.com/world/news/987030-sankcii-baiden-ukaz> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁰Лукьянов Ф. Чего не хватает БРИКС для дальнейшего развития // РСМД. 2024. 28 окт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/chego-ne-khvataet-briks-dlya-dalneyshego-razvitiya/> (дата обращения: 17.09.2025).

тором говорилось выше. С учетом этого, оптимальным видится сочетание в работе объединения двух вариантов развития, которые можно обозначить терминами «консервативная модель» и «двусторонняя модель»¹¹.

Консервативная модель предполагает акцентирование на проблемах, в решении которых заинтересованы все члены БРИКС, невзирая на существующие противоречия. В качестве примера можно привести идею расширения представительства развивающихся стран в Совете Безопасности ООН, сформулированную в Йоханнесбургской и Казанской декларациях, а также в декларации саммита БРИКС в Рио-Де-Жанейро. Вторая подразумевает решение проблем в рамках отношений отдельных стран-участниц. При этом решение проблем соответствует общей логике и интересам развития структуры в целом.

Термин «двусторонняя модель» достаточно близок понятиям «двустороннее сотрудничество» или «двусторонние связи». Вместе с тем, как нам представляется, между этими категориями существует определенное отличие. Двусторонняя модель подразумевает, на наш взгляд, установление тесных связей между отдельно взятыми государствами, переход на более высокий уровень сотрудничества по сравнению с двусторонними связями. Примером успешной реализации двусторонней модели, на наш взгляд, могут служить рассмотренные выше совместные действия России и КНР антизападного характера. В результате событий

2022 года (начало СВО и обострение проблемы Тайваня) Россия и КНР не просто объявили о приверженности идеям многополярного мира, как это было ранее, но заняли солидарную, подчеркнута антизападную позицию, которая была зафиксирована в совместном заявлении¹².

Для повышения эффективности работы БРИКС представляется необходимым на время отказаться и от расширения структуры, т. к. оно только усугубит имеющиеся проблемы, приведет к усилению несогласованности действий. На данный момент разумнее сосредоточиться на устранении или, по крайней мере, смягчении имеющихся внутренних противоречий¹³.

В случае ШОС, по мнению автора, применимы те же подходы, т. е. сочетание названных консервативной и двусторонней моделей. С одной стороны, расширение направлений сотрудничества, в развитии которых заинтересованы все страны-участницы, с другой – сотрудничество отдельных государств, лежащее в русле общей логики развития организации. Актуальность сотрудничества в рамках двусторонней модели возросла после вступления в ШОС Исламской Республики Иран в 2023 году. В результате выхода США в 2018 году из Совместного всеобъемлющего плана действия, направленного на решение иранской ядерной проблемы, Исламская Республика Иран выбрала антизападный, антиамериканский вектор развития, изменение которого в обозримой перспективе не предвидится¹⁴. Результатом стало сближе-

¹¹БРИКС – современные проблемы и перспективы развития // Центр стратегических оценок и прогнозов. 2017. 6 нояб. URL: <https://csef.ru/politica-i-geopolitica/326/briks-sovremennye-problemy-i-perspektivy-razvitiya-8088> (дата обращения: 15.10.2025).

¹²Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающего в новую эпоху, 21 марта 2023 // Постоянное представительство Российской Федерации при ЮНЕСКО: [официальный сайт]. 2023. 23 марта. URL: https://russianunesco.mid.ru/ru/press_service/news/sovместное_zayavlenie_rossiyskoy_federatsii_i_kitayskoy_narodnoy_respubliki_ob_uglublenii_otnosheniy/ (дата обращения: 10.09.2025).

¹³БРИКС – современные проблемы и перспективы развития // Центр стратегических оценок и прогнозов. 2017. 6 нояб. URL: <https://csef.ru/politica-i-geopolitica/326/briks-sovremennye-problemy-i-perspektivy-razvitiya-8088> (дата обращения: 11.09.2025).

¹⁴ИРАН в ШОС: вынужденный поворот на Восток и альтернативный миропорядок // РСМД. 2021. 6 окт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-v-shos-vynuzhdenyy-povorot-na-vostok-i-alternativnyy-miroporядok/> (дата обращения: 17.08.2025).

ние Исламской Республики Иран, России и КНР на основе противостояния Западу, возникла перспектива создания геополитического треугольника «Россия–Иран–Китай» в виде стратегического союза, направленного против США [28].

Представляется необходимым на время отказать и от расширения ШОС. Связанные с ним проблемы стоят перед данной организацией даже более остро, чем перед БРИКС. Это обусловлено упомянутым выше вступлением в организацию Республики Индия и Исламской Республики Пакистан. Приоритетом должно стать внутреннее реформирование, прежде всего усиление силового направления. ШОС не является военно-политическим союзом, аналогичным НАТО или ОДКБ. Безопасность в Хартии ШОС трактуется как «противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией»¹⁵.

Трансформация ШОС в военно-политический союз едва ли возможна ввиду внутренних

противоречий стран-участниц. Однако необходимо укрепление сотрудничества в области безопасности в рамках уже существующих механизмов – прежде всего Региональной антитеррористической структуры¹⁶.

Опыт сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС, рассмотренный в работе, – совместное противодействие Западу России и КНР, деятельность обеих структур, направленная на усиление позиций в ООН стран «третьего мира» – позволяет, с точки зрения автора, сделать вывод, что в перспективе обе структуры имеют потенциал для укрепления позиций. Повышение эффективности их работы, преодоление или, по крайней мере, смягчение противоречий возможно, как было показано выше, путем внесения в повестку дня проблем, в решении которых заинтересованы все страны-участницы ШОС и БРИКС, а также решения на основе сотрудничества отдельных государств проблем, не противоречащих фундаментальным целям структур. Другим направлением роста эффективности работы ШОС и БРИКС является временный отказ от их расширения в целях внутреннего реформирования, преодоления существующих противоречий.

Список литературы

1. Троицкий М.А. Конкурирующие концепции справедливости в мировой политике // Полис. Полит. исследован. 2022. № 2. С. 99–114. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.08>
2. Скурко Е.В. Роль международных организаций в защите мира и безопасности (обзор) // Соц. и гуманитар. науки: отечеств. и зарубеж. литература. Сер. 4: Гос-во и право. 2023. № 1. С. 55–67. <https://doi.org/10.31249/iajpravo/2023.01.04>
3. Шаклеина Т. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка в XXI веке? // Междунар. процессы. 2022. Т. 20, № 4(71). С. 6–22. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2>
4. Гринин Л.Е. Ускорение реконфигурации Мир-Системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на реконфигурацию Мир-Системы // Век глобализации. 2023. № 2(46). С. 50–72. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.02.06>

¹⁵Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 6 июня 2002 г. // Президент России: [офиц. сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁶ШОС стала жизнеспособным объединением с обширными планами и большим будущим // RG.RU. 2022. 23 дек. URL: <https://rg.ru/2022/12/23/strategicheskoe-reshenie.html> (дата обращения: 17.09.2025).

5. Лукьянов В.Ю. Российско-американские отношения в аспекте политического конфликта в Сирии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2025. Т. 25, № 2. С. 43–53. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V416>
6. Макарычева А.В., Силаев Н.Ю., Данилин И.В., Чеков А.Д., Шавлай Э.П., Столярова С.А. «Безбилетники» либерального порядка: повестка международного развития и символические политики восходящих держав // Вестн. МГИМО–ун-та. 2019. Т. 12, № 6. С. 109–128. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-109-128>
7. Торкунов А.В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Полис. Полит. исследования 2022. № 5. С. 7–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02>
8. Мальшиев Д.В. ШОС И БРИКС в условиях становления многополярного мирового порядка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Междунар. отношения и мир. политика. 2024. Т. 16, № 2. С. 9–31. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-2-9-31>
9. Яковлев П.П. Расширение БРИКС и новый этап борьбы глобальных альтернатив // Перспективы. Электрон. журн. 2024. № 4(35). С. 7–20. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2023-4-7-20>
10. Сибиряков И.В. Рождение БРИК: первые программные заявления новой международной организации // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманит. науки. 2024. Т. 24, № 4. С. 43–48. <https://doi.org/10.14529/ssh240405>
11. Кулинцев Ю.В. ШОС как международная региональная организация: особенности становления // Восток. Афро-азиат. о-ва: история и современность. 2019. № 5. С. 83–93. <https://doi.org/10.31857/S086919080006956-8>
12. Кочетков Е.Е., Бестаева Е.В. Шанхайская организация сотрудничества: этапы расширения и перспективы эволюции // Гуманит. науки. Вестн. Финанс. ун-та. 2025. Т. 15, № 1. С. 87–94. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-1-87-94>
13. Го Ш. Политическое сотрудничество в рамках ШОС: актуальность, ответы на современные вызовы и перспективы развития // О-во: политика, экономика, право. 2024. № 6. С. 73–78. <https://doi.org/10.24158/pep.2024.6.9>
14. Kirton J., Larionova M. The First Fifteen Years of the BRICS // Int. Organisat. Res. J. 2022. Vol. 17. № 2. С. 7–30. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-01>
15. Асмолов К.В., Бабаев К.В., Балакин В.И., Виноградов И.С., Давыдов А.С., Исаев А.С., Клименко А.Ф., Мамахаев Т.М., Матвеев В.А., Мокрецкий А.Ч., Морозов Ю.В., Сафронова Е.И., Сазонов С.Л., Замараева Н.А., Уянаев С.В. Китай, Россия и ШОС в системе безопасности Евразии. Проблемы многостороннего взаимодействия в условиях глобально-региональной конфронтации и антироссийского санкционного давления М.: Ин-т Китая и соврем. Азии Рос. акад. наук, 2023. 170 с. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.64.66.001>
16. Соловьева В.А., Ягья Т.С. Деятельность Китайской Народной Республики в рамках БРИКС // Россия в глоб. мире. 2022. № 22(45). С. 117–125. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.22.10>
17. Лэн С. Глобальная конкуренция в контексте развития отношений стран БРИКС (на примере Китая и Индии) // О-во: политика, экономика, право. 2025. № 2(139). С. 61–66. <https://doi.org/10.24158/pep.2025.2.7>
18. Иликова Л.Э. БРИКС в российской перспективе: аспекты двустороннего сотрудничества России и Бразилии // Рос. исследования. 2023. Т. 4, № 1. С. 58–70.
19. Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестн. РУДН: Сер. междунар. отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 469–482. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482>
20. Поршинева О.С., Разинков С.Л. Институциональное становление и эволюция деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа // Вестн. РУДН. Сер.: Междунар. отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 264–279. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-264-279>
21. Еникеев Ш.М., Лукин А.В., Новиков Д.П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19, № 1. С. 129–148. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-06>
22. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Рос. газ., 2009. 239 с.
23. Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестн. МГИМО–Ун-та 2016. № 3(48). С. 112–122. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122>
24. Труш С.М. Россия – США – Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50, № 3. С. 5–24. <https://doi.org/10.31857/S268667300008591-0>
25. Ермаков Д.Н., Казенков О.Ю. Американо-китайские отношения в условиях глобализации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. Т. 52, № 8. С. 102–124. <https://doi.org/10.31857/S2686673022080089>

26. Ткаченко С.Л., Коил У. БРИКС и новая модель гегемонистской стабильности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Международ. отношения. 2020. Т. 13, № 3. С. 294–309.

27. Муратбекова А. Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестн. междунар. организаций. 2019. Т. 14, № 4. С. 138–160.

28. Гарбузарова Е.Г. Геополитический треугольник «Россия–Иран–Китай» в условиях глобальных трансформаций // Ойкумена. Регионовед. исследования. 2024. № 1(68). С. 166–175.

References

1. Troitskiy M.A. Konkuriuyushchie kontseptsii spravedlivosti v mirovoy politike [Competing Conceptions of Justice in World Politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2022, no. 2, pp. 99–114. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.08>

2. Skurko E.V. Rol' mezhdunarodnykh organizatsiy v zashchite mira i bezopasnosti (obzor) [The Role of International Organizations in Maintaining Peace and Security. (Review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 1, pp. 55–67. <https://doi.org/10.31249/iajpravo/2023.01.04>

3. Shakleina T. Perelomnyy moment v mirovom razviti. Sokhranit li Zapad preobladayushchee vliyaniye na formirovaniye mirovogo poryadka v XXI veke? [Turning Point in Global Development. Will the West Keep Its Predominant Influence on World Order in the 21st Century?]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 6–22. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.2>

4. Grinin L.E. Uskorenie rekonfiguratsii Mir-Sistemy v svyazi s SVO i vozmozhnye stsennarii budushchego. St. 1. Kak SVO vliyaet na rekonfiguratsiyu Mir-Sistemy [Accelerating the Reconfiguration of the World-System in Relation to the Special Military Operation in Ukraine and Possible Future Scenarios. Article 1. The Impact of the Special Military Operation in Ukraine on the Reconfiguration of the World-System]. *Vek globalizatsii*, 2023, no. 2, pp. 50–72. <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.02.06>

5. Luk'yanov V.Yu. Russia–United States Relations in Terms of the Political Conflict in Syria. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 43–53. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V416>

6. Makarycheva A.V., Silaev N.Yu., Danilin I.V., Chekov A.D., Shavlay E.P., Stolyarova S.A. “Bezbiletniki” liberal'nogo poryadka: povestka mezhdunarodnogo razvitiya i simvolicheskie politiki voskhodyashchikh derzhav [Liberal Order “Free Riders”: International Development Agenda and the Symbolic Policies of the Rising Powers]. *Vestnik MGIMO–universiteta*, 2019, vol. 12, no. 6, pp. 109–128. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-6-69-109-128>

7. Torkunov A.V. Rossiya i politicheskiy poryadok v menyayushchemsya mire: tsennosti, instituty, perspektivy [Russia and Political Order in a Changing World: Values, Institutions, Prospects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2022, no. 5, pp. 7–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02>

8. Malyshev D.V. SCO and BRICS in an Emerging Multipolar World Order. *Lomonosov World Polit. J.*, vol. 16, no. 2, pp. 9–31 (in Russ.). <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-2-9-31>

9. Yakovlev P.P. Rasshirenie BRIKS i novyy etap bor'by global'nykh al'ternativ [BRICS Enlargement and a New Stage in the Fight of Global Alternatives]. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal*, 2024, no. 4, pp. 7–20. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2023-4-7-20>

10. Sibiryakov I.V. The Birth of BRIC: The First Policy Statements of a New International Organization. *Bull. South Ural State Univ. Ser. Humanit. Soc. Sci.*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 43–48. (in Russ.). <https://doi.org/10.14529/ssh240405>

11. Kulintsev Yu.V. SCO as an International Regional Organization: Development Stages. *Vostok. Oriens*, 2019, no. 5, pp. 83–93 (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086919080006956-8>

12. Kochetkov E.E., Bestaeva E.V. Shanghai Cooperation Organization: Stages of Expansion and Prospects of Evolution. *Humanit. Soc. Sci. Bull. Financ. Univ.*, 2025, vol. 15, no. 1, pp. 87–94 (in Russ.). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-1-87-94>

13. Guo Shanshan. Political Cooperation Within the SCO: Relevance, Responses to Modern Challenges, and Development Prospects. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2024, no. 6, pp. 73–78 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2024.6.9>

14. Kirton J., Larionova M. The First Fifteen Years of the BRICS. *Int. Organ. Res. J.*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 7–30. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-01>

15. Asmolov K.V., Babaev K.V., Balakin V.I., Vinogradov I.S., Davydov A.S., Isaev A.S., Klimenko A.F., Mamakhatov T.M., Matveev V.A., Mokretsky A.Ch., Morozov Yu.V., Safronova E.I., Sazonov S.L., Zamaraeva N.A., Uyanaev S.V. *China, Russia and the SCO in the Eurasian Security System Problems of Multilateral Cooperation at the Face of Confrontation and Anti-Russian Sanctions Pressure*. Moscow, 2023. 170 p. (in Russ.). <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.64.66.001>
16. Solovyeva V.A., Yagya T.S. The Activities of the People's Republic of China Within the Framework of BRICS. *Russ. Glob. World*, 2022, no. 22, pp. 117–125 (in Russ.). <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.22.10>
17. Leng Xiaotian. Global Competition in the Context of the Development of Relations Between the BRICS Countries (Using the Example of China and India). *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2025, no. 2, pp. 61–66 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2025.2.7>
18. Ilikova L.E. BRICS in the Russian Perspective: Aspects of Bilateral Cooperation of Russia and Brazil. *J. Russ. Stud.*, 2023, vol. 4, pp. 58–70 (in Russ.).
19. Yurtaev V.I., Rogov A.S. BRICS and SCO: Particular Qualities of Formation and Activities. *Vestn. RUDN. Int. Relat.*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 469–482 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482>
20. Porshneva O.S., Razinkov S.L. Institutional Formation and Development of SCO Activities: Experience of Retrospective Analysis. *Vestn. RUDN Int. Relat.*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 264–279 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-264-279>
21. Yenikeyeff Sh., Lukin A., Novikov D. The Shanghai Cooperation Organisation in New Geopolitical Realities. *Int. Organ. Res. J.*, 2024, vol. 19, no. 1, pp. 129–148 (in Russ.). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-06>
22. Primakov E.M. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaya blizorukost'* [A World Without Russia? Where Political Myopia Leads Us]. Moscow, 2009. 239 p.
23. Denisov I.E., Safranchuk I.A. Chetyre problemy ShOS v svete voprosa o rasshirenii organizatsii [Four SCO Enlargement Problems]. *Vestnik MGIMO–Universiteta*, 2016, no. 3, pp. 112–122. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122>
24. Trough S.M. Russia–U.S.–China: Motives and Risks of Russian–Chinese Military Cohesion. *USA Canada Econ. Polit. Cult.*, 2020, vol. 50, no. 3, pp. 5–24 (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/S268667300008591-0>
25. Ermakov D.N., Kazenkov O.Yu. US–China Relations in the Context of Globalization. *USA Canada Econ. Polit. Cult.*, 2022, vol. 52, no. 8, pp. 102–124 (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2686673022080089>
26. Tkachenko S.L., Coyle W. BRICS and a New Model of Hegemonic Stability. *Vestn. St. Petersburg Univ. Int. Relat.*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 294–309 (in Russ.).
27. Muratbekova A. Exploring the Shanghai Cooperation Organisation's Identity Crisis: What Is Next? *Int. Organ. Res. J.*, 2019, vol. 14, no. 4, pp. 138–160 (in Russ.).
28. Garbuzarova E.G. The Geopolitical Triangle “Russia–Iran–China” in the Context of Global Transformations. *Oyukumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2024, no. 1, pp. 166–175 (in Russ.).

Информация об авторе

В.Ю. Лукьянов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67).

Information about the author

Vladimir Yu. Luk'yanov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of International Entrepreneurship, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (address: ul. Bol'shaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russia).

Поступила в редакцию 25.12.2024
Одобрена после рецензирования 26.11.2025
Принята к публикации 28.11.2025

Submitted 25 December 2024
Approved after reviewing 26 November 2025
Accepted for publication 28 November 2025

Ещенко Ю.Г.

Подготовка кадров нефтяной промышленности в послевоенный период...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 30–42.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 30–42.

Научная статья
УДК 94(574)[378:622.3](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V497

Подготовка кадров нефтяной промышленности в послевоенный период (на материалах Прикаспийской нефтегазоносной провинции)

Юлия Геннадьевна Ещенко

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Астрахань, Россия,
e-mail: pushistik_yuliya@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1207-327X>

Аннотация. Подготовка квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров являлась непрерывным условием восстановления производственного потенциала ключевых отраслей промышленности в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. В статье анализируется государственная политика в сфере обучения специалистов для предприятий нефтяного сектора Союза Советских Социалистических Республик (СССР) во второй половине 1940-х годов. С опорой на материалы о деятельности предприятий Прикаспийской нефтегазоносной провинции рассматриваются такие направления советской образовательной политики, как оптимизация профессионально-квалификационной структуры, аттестация работников, обеспечение практико-ориентированного обучения при подготовке молодых кадров нефтяников, а также повышение квалификации и профессиональное переобучение уже работавших специалистов. Автором привлечена широкая источниковая база центральных и региональных архивных фондов, представленная законодательными материалами союзных органов власти, ведомственной нормативно-правовой документацией, делопроизводственными и статистическими сведениями по Министерству нефтяной промышленности восточных районов СССР, часть из которых впервые вводится в научный оборот. В результате исследования сделан вывод, что основной кадровой проблемой для предприятий нефтяного сектора являлась нехватка специалистов с профильным образованием. Подготовка нужного количества молодых кадров заданных специальностей была рассчитана на несколько лет, в то время как на восстановление производственных мощностей нефтедобывающих промыслов и перерабатывающих предприятий до довоенного уровня был отведен ограниченный срок. Для оперативного заполнения вакантных ставок использовались отраслевые краткосрочные курсы по переподготовке и получению второй профессии без отрыва от производства, а также курсы по повышению квалификации. Отмечается, что низкий общеобразовательный уровень специалистов и отсутствие профессионального образования, особенно среди рабочих, смещали акцент в обучении на практическую составляющую и не гарантировали успешное освоение новой профессии.

Ключевые слова: нефтяная промышленность, послевоенный период, Министерство нефтяной промышленности восточных районов СССР, Прикаспийская нефтегазоносная провинция, подготовка кадров, обучение нефтяников, повышение квалификации

© Ещенко Ю.Г., 2026

Для цитирования: Ещенко, Ю. Г. Подготовка кадров нефтяной промышленности в послевоенный период (на материалах Прикаспийской нефтегазоносной провинции) / Ю. Г. Ещенко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 30-42. – DOI 10.37482/2687-1505-V497.

Original article

Training Oil Industry Personnel in the Post-War Period (Caspian Oil-and-Gas Province)

Yuliya G. Eshchenko

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia,

e-mail: pushistik_yuliya@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1207-327X>

Abstract. Training skilled workmen and engineers was fundamental to restoring the production potential of key industries in the first years after the end of the Great Patriotic War. This article analyses the state policy on training specialists for oil enterprises in the USSR in the second half of the 1940s. Based on the materials of the Caspian oil-and-gas province, the article examines such strands of Soviet education policy as optimization of the vocational and qualification structure, formal evaluation of workers, practice-oriented training of young oil industry workers, as well as professional development and vocational retraining of specialists with working experience. The author utilized a wide range of sources from central and regional archives (legal, regulatory and statistical documents), some of which had not been introduced into scientific discourse. As a result, it was concluded that the main personnel problem for enterprises in the oil sector was the shortage of employees with industry-specific education. The training of the required number of new workers was supposed to take several years, while the production capacity of oil fields and processing plants had to be restored to pre-war levels within a limited time frame. To quickly fill vacant positions, short-term retraining courses, on-the-job second profession training, and professional development courses were provided. The author notes that the low level of general education and the lack of vocational training, especially among workmen, shifted the emphasis in training to the practical component and did not guarantee a successful acquisition of a new profession.

Keywords: oil industry, post-war period, Ministry of Oil Industry of the Eastern Regions of the USSR, Caspian oil-and-gas province, personnel training, training of oil industry workers, professional development

For citation: Eshchenko Yu.G. Training Oil Industry Personnel in the Post-War Period (Caspian Oil-and-Gas Province). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 30–42. DOI: 10.37482/2687-1505-V497

Обеспечение промышленного производства трудовыми ресурсами, особенно в периоды после окончания военных конфликтов, когда возникает необходимость интеграции значительного количества демобилизованных в мирную жизнь, является актуальной общественно-по-

литической и экономической задачей. Поэтому своевременным представляется обращение к опыту Союза Советских Социалистических Республик (СССР) по снабжению кадрами ключевых отраслей промышленности в условиях дефицита квалифицированных специалистов

после окончания Великой Отечественной войны (ВОВ). Кадровый голод послевоенного периода был обусловлен двумя основополагающими, справедливыми для всех отраслей советской экономики факторами: огромными потерями человеческих ресурсов в период ВОВ и необходимостью переориентации промышленности с оборонного производства на работу в мирных условиях.

Восстановительный характер послевоенного периода нашел отражение в названии очередного пятилетнего плана развития страны, в котором в числе прочего определялись такие цели государственной политики в сфере подготовки кадров, как «обеспечить рост высококвалифицированных технических кадров; улучшить подготовку кадров для производства путем увеличения производственного обучения новых рабочих»¹. Применительно к нефтяной отрасли это должно было выразиться в увеличении количественных показателей нефтедобычи, нефтепереработки, разведочного и эксплуатационного бурения, особенно в восточных районах страны, и достижении к 1949 году довоенного уровня производства².

Целью исследования является анализ основных мероприятий государственной политики по осуществлению подготовки кадров для предприятий нефтяной промышленности СССР в первые годы после окончания ВОВ с опорой на материалы Прикаспийской нефтегазоносной провинции. Территориальные рамки провинции включали в себя регионы Нижнего Поволжья (Астраханская, Сталинградская и Саратовская области) и западные области Казахской Советской Социалистической Республики (Западно-Казахстанская, Гурьевская, Актюбинская области), которые после разделения Народного комиссариата нефтяной промышленности СССР находились в ведении Народного комиссариата (с марта 1946 года – министерства) нефтяной промышленности восточных районов СССР.

История советской нефтяной промышленности исследована достаточно полно. Следует отметить современные отечественные работы, посвященные разным аспектам послевоенного восстановления отрасли как в общегосударственном масштабе [1–3], так и в конкретных регионах [4–6]. Способы решения кадровой проблемы в нефтяной промышленности в данных научных публикациях не являлись основным предметом исследования, однако авторы отмечали нехватку квалифицированных специалистов как одно из последствий военного периода.

Вопросы обеспечения квалифицированными работниками приоритетных отраслей советской экономики – металлургии, топливно-энергетического комплекса, машиностроения – проанализированы Д.Р. Хисамутдиновым [7]. Он отмечает значение системы государственных трудовых резервов в период четвертой пятилетки как одного из основных источников пополнения рабочими кадрами, а также роль распределения специалистов после окончания школ фабрично-заводского обучения [7, с. 239], вопросы подготовки инженеров остаются за пределами сферы исследовательских интересов данного автора.

Краткая характеристика организации высшего нефтяного образования в предвоенный и военный период с опорой на материал Урало-Поволжья дана в серии сообщений коллектива ученых из Уфимского государственного нефтяного технического университета [8; 9]. Следует отметить, что материалы и документы по освоению ресурсов Урало-Поволжской нефтегазоносной провинции неоднократно использовались для анализа существовавшей в послевоенный период системы подготовки и переподготовки кадров. М.Р. Минкин в диссертационном исследовании на примере Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (АССР) показал весь комплекс

¹Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: [в 5 т.]: сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 251.

²Там же. С. 260.

существовавшего образования: от подготовки кадров массовых рабочих профессий и работы нефтяных и политехнических техникумов до становления вузовской системы нефтяного образования в ресурсообеспеченном регионе в 1950–1960-х годах [10]. В диссертации М.Д. Салимова, нацеленной на изучение нефтяного хозяйства Башкирской АССР, также затрагивается вопрос об организации подготовки инженерных кадров и роли высших учебных заведений и науки в развитии нефтяной отрасли республики в 1940–1950-х годах [11].

Дифференциация оплаты труда специалистов в послевоенный период в зависимости от отраслевой принадлежности предприятий как результат реализации мобилизационной стратегии развития советского государства рассмотрена в исследовании М.А. Клиновой. Автор отмечает повышенные размеры заработка сотрудников нефтедобывающих трестов по сравнению с другими промышленными предприятиями [12].

Таким образом, следует констатировать, что, несмотря на наличие ряда близких по теме публикаций, вопрос подготовки нефтяников в первые послевоенные годы является недостаточно проработанным.

Специфика предмета исследования обусловила выбор соответствующей источниковой базы, представленной в первую очередь законодательными, нормативно-правовыми и распорядительными документами, как отложившимися в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-5446. Совет Министров СССР), Государственного архива Астраханской области (ГААО. Ф. Р-3097. Астраханская товарно-транспортная контора Главного товарно-транспортного управления Министерства нефтяной промышленности СССР), так и опубликованными в сборниках материалов и постановлений советского правительства. Кроме

того, привлекались делопроизводственные и статистические материалы из указанных архивных фондов, отражающие реализацию законодательных инициатив по организации обучения и повышения квалификации кадров в объединениях и трестах Прикаспийской нефтегазодобывающей провинции. Многие из указанных документов впервые вводятся в научный оборот.

Методология исследования базируется на принципах историзма, объективности, системности. Первый позволяет рассмотреть проблему обеспечения кадрами нефтяной отрасли в общеисторическом контексте. Второй помогает избежать идеологической заданности при анализе документов советского периода. Третий дает возможность рассмотреть подготовку кадров как совокупность различных уровней (высшего, среднего) и видов (повышение квалификации, переподготовка и др.) образования.

Оптимизация профессионально-квалификационной структуры кадров на предприятиях нефтяной промышленности

Решение задач, непосредственно касавшихся подготовки кадров, накладывалось на необходимость экономии финансовых и материальных средств, повышения эффективности работы предприятий, ухода от сформировавшейся в военные годы практики экстренного достижения поставленных производственных планов без учета материальных или трудовых потерь. В связи с этим в первую очередь было принято решение произвести пересмотр существовавшей профессионально-квалификационной структуры кадров, что вылилось в процесс оптимизации административно-управленческого и вспомогательного персонала, начавшийся на предприятиях нефтяной промышленности уже в конце 1945 года.

В рамках реализации постановления Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 28 декабря 1945 года³ нарком нефтяной про-

³Постановление СНК СССР № 3191 «О сокращении штатов административно-управленческого персонала по Наркомоборприпасов, Наркомнефти, Наркомэлектропрому, Наркомстанкостроения, Наркомлегпрому, Наркомтекстилю, Наркомсовхозов и Наркомстройматериалов СССР, Главлесоохране при СНК СССР и по учреждениям, предприятиям и организациям Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Эстонской и Латвийской союзных республик» от 28 декабря 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 268. Л. 116–119.

мышленности СССР Н.К. Байбаков дал приказ начальникам Главнефтедобычи, Главнефтепереработки, Главнефтемаша, Главнефтестроя, Главнефтеурса, Главтехснабнефти и другим главам наркомата о сокращении административно-управленческого персонала в подведомственных организациях и на предприятиях. Выбор должностей для ликвидации предоставлялся начальникам объединений и управляющим трестами, но в рамках выделенного к сокращению количества штатных единиц. Отчет о выполнении приказа был представлен в главные управления уже к 5 февраля 1946 года. Так, к примеру, по объединению «Казахстаннефть» было сокращено 145 штатных единиц⁴.

Кроме этого, Советом Министров СССР с 15 августа 1946 года был установлен запрет на расширение штатов административно-управленческого аппарата советских государственных, хозяйственных, кооперативных и общественных организаций, который продлевался на протяжении нескольких лет⁵. Для нефтяной отрасли данный запрет был весьма актуален в связи с управленческими преобразованиями, в результате которых административный аппарат и так был существенно расширен. В марте 1946 года Наркомат нефтяной промышленности был разделен на Наркомат нефтяной промышленности южных и западных районов СССР и Наркомат нефтяной промышленности восточных районов СССР, преобразованные вслед за этим в министерства⁶.

После оптимизации была проведена аттестация руководящих и инженерных работников на предприятиях нефтяной промышленности, с целью изучения квалификационной структуры кадров, правильной их расстановки, а также «для создания резерва для выдвижения на высшие должности из числа подготовленных и оправдавших себя на практической работе»⁷. Аттестация проводилась с 1 февраля по 1 мая 1948 года. Ее проходили начальники объединений, управляющие трестами, директора заводов и их заместители, начальники отделов и секторов, главные технологи, главные и старшие геологи, главные механики, начальники важнейших цехов, старшие инженеры, инженеры, начальники геологоразведочных партий, начальники и старшие инженеры разведок, старшие экономисты, главные бухгалтеры и др.⁸

Председатель аттестационной комиссии назначался заместителем министра по кадрам И.Д. Карягиным. В результате аттестации была осуществлена оценка работников по таким критериям, как политическая и техническая грамотность, знание порученного участка работы, умение решать технические и хозяйственные вопросы, внедрять новую технику, подбирать и расставлять кадры, обеспечивать выполнение и перевыполнение установленных производственных заданий по количественным и качественным показателям и пр.⁹

⁴Приказ Наркомата нефтяной промышленности СССР № 112 «О сокращении штатов административно-управленческого персонала организаций и предприятий Наркомнефти» от 31 декабря 1945 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2.

⁵Приказ Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР № 70а от 15 августа 1946 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 8. Л. 50–50об.; Постановление Совета Министров СССР № 1751 «О запрещении расширения штатов административно-управленческого аппарата советских государственных, хозяйственных, кооперативных и общественных организаций» от 13 августа 1946 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 282. Л. 122–124.

⁶Закон «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик» от 15 марта 1946 г. // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2002. С. 25–26.

⁷Приказ Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР № 9 «Об аттестовании руководящих и инженерно-технических работников предприятий и организаций» от 8 января 1948 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 20. Л. 53–58 об.

⁸Там же. Л. 54 об.

⁹Там же. Л. 55–55 об.

В 1946 году последовал ряд ревизий и проверок финансово-хозяйственной деятельности нефтяных предприятий Прикаспийской нефтегазоносной провинции, инициированных как Министерством нефтяной промышленности восточных районов СССР, так и Министерством государственного контроля СССР. Производился мониторинг своевременности выплаты и правильности начисления заработной платы и различных надбавок сотрудникам предприятий нефтяной промышленности, обоснованности расходов по командировкам, эффективности работы отделов рабочего снабжения, обеспеченности работников жильем и пр.¹⁰ Выявлению реального положения дел на предприятиях Прикаспийской нефтегазоносной провинции препятствовало низкое качество ведения отчетной документации. Сложности в организации финансовой работы были обусловлены недостаточными количеством и низкой квалификацией бухгалтеров и работников финансово-экономических отделов. В связи с этим было принято решение восстановить специальность «Бухгалтерский учет», ликвидированную ранее в Гурьевском нефтяном техникуме, а также выйти с ходатайством в Министерство высшего образования СССР об открытии с 1946/1947 учебного года в Московском нефтяном институте имени академика И.М. Губкина на инженерно-экономическом факультете специальности «Промышленный учет и калькуляция» для подготовки специалистов высшей квалификации¹¹.

Также мониторинг выявил сложную кадровую ситуацию в отрасли. В министерстве констатировалась нехватка узкоспециализированных рабочих нефтяного профиля и инженерно-технических кадров нефтяников не только в регионе, но и по стране в целом. Для покрытия имевшегося дефицита трудовых ресурсов был

осуществлен ряд мероприятий, направленных как на непосредственное улучшение организации образовательного процесса по подготовке молодых кадров, так и на повышение квалификации и профессиональное переобучение уже работавших в отрасли специалистов.

Обеспечение практико-ориентированного обучения при подготовке молодых кадров

При реализации обучения по нефтяным специальностям акцент был сделан на обновление устаревшей или разрушенной в военный период материально-технической базы, оснащение учебных заведений специализированным оборудованием. Так, по специальному распоряжению министра нефтяной промышленности восточных районов СССР М.А. Евсеенко в 1946 году было закончено возведение учебных мастерских Гурьевского нефтяного техникума, а за счет аренды дополнительных помещений произошло расширение аудиторного фонда, что позволило осуществить переход к занятиям в одну смену. Объединение «Казахстаннефть» передало указанному техникуму макеты для оснащения кабинетов нефтепромыслового дела¹².

Для организации систематической работы по развитию материально-технической базы образовательные учреждения были закреплены за объединениями, трестами и предприятиями нефтяной промышленности. В 1946 году в структуре Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР функционировали следующие нефтяные техникумы: Ашхабадский (закреплен за трестом «Туркменнефть»), Гурьевский (объединение «Казахстаннефть»), Кокандский (трест «Калининнефть»), Сахалинский (объединение «Дальнефть»), Молотовский (объединение «Молотовнефть»), Сызранский (трест «Сызраньнефть»), Ишимбайский (трест «Ишимбайнефть»), Бугурусланский

¹⁰ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 8. Л. 30–49.

¹¹Приказ Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР № 131 «Об итогах финансово-хозяйственной деятельности предприятий и организаций Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР за 1945 и первый квартал 1946 г.» от 7 июня 1946 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 8. Л. 17–26 об.

¹²ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 8. Л. 56 об.

(трест «Бугурусланнефть»), Куйбышевский (завод № 443 – Куйбышевский нефтеперерабатывающий завод), а также Кунгурский машиностроительный техникум (завод № 426 – Кунгурский машиностроительный завод), Уфимский геологоразведочный техникум (объединение «Башнефть»)¹³. Производственные объединения и нефтетресты также обязали осуществлять снабжение подведомственных техникумов необходимыми канцелярскими товарами, бумагой, строительными материалами для текущего ремонта и пр.¹⁴

С материально-технической базой учебных заведений была неразрывно связана организация практического обучения. Во второй половине 1940-х годов были актуализированы основополагающие документы, регламентировавшие производственное обучение специалистов и разработанные еще в довоенный период.

В соответствии с постановлением СНК СССР № 778 от 24 июня 1944 года «Об утверждении положения о производственной практике учащихся техникумов (средних специальных учебных заведений)» приказом министра нефтяной промышленности восточных районов СССР № 343 от 21 октября 1946 года был утвержден список предприятий и организаций министерства, прикреплявшихся к нефтяным техникумам для прохождения производственной практики учащимися сроком на 3 года до 1949 года включительно (в дальнейшем список уточнялся и переутверждался)¹⁵. Следует отметить, что указанный перечень был несколько шире и более детализированным, чем список предприятий, закрепленных для работы по развитию материально-технической базы. Дирек-

тора нефтяных техникумов заключали с предприятиями договоры о прохождении практики с указанием в них сроков практики и количества планировавшихся практикантов. На директоров предприятий была возложена обязанность по обеспечению практикантов квалифицированными руководителями, рабочими местами, необходимым оборудованием, реактивами и материалами, спецодеждой по нормам, установленным для постоянных работников, а также бесплатным помещением для жилья и питанием на общих основаниях¹⁶. Так, учащиеся Гурьевского нефтяного техникума проходили практику на предприятиях объединения «Казахстаннефть», трестов «Актюбнефть» и «Казэнергонефть», на заводе № 441 треста № 1 (Гурьевский нефтеперерабатывающий завод). Согласно списку предприятий и организаций министерства, прикреплявшихся к нефтяным техникумам для прохождения практики, объединение «Казахстаннефть» принимало практикантов из Молотовского нефтяного техникума, а трест «Казэнергонефть» – из Кокандского нефтяного техникума. В Саратовское отделение Государственного союзного геофизического треста направлялись учащиеся Сызранского нефтяного техникума¹⁷.

В рамках организации практического обучения будущих инженеров нефтяного дела в ноябре 1946 года был утвержден список предприятий и организаций, прикреплявшихся к Московскому ордена Трудового Красного Знамени нефтяному институту имени академика И.М Губкина и его уфимскому филиалу для реализации производственной практики, сроком на 4 года по 1950 год включительно. Договора

¹³Приказ Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР № 108/а «О подготовке нефтяных техникумов к новому 1946/47 учебному году» от 30 августа 1946 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 8. Л. 57–57 об.

¹⁴ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 8. Л. 56 об.

¹⁵Там же. Д. 9. Л. 95.

¹⁶Приказ Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР № 108/а «О подготовке нефтяных техникумов к новому 1946/47 учебному году» от 30 августа 1946 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.

¹⁷ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 9. Л. 95 об., 96, 96 об.

с предприятиями включали в себя не только производственную, но и преддипломную практику студентов¹⁸.

В число баз практик по Министерству нефтяной промышленности восточных районов СССР в зависимости от специальности обучавшихся и принадлежности техникумов отдельным главкам министерства входили предприятия Главвостокнефтедобычи (предприятия объединений «Куйбышевнефть», «Башнефть», «Казахстаннефть», «Молотовнефть», «Дальнефть», трестов «Туркменозокерит», «Ферганозокерит», «Туркменнефть», «Калининнефть», Государственного союзного геофизического треста); Главвостокнефтепереработки (заводы № 417, 421, 228, 431, 443, 441, 416, трест «Нефтезаводпроект»); Главвостокнефтемаша (заводы № 424, 426, 440, завод ордена Трудового Красного Знамени № 414, завод им. Петрова, завод им. И.В. Сталина); Главвостокнефтеразведки (Московский, Татарский и Нижне-Волжский геологоразведочные тресты)¹⁹.

Серьезной проблемой при реализации образовательного процесса была нехватка педагогических кадров в нефтяных техникумах, особенно по профильным дисциплинам. Отделом руководящих кадров Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР к началу 1946 учебного года было направлено на постоянную педагогическую работу в подведомственные учебные заведения 23 инженера (5 геофизиков, 4 буровика, 2 эксплуатационника, 2 электротехника, 2 технолога-нефтяника, 2 геолога, 6 механиков)²⁰. Естественно, такие незначительные кадровые вливания не могли улучшить сложную послевоенную ситуацию с

педагогическим составом в техникумах. Поэтому в целях обеспечения нефтяных техникумов квалифицированными преподавателями специалистами с ненормированным рабочим днем, работавшим в системе министерства или на предприятиях, по ходатайству директоров техникумов было разрешено осуществлять преподавательскую деятельность²¹. Таким образом был ликвидирован дефицит педагогического состава и решена задача привлечения специалистов-практиков к преподаванию.

Повышение квалификации и профессиональное переобучение специалистов на предприятиях нефтяной промышленности

Подготовка молодых специалистов была рассчитана на средне- и долгосрочную перспективу, а оперативно решать проблемы нехватки кадров определенных специальностей позволяла система повышения квалификации и переподготовки (обучения новым профессиям). Для переподготовки рабочих кадров использовались бригадно-индивидуальное обучение без отрыва от производства, курсовое обучение с отрывом и без отрыва от производства, для повышения квалификации – курсы технического минимума, стахановские школы, обучение рабочих вторым профессиям, курсы целевого назначения²².

На курсах, организовывавшихся Министерством нефтяной промышленности восточных районов СССР с 1946 года, было решено прекратить практику комплектования слушателей за счет административно-управленческого персонала предприятий и министерства, не имевшего достаточного практического опыта и соответствующего образования. 1 ноября 1946 года начали работу курсы усовершенст-

¹⁸Приказ Министра нефтяной промышленности восточных районов СССР № 370 от 4 ноября 1946 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 9. Л. 101–102.

¹⁹Там же. Л. 102.

²⁰Там же. Д. 8. Л. 56 об.

²¹Приказ Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР № 108/а «О подготовке нефтяных техникумов к новому 1946/47 учебному году» от 30 августа 1946 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 8. Л. 57–57 об.

²²ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 19. Л. 11 об.

ования инженерно-технических кадров нефтяной промышленности. Набор был произведен из числа зарекомендовавших себя в работе на производстве инженеров и экономистов. Контингент слушателей был установлен в количестве 90 чел. для 6-месячных курсов (по специальностям «Геология нефтяных месторождений (промысловая и полевая)» – 20 чел., «Бурение скважин» – 15 чел., «Нефтепромысловое дело» – 15 чел., «Технология нефти и газа» – 15 чел., «Нефтяное машиностроение» – 10 чел., «Экономика и планирование нефтяной промышленности» – 15 чел.) и 50 чел. для 3-месячных курсов (по специальностям «Техника безопасности» – 15 чел., «Техническое снабжение» – 15 чел., «Автотранспорт» – 20 чел.). Отбор слушателей из заявок, представленных объединениями, трестами и предприятиями министерства, производила комиссия во главе с заместителем министра И.Д. Карягиным, а в качестве преподавателей были привлечены специалисты из главных управлений министерства и профильных научно-исследовательских учреждений²³.

По итогам 1946 года установленный по министерству план переподготовки квалифицированных рабочих был выполнен на 105 % (12 345 чел.), план повышения квалификации – на 129,8 % (19 259 чел.)²⁴. Тем не менее столь оптимистичная статистика не являлась показателем улучшения кадровой ситуации в отрасли. Стремление к выполнению планов приводило к перекосу профильной структуры подготавливаемых специалистов, что выражалось в преобладании легких и быстрых для освоения, широко распространенных профессий (например, шоферов) при минимальном количестве учававшихся основным нефтяным специально-

стям. Так, план подготовки бурильщиков и их помощников был выполнен по министерству в 1946 году на 79,5 %, вышкомонтажников – на 15,4 %, слесарей по ремонту бурового оборудования – на 44,5 %, операторов по подземному ремонту – на 26 %²⁵.

В разрезе отдельных предприятий ситуация могла быть даже хуже. Так, в объединении «Казахстаннефть» в 1946 году план по переобучению кадров был выполнен на 89,4 %, особенно слабо осуществлялась переподготовка по профильным рабочим профессиям: план подготовки бурильщиков и их помощников был выполнен на 11 %, а такие специалисты, как вышкомонтажники и слесари по буровому оборудованию, не подготавливались вообще. Объединение объясняло подобную ситуацию тем, что «руководители подчиненных предприятий систематически не выполняют распоряжений по переподготовке кадров»²⁶.

В то же время потребность в специалистах на предприятиях Прикаспийской нефтегазодобывающей провинции, как и в целом по стране, была велика. К примеру, на начало 1947 года по предприятиям объединения «Казахстаннефть» нехватка кадров составляла: 150 бурильщиков и их помощников, 100 буровых рабочих, 80 верховых рабочих, 75 вышкомонтажников, 60 операторов и их помощников по добыче нефти, 60 операторов и их помощников по подземному ремонту скважин, 10 мастеров, 10 бригадиров, 40 слесарей бурового и промышленного оборудования, 60 мотористов дизеля, 65 слесарей механических цехов, 5 лаборантов, 5 монтеров контрольно-измерительных приборов, 30 электромонтеров, 20 электросварщиков и др.; по предприятиям треста «Актюбнефть» – 25 бурильщиков и их помощников, 5 буровых

²³Приказ Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР № 326 от 5 октября 1946 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 9. Л. 21–22.

²⁴Приказ Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР № 65/а от 10 апреля 1947 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

²⁵ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

²⁶Там же. Д. 19. Л. 11.

рабочих, 10 вышкомонтажников, 15 операторов и их помощников по добыче нефти, 5 операторов по подземному ремонту скважин и др.²⁷. В результате на 1947 год было заявлено на повышение квалификации и переобучение по объединению «Казахстаннефть» 2420 и 1170 чел., по тресту «Актюбнефть» – 128 и 88 чел., по заводу № 416 (Саратовский крекинг-завод) – 309 и 144 чел., по заводу им. Петровского – 146 и 36 чел. соответственно²⁸.

Переобучение специалистов не всегда гарантировало ликвидацию дефицита определенных профессий. Например, большая часть специалистов, прошедших переобучение как операторы по добыче нефти, не имела достаточной квалификации и опыта, в результате чего происходили аварии оборудования, а виновные в поломке переводились на прежние должности. Иногда обученные кадры работали не по полученной специальности, а на должностях менее квалифицированных или подсобных рабочих, что приводило к потере навыков и уходу специалистов с предприятий²⁹.

Отбор для осуществления обучения производился «из числа наиболее грамотных и способных рабочих»³⁰, с обязательным медицинским освидетельствованием в случае выполнения физически тяжелых работ. Был запрещен допуск к обслуживанию сложных силовых, буровых, плавильных агрегатов, компрессорных и котельных установок, технологических нефтеперерабатывающих установок и контрольно-измерительной аппаратуры лиц, не имевших соответствующего технического образования³¹. Реализовать данное постановление министра было затруднительно,

т. к. по нефтяной отрасли повсеместно отмечался низкий технический и общеобразовательный уровень рабочих: из всего состава мастеров на предприятиях министерства более 60 % не имели законченного 7-летнего образования, а в ведущих технологических процессах (бурение, добыча нефти и подземный ремонт) – более 80 %³².

Повышение квалификации и переподготовка осуществлялись и по инженерным специальностям. Так, в 1948 году на курсах усовершенствования инженерно-технических кадров в Москве прошли обучение 300 слушателей. Их отбор был произведен начальниками главков, объединений и трестов с учетом имевшихся у работников образования, специальности и практического опыта работы на предприятиях нефтяной промышленности. Обучение инженерно-технических работников было организовано по таким дефицитным для отрасли специальностям, как инженеры и техники по эксплуатации импортных каротажных станций, инженеры и техники по нефтепромысловому оборудованию, старшие бухгалтеры систем нефтедобычи и нефтепереработки, техники-экономисты, техники по газовому анализу, техники по определению детонационной стойкости моторного топлива, инженеры-геологи, инженеры-буровики, инженеры-эксплуатационники, инженеры-технологи по переработке нефти³³.

К сожалению, имеющиеся статистические сведения по отдельным предприятиям достаточно разрозненные, иногда статистика в источниках сильно отличается даже в рамках одного треста или объединения, что не позволяет выстроить целостную количественную кар-

²⁷ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 19. Л. 15 об.–16.

²⁸Там же. Л. 13 об.–15.

²⁹Там же. Л. 11.

³⁰Там же. Л. 12.

³¹Там же.

³²Там же. Л. 10–11.

³³Приказ Министерства нефтяной промышленности восточных районов СССР № 23/а от 24 января 1948 г. // ГААО. Ф. Р-3097. Оп. 1. Д. 25. Л. 26–27.

тину кадровой обеспеченности нефтяной отрасли рассматриваемого региона. Кроме того, как отмечалось выше, подготовка или переподготовка кадров определенных специальностей не гарантировала ликвидацию дефицита, особенно в узкопрофильных специалистах. Анализ распорядительных документов союзного уровня и делопроизводственной документации нефтяных объединений позволяет говорить о нерешенности кадровой проблемы в течение первой послевоенной пятилетки на предприятиях Прикаспийской нефтегазоносной провинции. Массовая подготовка нефтяников в техникумах и вузах – основном источнике пополнения трудовых ресурсов – в первые послевоенные годы только восстанавливалась и требовала не менее 3–5 лет, что не позволяло экстренно решить кадровый вопрос в условиях мобилизационной экономики. Также сказывались отсутствие достаточного количества средних и высших учебных заведений, слабая эффективность переподготовки и обучения без отрыва от производства, низкий образовательный уровень сотрудников и пр.

Таким образом, в первые годы после окончания ВОВ советская нефтяная отрасль переживала серьезный кадровый кризис, связанный с гигантскими людскими потерями. Восстановление нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих и сопутствующих производств требовало квалифицированных рабочих и инженеров нефтяного дела. Несмотря на разделение управления нефтяной отраслью по территориальному принципу на Министерство нефтяной промышленности восточных районов СССР (к нему относилась территория Прикаспийской нефтегазоносной провинции) и Министерство нефтяной промышленности южных и западных районов, реализация постановлений и приказов Совета Министров была единой для обоих министерств. Во второй половине 1940-х годов государственная кадровая политика в нефтяной промышленности была нацелена на максимально быстрое решение вопроса обеспеченности предприятий сотрудниками, что нашло отражение в широкой практике по-

вышения квалификации и переподготовки уже имевшихся специалистов. Значительная роль отводилась обучению рабочих без отрыва от производства с применением методов бригадного ученичества, что позволяло за короткий срок на практике подготовить нужного специалиста, даже без наличия у него среднего или технического образования.

Профессиональная подготовка молодых специалистов со средним и высшим профильным образованием осуществлялась в разветвленной сети нефтяных и машиностроительных техникумов, а также в имевшихся нефтяных институтах. В данной сфере комплекс государственных мероприятий был нацелен на восстановление и модернизацию учебных заведений, снабжение их современным оборудованием, обновление материально-технической базы, обеспечение учебных заведений преподавательским составом. Важнейшим элементом образовательного процесса являлась практическая подготовка, ориентированная на быструю адаптацию выпускников на производстве. Ключевая роль в снабжении учебных заведений специализированным оборудованием, организации производственной и преддипломной практик отводилась нефтяным предприятиям, на которые возлагалась ответственность за качество подготовки их будущих работников.

Для предприятий Прикаспийской нефтегазоносной провинции были справедливы выделенные направления кадровой политики в нефтяной промышленности. Ввод в эксплуатацию построенных (Гурьевский нефтеперерабатывающий завод) и восстановление разрушенных (Саратовский крекинг-завод) предприятий, расширение геологоразведочных и поисковых работ в Нижнем Поволжье, обустройство промыслов на открытых нефтяных месторождениях Казахской ССР требовали значительного числа квалифицированных кадров, подготовка которых на территории региона осуществлялась только в Гурьевском нефтяном техникуме, что не могло покрыть потребности производства.

Список литературы

1. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Развитие нефтегазового комплекса страны в послевоенные десятилетия // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2013. № 4(25). С. 199–205.
2. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Государственная политика в сфере технического перевооружения нефтяной и газовой отраслей промышленности в 1950-е гг. // Касп. регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3(76). С. 109–120.
3. Калинов В.В., Бодрова Е.В. Роль нефтегазовой отрасли в подъеме экономики СССР в послевоенный период // Современ. исследования соц. проблем. 2016. № 3-3(27). С. 131–140.
4. Мусаева С.И. Возрождение и развитие нефтегазовой промышленности Дагестана в послевоенный период // Изв. СОИГСИ. 2020. № 38(77). С. 80–90. <https://doi.org/10.46698/r4011-4313-2798-h>
5. Комгорт М.В. Создание «Сибирской нефтяной базы» в промышленной политике государства (1940–1960-е годы) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2014. № 8(337). С. 49–57.
6. Сулумов З.Х. Развитие грозненской нефтяной промышленности в 1940–1950-е гг. // Истор., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2017. № 1(75). С. 192–195.
7. Хисамутдинов Д.Р. Распределение выпускников учебных заведений системы государственных трудовых резервов на Южном Урале в период четвертой пятилетки (1946–1950 годы) // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. Сер.: История и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 230–241. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-230-241>
8. Рахманкулов Д.Л., Ишбулатов Р.Ф., Аглиуллин А.Х., Имашев Б.У., Мазитов Р.М., Вильданов Ф.Ш. Из истории высшего нефтяного образования в Урало-Поволжье. Сообщение 12: Состояние трудовых кадров нефтяной промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток 1933–1937 гг. // История науки и техники (Уфа). 2006. № 3. С. 83–87.
9. Рахманкулов Д.Л., Аглиуллин А.Х., Имашев Б.У., Латыпова Ф.Н., Мазитов Р.М., Ишбулатов Р.Ф. Из истории высшего нефтяного образования в Урало-Поволжье. Сообщение 13. Высшее образование в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны // История науки и техники (Уфа). 2006. № 3. С. 88–94.
10. Минкин М.Р. Становление и развитие системы подготовки кадров для нефтяной промышленности Татарской АССР в 1950–1960-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 221 с.
11. Салимов М.Д. Начальные этапы промышленной разработки нефтяных месторождений Урало-Поволжья и подготовка инженерных и научных кадров для нефтяной промышленности в Республике Башкортостан: дис. ... канд. техн. наук. Уфа, 2005. 123 с.
12. Клинова М.А. Политика оплаты труда горожан РСФСР в 1946–1953 гг.: мобилизационный инструмент и фактор материального неравенства // Урал. ист. вестн. 2022. № 1(74). С. 72–81. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-72-81](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81)

References

1. Bodrova E.V., Kalinov V.V. Razvitie neftegazovogo kompleksa strany v poslevoennye desyatiletia [Oil and Gas Complex Development of the Country in Post-War]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 199–205.
2. Bodrova E.V., Kalinov V.V. State Policy in the Field of Technical Re-Equipment of the Oil and Gas Industries in the 1950s. *Casp. Reg. Polit. Econ. Cult.*, 2023, no. 3, pp. 109–120 (in Russ.).
3. Kalinov V.V., Bodrova E.V. Rol' neftegazovoy otrasli v pod'eme ekonomiki SSSR v poslevoennyy period [The Role of the Oil and Gas Industry to the Growth of the Soviet Economy in the Postwar Period]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 2016, no. 3-3, pp. 131–140.
4. Musaeva S.I. Vozrozhdenie i razvitie neftegazovoy promyshlennosti Dagestana v poslevoennyy period [Revival and Development of the Oil and Gas Industry of Dagestan in the Postwar Period]. *Izvestiya SOIGSI*, 2020, no. 38, pp. 80–90. <https://doi.org/10.46698/r4011-4313-2798-h>
5. Komgort M.V. Sozdanie "Sibirskoy neftyanoy bazy" v promyshlennoy politike gosudarstva (1940–1960-e gody) [On the Foundation of Siberian Oil Base in State Industrial Policy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 8, pp. 49–57.

6. Sulumov Z.Kh. Razvitiye groznenskoj neftyanoy promyshlennosti v 1940–1950-ee gg. [Development of Grozny Oil Industry in the 1940–1950s]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 1, pp. 192–195.

7. Khisamutdinov D.R. Distribution of Graduates of Educational Institutions of the System of State Labor Reserves in the Southern Urals During the Fourth Five-Year Plan (1946–1950). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya i pravo*, 2025, vol. 15, no. 2, pp. 230–241 (in Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-230-241>

8. Rakhmankulov D.L., Ishbulatov R.F., Agliullin A.Kh., Imashev B.U., Mazitov R.M., Vil'danov F.Sh. Iz istorii vysshego neftyanogo obrazovaniya v Uralo-Povolzh'e. Soobshchenie 12: Sostoyanie trudovykh kadrov neftyanoy promyshlennosti SSSR v gody predvoennykh pyatiletok 1933–1937 gg. [From the History of Higher Oil Industry Education in the Ural-Volga Region. Report 12: The State of the Labour Force of the USSR Oil Industry During the Pre-War Five-Year Plans, 1933–1937]. *Istoriya nauki i tekhniki (Ufa)*, 2006, no. 3, pp. 83–87.

9. Rakhmankulov D.L., Agliullin A.Kh., Imashev B.U., Latypova F.N., Mazitov R.M., Ishbulatov R.F. Iz istorii vysshego neftyanogo obrazovaniya v Uralo-Povolzh'e. Soobshchenie 13. Vysshee obrazovanie v Sovetskom Soyuze v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [From the History of Higher Oil Industry Education in the Ural-Volga Region. Report 13. Higher Education in the Soviet Union During the Great Patriotic War]. *Istoriya nauki i tekhniki (Ufa)*, 2006, no. 3, pp. 88–94.

10. Minkin M.R. *Stanovlenie i razvitiye sistemy podgotovki kadrov dlya neftyanoy promyshlennosti Tatarskoy ASSR v 1950–1960-e gg.* [Formation and Development of the Personnel Training System for the Oil Industry of the Tatar ASSR in the 1950s – 1960s: Diss.]. Kazan, 2011. 221 p.

11. Salimov M.D. *Nachal'nye etapy promyshlennoy razrabotki neftnykh mestorozhdeniy Uralo-Povolzh'ya i podgotovka inzhenernykh i nauchnykh kadrov dlya neftyanoy promyshlennosti v Respublike Bashkortostan* [First Stages of Industrial Development of Oil Fields in the Ural-Volga Region and the Training of Engineers and Scientists for the Oil Industry in the Republic of Bashkortostan: Diss.]. Ufa, 2005. 123 p.

12. Klinova M.A. The Policy of Remuneration of the RSFSR's Urban Dwellers in 1946–1953: A Mobilization Tool and Material Inequality Factor. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2022, no. 1, pp. 72–81 (in Russ.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-72-81](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81)

Информация об авторе

Ю.Г. Ещенко – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра изучения истории Нижнего Поволжья советского периода Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева (адрес: 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а).

Information about the author

Yuliya G. Eshchenko, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Senior Researcher, Centre for the Study of the History of the Lower Volga Region During the Soviet Period, V.N. Tatishchev Astrakhan State University (address: ul. Tatishcheva 20a, Astrakhan, 414056, Russia).

Поступила в редакцию 03.09.2025
Одобрена после рецензирования 08.12.2025
Принята к публикации 10.12.2025

Submitted 3 September 2025
Approved after reviewing 8 December 2025
Accepted for publication 10 December 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 43–52.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 43–52.

Научная статья
УДК [94(470)+629.48](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V498

Механический завод № 1 трамвайно-троллейбусного управления г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны

Александр Владимирович Горшенин^{1,2}

¹Медицинский университет «Реавиз», Самара, Россия,

e-mail: aleksandr_gorshenin@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6049-8133>

²Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается организация регионального предприятия по производству элементов боеприпасов в период Великой Отечественной войны в г. Куйбышеве. Цель данного исследования – реконструировать историю механического завода № 1, функционировавшего на базе трамвайно-троллейбусного управления г. Куйбышева в период с 1941 по 1945 год. В рамках статьи рассматриваются предпосылки создания данного предприятия, характеризуется выпускаемая им продукция, анализируются структура и оснащенность производства, а также описываются изменения ведомственной принадлежности за несколько военных лет. С опорой на неопубликованные документы федеральных и региональных архивов установлено, что специальный цех возник на базе помещений вагоноремонтных мастерских трамвайного парка трамвайно-транспортного управления г. Куйбышева в начале 1941 года. В период Великой Отечественной войны в нем было оперативно налажено производство двух элементов боеприпасов: головки от реактивного снаряда для БМ-8 и корпуса 45-миллиметрового осколочно-го снаряда. В 1942 году опытно-экспериментальный цех был преобразован в механический завод № 1, который в том же году был выведен из подчинения трамвайного управления и получил название «Куйбышевский механический завод № 1». Несмотря на формальную самостоятельность и независимость, новое предприятие располагалось на территории трамвайного парка и нередко привлекало кадровый состав трамвайщиков, а также по договоренности использовало материально-бытовую инфраструктуру. В 1944 году механический завод № 1 был возвращен в структуру трамвайно-троллейбусного управления, а в июне 1945 года – ликвидирован.

Ключевые слова: Куйбышев, Великая Отечественная война, производство боеприпасов, военное производство, тыл, механический завод № 1, трамвайно-троллейбусное управление

Для цитирования: Горшенин, А. В. Механический завод № 1 трамвайно-троллейбусного управления г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны / А. В. Горшенин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 43-52. – DOI 10.37482/2687-1505-V498.

Original article

Mechanical Plant No. 1 of Kuibyshev Tram and Trolleybus Administration During the Great Patriotic War

Aleksandr V. Gorshenin^{1,2}

¹Medical University “Reaviz”, Samara, Russia,

e-mail: aleksandr_gorshenin@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6049-8133>

²S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This article dwells on the establishment of a regional enterprise that manufactured ammunition components in the town of Kuibyshev during the Great Patriotic War. The purpose of this paper is to reconstruct the history of the Mechanical Plant No. 1 that was operating on the premises of Kuibyshev Tram and Trolleybus Administration in 1941–1945. The paper studies the prerequisites for the establishment of this enterprise and describes the products manufactured, the equipment and the production structure as well as the changes in the plant’s affiliation over the years. Based on unpublished documents from federal and regional archives, it was determined that a specialized workshop was created on the premises of the carriage repairing workshop at Kuibyshev tram depot in 1941. It produced rocket warheads for BM-8 launchers and bodies for the 45 mm fragmentation shell. In 1942 the workshop was reorganized into the Mechanical Plant No. 1. The same year the plant was separated from the tram administration and renamed Kuibyshev Mechanical Plant No. 1. Despite its formal independence from the tram depot, the plant was located on its territory and often used its workforce as well as infrastructure by agreement. In 1944 the plant was reincorporated into Kuibyshev Tram and Trolleybus Administration, and in June 1945 it was closed down.

Keywords: *Kuibyshev, Great Patriotic War, ammunition production, military production, home front, Mechanical Plant No. 1, tram and trolleybus administration*

For citation: Gorshenin A.V. Mechanical Plant No. 1 of Kuibyshev Tram and Trolleybus Administration During the Great Patriotic War. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 43–52. DOI: 10.37482/2687-1505-V498

Значительное увеличение площади многих городов, особенно промышленных центров, произошло в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) в годы индустриализации. В связи с этим в городском хозяйстве большую роль стал играть общественный транспорт. Он связывал между собой различные районы города, нередко удаленные друг от друга на значительные расстояния. В период

Великой Отечественной войны (ВОВ) значение общественного транспорта возросло еще больше, особенно в крупных эвакуационных центрах, куда были перевезены десятки промышленных предприятий. Доставлять значительное число рабочих, выросшее нередко в разы, надлежало городскому транспорту.

Если в советской историографии тема общественного транспорта в целом была раз-

работана слабо [1], то современные исследователи все чаще обращаются к ней. Рассмотрены вопросы взаимосвязи между развитием электротранспорта и строительством соцгородов [2], модернизации подвижного состава трамваев [3], а также роли электротранспорта в формировании культуры горожанина [4]. Вопросы переориентации заводов гражданской промышленности на изготовление продукции для фронта [5] и участия высших учебных заведений в научно-производственной работе в годы войны [6] также изучались ранее. В ряде изданий, посвященных истории транспортных предприятий отдельных городов и регионов, упоминается об организации военного производства. Так, в Москве в первые месяцы войны трамвайщики подключились к производству противотанковых ежей, а в ремонтных мастерских депо им. Артамонова и им. Щепетильникова было налажено производство военной продукции (деталей для гранат, снарядов, специальных воинских саней-теплушек и др.) [7, с. 141]. В трамвайном тресте Сталинграда организовано изготовление снарядов к 45-миллиметровым противотанковым орудиям [8, с. 13]. В г. Горьком старые ремонтные мастерские были приспособлены под производство военной продукции, а вагоноремонтный завод преобразован в минометный [9, с. 63–64].

На примере трамвайно-троллейбусного управления (ТТУ) г. Куйбышева попытка исследования темы выпуска военной продукции в первой половине 1940-х годов осуществляется впервые. Ранее производилась реконструкция судеб погибших на фронте в годы ВОВ работников ТТУ [10].

Исследование опирается на широкий круг источников, преимущественно на неопубликованные документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) и Самарского областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ). Наиболее обширно представлена

делопроизводственная документация: распорядительные источники центральных и местных органов власти, а также ведомственная переписка с вышестоящими структурами, инициированная руководителями механического завода № 1 ТТУ г. Куйбышева. Значительная часть упомянутых документов впервые вводится в научный оборот.

Методологической основой работы выступает концепция экономической истории, позволяющая проанализировать хозяйственную деятельность производственных предприятий во взаимосвязи с различными экономическими процессами и явлениями. При работе с источниками использовались историко-генетический, проблемно-хронологический и историко-системный методы. Их применение позволило изучить динамику развития предприятия, реконструировать историю его появления и ликвидации, смены ведомственной подчиненности, выяснить причины неудовлетворительной работы и обнаружить мероприятия, которые проводились для улучшения его функционирования.

К началу ВОВ трамвайный парк г. Куйбышева достиг своего расцвета. При населении в 410 тыс. чел. трамваем за год было перевезено более 90 млн пассажиров. Протяженность трамвайных путей составляла 51,7 км, а в распоряжении трамвайного парка находилось 164 вагона. Основной задачей трамвайного предприятия была перевозка пассажиров, однако с началом войны трамвайщики г. Куйбышева стали использовать вагоны и для осуществления грузовых перевозок. Также несколько трамваев было переоборудовано для развозки раненых, прибывавших на железнодорожный вокзал, по госпиталям.

Трамвайный парк г. Куйбышева еще накануне войны, в начале 1941 года, начал изготавливать элементы боеприпасов. Выбор ТТУ для открытия производства был обусловлен рядом факторов. Во-первых, данное управление обладало необходимыми помещениями и станочным оборудованием. Во-вторых, у него имелись рабочая сила достаточной квалификации и ее

возможный резерв (например, вагоновожатые трамвая и кондуктора, конторские служащие и т. п.). В-третьих, ТТУ характеризовалось выстроенной транспортной логистикой (вагоноремонтные мастерские находились на территории депо, которое было связано железнодорожными путями с заводом № 42 Наркомата боеприпасов СССР (завод им. Масленникова), где собирались снаряды для системы залпового огня БМ-8, прозванной солдатами «Катюшей»; перевозка произведенных головок осуществлялась грузовыми трамваями).

В опытно-экспериментальном цеху, располагавшемся на территории вагоноремонтных мастерских ТТУ, производились два изделия: 45-миллиметровый корпус осколочного снаряда (в документации обозначался как «корпус детали К-1») и головка от легкого по калибру реактивного снаряда системы залпового огня БМ-8 (в документации значилась как «деталь № 10 изделия М-8»)¹.

Плановые показатели по изготовлению головки реактивного снаряда для трамвайщиков были немаленькими: из 5 предприятий города, на которых данные детали выпускались, опытно-экспериментальный цех трамвайного парка по необходимому объему находился на третьем месте, при этом не являясь полностью производственным предприятием. Так, согласно плану, за декабрь 1941 года он должен был изготовить 3,5 тыс. деталей, в то время как, например, государственный союзный завод № 530 2-го Главного управления Наркомата боеприпасов СССР (электромеханический завод) – 4 тыс.² Однако реальный объем выпуска продукции был недостаточным, что объяснялось малой мощностью специального производства и слабой обеспеченностью инструментами и станками.

Это подтверждается обращением секретаря Куйбышевского областного комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)) Н.Д. Христофорова к заместителю председателя Совета народных комиссаров (СНК) СССР М.Г. Первухину от 16 декабря 1941 года по вопросу о прикреплении трамвайного парка к инструментальному цеху завода им. Масленникова в целях выполнения программы по выпуску боеприпасов³. В данном обращении Н.Д. Христофоров отмечал, что для достижения поставленных плановых показателей опытно-экспериментальный парк Куйбышевского трамвайного парка нуждался в снабжении необходимым режущим инструментом, поскольку своей инструментальной базой не имел. Он же указывал, что практическую помощь в обеспечении таковым мог бы оказать куйбышевский завод № 42. Секретарь обкома просил обязать завод в кратчайший срок обеспечить производство необходимым инструментом⁴.

Ввиду того, что руководство завода им. Масленникова не исполнило это требование, план по производству 45-миллиметровых корпусов снарядов за 1941 год не был выполнен. В частности, руководители Куйбышевского трамвайного парка докладывали в Наркомат коммунального хозяйства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) о нехватке 3 револьверных станков⁵. Серьезное невыполнение плановых показателей в 1941 году стало предпосылкой для выделения цеха в самостоятельный завод.

Так, спустя почти год функционирования на территории трамвайного депо опытно-экспериментального цеха главных мастерских трамвайного парка, в целях улучшения работы данного подразделения и безусловного вы-

¹ЦГАСО. Ф. Р-2176. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

²РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 132.

³СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 19. Д. 18. Л. 75.

⁴Там же. Л. 76.

⁵ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 9263. Л. 2.

полнения производственного плана Государственного комитета обороны (ГКО), согласно приказу Наркомата коммунального хозяйства РСФСР от 11 июля 1942 года, на базе Куйбышевского трамвайного управления был образован завод, которому присвоено наименование «Механический завод № 1 Куйбышевского трамвайного управления». Тем же приказом были утверждены структура завода и его штатное расписание. Административно-управленческий штат насчитывал 41 единицу (15 инженерно-технических работников, 14 человек счетно-конторского персонала, 10 сотрудников в охране и 2 работника младшего обслуживающего персонала)⁶. При этом производственный персонал состоял из 281 чел.⁷ Директором завода был назначен В.Н. Куричев. Управляющему трамвайным предприятием Д.М. Терехову надлежало наделить новосозданный завод оборотными средствами в соответствии с установленной программой. Его баланс составил 1 млн 918 тыс. р.⁸

В общей сложности за 1,5 года существования завод номинально числился за четырьмя отделами: транспортным, машиностроительным, городского хозяйства и, наконец, оборонной промышленности. Переподчинение между отделами происходило согласно приказам Наркомата коммунального хозяйства РСФСР. Все перечисленные отделы заводом не занимались, не знали его хозяйства и руководящих работников. Это объясняется рядом причин. Во-первых, руководство Куйбышевского городского комитета ВКП(б) не было заинтересовано в этом производстве и неоднократно ставило вопрос о закрытии завода как мешающего улучшению работы трамвая. Во-вторых, трудности

с рациональной организацией производства и нехватка рабочих и инженерно-технических кадров снижали производительность предприятия⁹.

Поэтому приказом Наркомата коммунального хозяйства РСФСР № 490 от 29 сентября 1942 года, на основании постановления СНК РСФСР, механический завод № 1 был выделен в самостоятельную производственную единицу республиканского подчинения. Отныне он находился в составе Республиканского государственного треста по производству коммунального оборудования «Роскоммунпром» Наркомата коммунального хозяйства РСФСР. В связи с этим предприятие сменило название на «Куйбышевский механический завод № 1»¹⁰.

К моменту передачи трамвайным управлением не были устранены недостатки в технологическом процессе производства корпусов снарядов и деталей № 10, чем объяснялась низкая производительность, а для выполнения некоторых операций и вовсе требовались более квалифицированные рабочие¹¹. В документах по приему завода отмечалась совершенно неудовлетворительная работа данного предприятия. Указывалось, что план по 45-миллиметровым корпусам снарядов за первое полугодие 1942 года был выполнен лишь на 18,24 %, а по детали № 10 к снаряду М-8 – на 93,23 %. При этом база для ремонта оборудования и изготовления простейшего инструмента не была окончательно подготовлена. Планово-предупредительный ремонт не производился, вследствие чего станочное оборудование и приспособления находились в изношенном состоянии¹². Меры по обеспе-

⁶ЦГАСО. Ф. Р-2176. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

⁷Там же. Д. 2. Л. 4 об.

⁸Там же. Д. 1. Л. 1.

⁹СОГАСПИ. Ф. 1753. Оп. 2. Д. 13. Л. 27.

¹⁰ЦГАСО. Ф. Р-2176. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹¹Там же.

¹²Там же.

чению завода производственными рабочими и обслуживающим персоналом не принимались своевременно, поэтому предприятие имело лишь 40 % от необходимого кадрового состава. Из всего вышеперечисленного очевидно, что В.Н. Куричев не справился с обязанностями директора. Он был обвинен в том, что не смог наладить нормальную работу предприятия, и снят с поста с понижением в должности (назначен начальником инструментального цеха)¹³.

Для управления Куйбышевским механическим заводом требовался опытный руководитель и хороший организатор. Поэтому в г. Куйбышев для налаживания работы предприятия был командирован освобожденный от должности директора Московского механосборочного завода треста «Роскоммунпром» Н.Р. Граевский, под руководством которого данный завод демонстрировал хорошие показатели. Граевскому предписывалось в месячный срок укомплектовать аппарат заводоуправления и обеспечить закрепление группы фабрично-заводского обучения для устранения текучести кадров. Надлежало к опытным рабочим прикрепить несколько учеников, которые могли бы восполнить дефицит квалифицированных кадров¹⁴. Как следствие сразу несколько мастеров обзавелись учениками и ситуация с кадровым голодом начала постепенное улучшаться.

После выделения завода в самостоятельное предприятие за ним была закреплена территория площадью 7 642,8 м², на которой находилось два здания: одноэтажное кирпичное помещение инструментального цеха с железобетонной кровлей и одноэтажное деревянное здание заводоуправления (см. *рисунок*). Также на время существования завода за ним закре-

плялись на правах бесплатного пользования следующие помещения ТТУ г. Куйбышева:

- 1) помещение механического цеха (1357 м²);
- 2) помещение котельной (63,7 м²);
- 3) складское помещение (41,4 м²);
- 4) складское помещение (24,7 м²);
- 5) помещение конторы (102,6 м²)¹⁵.

Взаимоотношения завода и управления по вопросам использования данных помещений и их капитального ремонта регулировались специальным договором. По особому договору заводу также предоставлялось право пользоваться помещением кузницы. На 1942 год завод из собственного транспорта имел лишь один грузовой автомобиль-полуполторку и трех лошадей¹⁶.

Любопытно проследить, каким оборудованием был обеспечен завод после выведения из подчинения ТТУ в 1942 году. Основу составляли разнообразные станки: токарно-винторезные, токарные, револьверные, горизонтально-фрезерные, шлифовальные, плоско-шлифовальный и кругло-шлифовальный, сверлильно-настоольный, сверлозаточный, поперечно-строгальные, электромоторные и др. Кроме станков, предприятие имело в своем распоряжении и другое оборудование (электромоторы с фонарем, электропечь, компрессор, редуктор, вентилятор, нагревательную нефтяную печь и др.)¹⁷

В статусе отдельного предприятия механический завод № 1 просуществовал два года – с лета 1942 года по лето 1944 года. Наилучших показателей предприятие достигло в 1943 году. Только за этот год было произведено 59,5 тыс. головок для реактивных снарядов М-8 и 67,5 тыс. корпусов для 45-миллиметровых осколочных снарядов¹⁸. Данные показатели говорили о выполнении плана.

¹³ЦГАСО. Ф. Р-2176. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

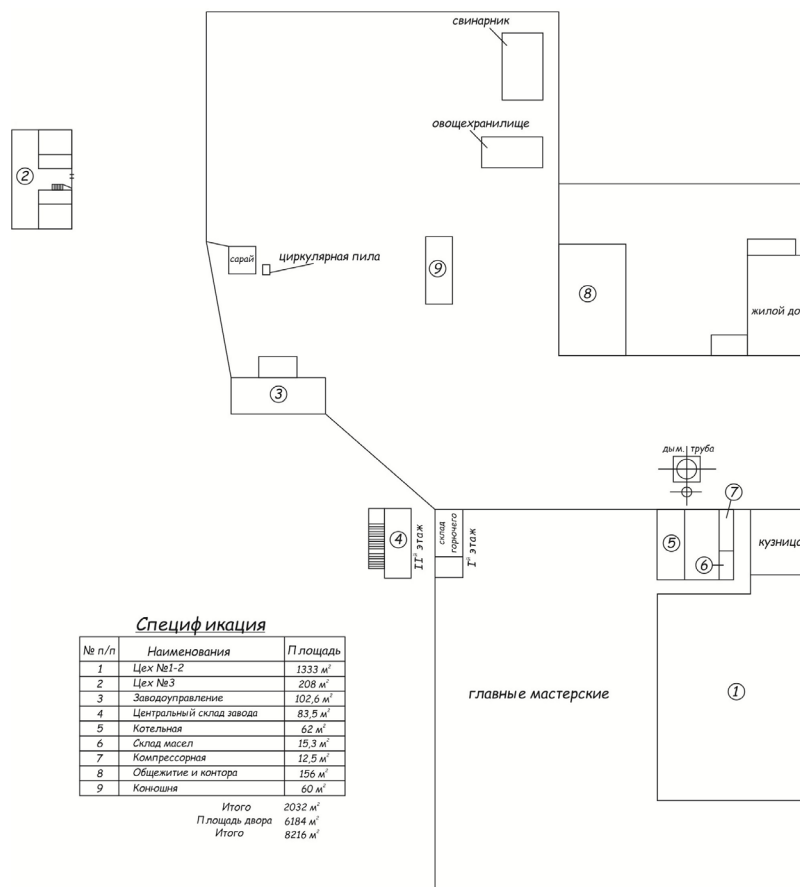
¹⁴Там же. Д. 2. Л. 2.

¹⁵Там же. Л. 7.

¹⁶Там же. Л. 5 об.

¹⁷Там же. Л. 6 об.

¹⁸Там же. Д. 7. Л. 8 об.

План территории механического завода № 1 в 1942 году (масштаб 1:250)¹⁹

Plan of the Mechanical Plant No. 1 in 1942 (1:250 scale)

Спустя два года самостоятельного существования, 8 июля 1944 года механический завод № 1 был вновь включен в состав ТТУ г. Куйбышева, став его производственной единицей. Для возвращения завода и имевшихся материальных ценностей была создана комиссия под председательством старшего инженера Главного трамвайно-троллейбусного управления Наркомхоза РСФСР Либермана в составе главного инженера треста «Роскоммунпром» Вяльского, управляющего Куйбышевским ТТУ И.В. Аза-

рапина и директора механического завода № 1 А.М. Камбарова²⁰, который возглавил предприятие в ноябре 1943 года, сменив Н.Р. Граевского²¹.

В связи с возвращением данного предприятия в состав ТТУ Наркомат коммунального хозяйства РСФСР в целях создания ремонтной базы для подвижного состава куйбышевского трамвая ходатайствовал перед ГКО СССР о снятии с механического завода № 1 задания по производству боеприпасов. Приказом по ТТУ г. Куйбышева от 14 июля 1944 года

¹⁹ЦГАСО. Ф. Р-2176. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

²⁰Там же. Л. 1.

²¹СОГАСПИ. Ф. 1753. Оп. 1. Д. 54. Л. 38.

предприятие числилось на правах производственной службы на полном хозяйственном расчете и ему надлежало с 15 июля прекратить выпуск детали осколочного снаряда, а с 1 августа – остановить производство головки для реактивного снаряда²². Но оказалось, что ходатайство Наркомата коммунального хозяйства РСФСР было удовлетворено ГКО СССР лишь частично. В письме Наркомата коммунального хозяйства РСФСР от 14 июля 1944 года разъяснялось, что с производства снимался только корпус осколочного снаряда («К-1»). Головки реактивного снаряда по-прежнему должны были выпускаться в заданном ГКО количестве²³.

После этого предприятие проработало около года, производя лишь одно изделие. История завода завершилась буквально сразу после окончания ВОВ. 17 мая 1945 года ГКО принял постановление № 8650сс «О плане производства и поставки Наркомобороны СССР и Наркомвоенфлоту боеприпасов на июнь и июль 1945 г.». Данное постановление значительно уменьшало объем плановых заданий по производству боеприпасов²⁴. 26 мая 1945 года вышло постановление ГКО № 8804сс «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства боеприпасов», согласно которому предписывалось полностью освободить от производства элементов боеприпасов с июня 1945 года ряд предприятий и перевести их на выпуск гражданской продукции²⁵. Для исполнения упомянутого постановления Наркомат коммунального хозяйства РСФСР 31 мая 1945 года издал приказ № 316 «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства боеприпасов». Согласно ему, ремонтно-механический завод треста

«Ленводопровод», завод № 729 Управления горьковского трамвая и механический завод № 1 Управления куйбышевского трамвая²⁶, подчиняющиеся данному народному комиссариату, должны были прекратить производство элементов боеприпасов с 1 июня 1945 года.

В целях сохранения мощностей по производству боеприпасов на предприятии были заложены в мобилизационный резерв оборудование (специализированные станки, пресс для использования снарядов и т. д.), приспособления и специальные инструменты, полуфабрикаты и материалы, пригодное для производства боеприпасов сырье. Следует отметить, что сохранялась вся техническая документация по производству боеприпасов, приведенная в полное соответствие с действующим технологическим процессом к моменту окончания производства²⁷. При этом был проведен необходимый ремонт станочного оборудования, приспособлений и инструментов, закладываемых в мобилизационный резерв. Освободившиеся от производства боеприпасов мощности переводились на выпуск гражданской продукции. При этом согласно приказу Наркомата коммунального хозяйства РСФСР, за рабочими, переходящими со спецпроизводства на производство гражданской продукции, в течение 2 мес., на период освоения ими новой продукции, сохранялась фактическая зарплата, получаемая ими по предыдущему месту работы²⁸.

Таким образом, установлено, что на территории транспортного предприятия (ТТУ г. Куйбышева) в период ВОВ удалось наладить производство боеприпасов на приемлемом уровне. Механический завод № 1 просуществовал с 1941 по 1945 год, меняя статус от опытно-экс-

²²ЦГАСО. Ф. Р-2176. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.

²³Там же. Л. 2 об.

²⁴РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 418. Л. 14.

²⁵Там же. Д. 420. Л. 82.

²⁶ЦГАСО. Ф. Р-2176. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

²⁷Там же. Л. 3.

²⁸Там же. Л. 4.

периментального цеха на территории вагоно-ремонтных мастерских ТТУ г. Куйбышева до самостоятельного предприятия, которое в последний год войны было возвращено в структуру ТТУ, а после ее окончания – ликвидировано. В военные годы механический завод № 1 производил два изделия: 45-миллиметровый корпус осколочного снаряда и головку от легкого по калибру реактивного снаряда системы залпового огня БМ-8. На протяжении своего функционирования он сталкивался с различными трудностями – при выпуске элементов боеприпасов, организации технологической линии для них, обслуживании станков и привлечении сырья.

Показано, что ресурсы ТТУ позволили заводу на первом этапе быстрее справиться с организационными вопросами и начать выпуск необходимых для фронта деталей к боеприпасам. Однако это негативно повлияло на работу самого управления, поскольку для создания

специального производства у трамвайщиков изымались площади, оборудование и часть рабочей силы. ТТУ реагировало на это отрицательно, что выражалось в основном в бытовом плане. В целом, несмотря на все сложности, трамвайщики г. Куйбышева смогли обеспечить выпуск и снабдить фронт необходимой военной продукцией, чем внесли свой вклад в победу. Если в первые годы войны цеху, а затем и заводу, не удавалось выполнять планы, то к концу войны – предприятие перевыполняло их. Так, за 5 месяцев 1945 года рабочие механического завода № 1 ТТУ г. Куйбышева выполнили план в среднем на 135,8 %.

Подобное производство в годы войны смогли организовать и трамвайщики г. Горького. Одним из перспективных направлений могут стать реконструкция подобного опыта на Урале, а также сравнительный анализ процесса организации выпуска элементов боеприпасов на предприятиях в г. Горьком и г. Куйбышеве.

Список литературы

1. *Сорока М.Х.* Фронтной трамвай. Л.: Лениздат, 1986. 173 с.
2. *Potemkina M., Gryaznov M., Pashkovskaya T.* Public Transport and Soviet Industrialisation: The Tram Service in the Socialist City of Magnitogorsk (USSR) // *Ind. Archaeol. Rev.* 2021. Vol. 43, № 1. P. 65–74. <https://doi.org/10.1080/03090728.2020.1804159>
3. *Давыдов А.С.* Проблемы производства и модернизации подвижного состава трамваев в РСФСР во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. // *Изв. Воронеж. гос. пед. ун-а.* 2023. № 4(301). С. 128–133.
4. *Храмушина Ю.Н.* Социальное пространство трамвая как фактор формирования культуры горожанина в 1930-е – 1940-е годы (на примере Челябинской области) // *Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология.* 2023. Т. 33, № 5. С. 1157–1162.
5. *Коурова И.Г.* О некоторых аспектах деятельности завода Кургансельмаш по развитию военного производства в годы Великой Отечественной войны // *Вестн. Курган. гос. ун-та.* 2014. № 3. С. 78–82.
6. *Красноженова Е.Е., Кулик С.В., Прищепина А.С.* Научно-производственная деятельность ленинградских вузов в годы блокады (на примере Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина) // *Genesis: ист. исследования.* 2023. № 7. С. 40–46. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.3.39907>
7. *Иванов М.Д.* Московский трамвай: страницы истории. М.: Мосгортранс, 1999. 249 с.
8. *Пругло Н.В., Заплавнова О.Г.* Народный транспорт Царицына – Сталинграда – Волгограда: из прошлого в будущее: к 100-летию трамвая, 50-летию троллейбуса. Волгоград: Панорама, 2013. 432 с.
9. *Коссой Ю.М.* Ваш друг трамвай. Век нижегородского трамвая. Нижний Новгород: Елень; Яблоко, 1996. 160 с.
10. *Горшенин А.В., Яцкикий А.С.* Судьбы работников трамвайного парка г. Куйбышева, погибших на фронте в годы Великой Отечественной войны, и мемориализация памяти о них // *Самар. науч. вестн.* 2025. Т. 14, № 4. С. 103–109. <https://doi.org/10.55355/snv2025144205>

References

1. Soroka M.Kh. *Frontovoy tramvay* [Frontline Tram]. Leningrad, 1986. 173 p.
2. Potemkina M., Gryaznov M., Pashkovskaya T. Public Transport and Soviet Industrialisation: The Tram Service in the Socialist City of Magnitogorsk (USSR). *Ind. Archaeol. Rev.*, 2021, vol. 43, no. 1, pp. 65–74. <https://doi.org/10.1080/03090728.2020.1804159>
3. Davydov A.S. Problems of Production and Modernization of Tram Rolling Stock in the RSFSR in the Second Half of the 1930s – Early 1940s. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2023, no. 4, pp. 128–133 (in Russ.).
4. Khrumshina Yu.N. Sotsial'noe prostranstvo tramvaya kak faktor formirovaniya kul'tury gorozhanina v 1930-e – 1940-e gody (na primere Chelyabinskoy oblasti) [Social Space of the Tram as a Factor in the Formation of a Citizen's Culture in the 1930s – 1940s (as Exemplified by the Chelyabinsk Region)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriya i filologiya*, 2023, vol. 33, no. 5, pp. 1157–1162.
5. Kourova I.G. O nekotorykh aspektakh deyatelnosti zavoda Kurgansel'mash po razvitiyu voennogo proizvodstva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On Certain Aspects of the Kurganselmash Plant for Military Production in the Great Patriotic War]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 78–82.
6. Krasnozhenova E.E., Kulik S.V., Prishchepa A.S. Nauchno-proizvodstvennaya deyatelnost' leningradskikh vuzov v gody blokady (na primere Leningradskogo politekhnicheskogo instituta im. M.I. Kalinina) [Scientific and Production Activity of Leningrad Higher Education Institutions in the Years of the Blockade (on the Example of M.I. Kalinin Leningrad Polytechnical Institute)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2023, no. 7, pp. 40–46. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.3.39907>
7. Ivanov M.D. *Moskovskiy tramvay: stranitsy istorii* [The Moscow Tram: Pages of History]. Moscow, 1999. 249 p.
8. Pruglo N.V., Zaplavnova O.G. Narodnyy transport Tsaritsyna – Stalingrada – Volgograda: iz proshlogo v budushchee [Public Transport in Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd: From the Past to the Future]. Volgograd, 2013. 432 p.
9. Kosoy Yu.M. *Vash drug tramvay. Vek nizhegorodskogo tramvaya* [Your Friend the Tram. The History of the Nizhny Novgorod Tram]. Nizhny Novgorod, 1996. 160 p.
10. Gorshenin A.V., Yaitskiy A.S. Sud'by rabotnikov tramvaynogo parka g. Kuybysheva, pogibshikh na fronte v gody Velikoy Otechestvennoy voyny, i memorializatsiya pamyati o nikh [Workers of the Kuibyshev Tram Park Who Died at the Front During the Great Patriotic War, and Their Memorialization]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 2025, vol. 14, no. 4, pp. 103–109. <https://doi.org/10.55355/snv2025144205>

Информация об авторе

А.В. Горшенин – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Медицинского университета «Реавиз» (адрес: 443001, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 227); старший научный сотрудник отдела истории физико-математических наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (адрес: 125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14).

Information about the author

Aleksandr V. Gorshenin, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Humanities Department, Medical University “Reaviz” (address: ul. Chapaevskaya 227, Samara, 443001, Russia); Senior Researcher, Department of the History of Physical and Mathematical Sciences, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (address: ul. Baltiyskaya 14, Moscow, 125315, Russia).

Поступила в редакцию 24.08.2025
Одобрена после рецензирования 20.11.2025
Принята к публикации 25.11.2025

Submitted 24 August 2025
Approved after reviewing 20 November 2025
Accepted for publication 25 November 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 53–63.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 53–63.

Научная статья
УДК [81'27:004.357](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V499

Исследование языка Интернета как новой семиотической системы

Ирина Александровна Кузнецова^{1, 2, 3}

¹Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия,
e-mail: irinakuznetsova231223@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0443-4685>

²Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

³Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Динамика современных технологий приводит к созданию новых мультимедийных средств коммуникации, особенно в Интернете. Актуальность данного исследования заключается в изучении интернет-коммуникации как новой формы общения с высокой степенью цифровизации, оказывающей огромное влияние на язык. Цель работы состоит в выявлении и анализе частотности использования новых лингвосемиотических средств в интернет-коммуникации. Исследование опирается на труды и концепции семиотики, интернет-лингвистики, медиалингвистики, прагматики, теории коммуникации, когнитивной лингвистики, социолингвистики. Использованные методы включают наблюдение, контент-анализ, эксперимент в форме социолингвистического анкетирования, интерпретационный анализ. Автор систематизирует гибридные вербальные (письменные, устные) и невербальные (графические, звуковые, музыкальные) средства на разных семиотических уровнях интернет-языка. Результаты исследования показывают, что интернет-язык – это не просто гибридная устная и письменная форма языка, а новая его форма, развивающаяся по своим законам и создающая собственные креативные жанры. На основе анализа 1500 интернет-сообщений и анкетирования 205 пользователей установлено, что в цифровой коммуникации происходит активный отбор и конструирование семиотических знаков, сочетающих эмоциональность, интерактивность, привлекательность и персонализацию. Доминирование визуальных и аудиальных элементов сопровождается адаптацией текстовых и игровых форматов под новые алгоритмы. Рост использования поликодовых символов обусловлен потребностью в сжатии информации и ускорении ее передачи. Выявленные тенденции становятся основанием для выделения интернет-языка как новой семиотической системы. Данная работа вносит вклад в интернет-лингвистику, когнитивную лингвистику, медиалингвистику, расширяя знания о языковых процессах в Интернете. Анализ лингвистических особенностей интернет-коммуникации, включая специфическую лексику, грамматические структуры, особенности правописания и семиотические символы (эмотиконы, смайлики, эмодзи и пр.), способствует лучшему пониманию интернет-языка и оптимальному его использованию в научных и практических целях. Вместе с тем важно привлекать внимание

Кузнецова И.А.

Исследование языка Интернета как новой семиотической системы

к проблеме низкой культуры языка, контролировать язык Интернета, что требует новых исследовательских подходов.

Ключевые слова: интернет-язык, семиотическая система, когнитивные процессы, лингвокогнитивные средства, культура языка, социолингвистический эксперимент

Для цитирования: Кузнецова, И. А. Исследование языка Интернета как новой семиотической системы / И. А. Кузнецова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 53-63. DOI: 10.37482/2687-1505-V499.

Original article

Study of the Internet Language as a New Semiotic System

Irina A. Kuznetsova^{1, 2, 3}

¹Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia,

e-mail: irinakuznetsova231223@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0443-4685>

²Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

³Baikal State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The dynamics of modern technologies leads to the creation of new multimedia means of communication, especially on the Internet. The relevance of this study lies in exploring Internet communication as a new form of communication, characterized by a high degree of digitalization and having a profound impact on language. The purpose of this article was to identify and analyse the frequency of use of new linguosemiotic means of Internet communication. The research is based on the works and concepts of semiotics, Internet linguistics, media linguistics, pragmatics, communication theory, cognitive linguistics and sociolinguistics. The methods used include observation, content analysis, experiment in the form of a sociolinguistic questionnaire, and interpretive analysis. The author systematizes hybrid verbal (written and oral) and non-verbal (graphic, audial, musical) means found at different semiotic levels of the Internet language. The results of the study demonstrate that the Internet language is not just a hybrid between the oral and the written forms, but a new form of language that develops according to its own laws and produces its own creative genres. Based on a content analysis of 1500 online messages and a survey of 205 users, it was found that digital communication is actively selecting and creating semiotic signs that combine emotionality, interactivity, attractiveness and personalization. The dominance of visual and auditory elements is accompanied by the adaptation of textual and game formats to new algorithms. The increased use of multicode symbols is driven by the need to compress information and accelerate its transmission. The identified trends allow us to single out Internet language as a new semiotic system. This paper contributes to Internet linguistics, cognitive linguistics and media linguistics by expanding our understanding of linguistic processes on the Internet. The analysis of the linguistic features of Internet communication, including specific vocabulary, grammatical structures, spelling and symbols (emoticons, smileys, emoji, etc.), contributes to a better understanding and use of the Internet language for scientific and practical purposes. At the same time, it is important to draw attention to the problem of poor use of language as well as to control the Internet language, which calls for new research approaches.

Keywords: Internet language, semiotic system, cognitive processes, linguocognitive means, language use, sociolinguistic experiment

For citation: Kuznetsova I.A. Study of the Internet Language as a New Semiotic System. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 53–63. DOI: 10.37482/2687-1505-V499

Введение

Язык Интернета является «вызовом не только для теории жанров, но и для всей лингвистики, изучающей функционирование языка в новых средах его обитания» [1, с. 125]. Он демонстрирует свои уникальные, быстро меняющиеся характеристики, несмотря на то что развивается в процессе гибридизации устной и письменной форм языка. Технологический прогресс, в т. ч. нейронные сети и искусственный интеллект (ИИ), способствует появлению все новых средств коммуникации, а стремление к самоидентификации, лингвокреативности, аттрактивизации дискурса порождает разнообразные сочетания вербальных, графических, визуальных семиотических систем и мультикодемов.

Разнообразие форм коммуникации в Интернете требует подхода, совмещающего учет как вербальных (письменных и устных), так и невербальных (визуальных (графических), звуковых, музыкальных) кодов. Мультимедийность как ключевая особенность интернет-коммуникации приводит к необходимости расширения инструментария ее исследования. Из-за специфики интернет-коммуникации с ее особыми формами выражения, новыми единицами анализа и видами цифрового контента, выходящими за рамки привычного языкового разнообразия, пользователи интернет-сети не ограничиваются стандартными языковыми средствами, а активно создают новые, динамичные знаки и способы коммуникации, которые включают не только тексты, но и множество визуальных элементов: изображения, графику, эмодзи, мемы, стикеры, короткие видеоформаты, такие как шортсы и рилсы и пр.

Интернет-среда создает уникальные условия для формирования новых знаковых систем, характеризующихся многоуровневой структурой, гипермодальностью и динамической адап-

тивностью, что обуславливает актуальность настоящего исследования. «Не будучи теоретически осмыслены, социальные, языковые и культурные процессы, связанные с информатизацией и “интернетизацией” нашей жизни, во многом остаются вне поля видимости, и мы сталкиваемся только с их последствиями» [1, с. 111], именно поэтому становится важным осознавать причины «интернетизации», чтобы понимать ее последствия. Семиотическая природа Интернета порождает вопросы об эволюции языка в онлайн-среде, о появлении новых символов, мемов, сокращений, которые становятся частью цифровой культуры. Кроме того, различные социальные платформы и мессенджеры способствуют формированию специфических способов общения, а также собственных языковых кодов и норм.

Как следствие, изучение языка Интернета позволяет понять не только лингвистические особенности онлайн-коммуникации, но и социокультурные тенденции, связанные с развитием цифрового общества и его влиянием на когнитивные процессы восприятия и обработки информации. Особенно важен вопрос о норме языка интернет-коммуникации, в частности применительно к современным трендам семиотизации. Понимание этой новой семиотической реальности существенно для комплексного анализа современного мира. Цель исследования – выявление и анализ новых средств языка Интернета, которые формируют уникальную траекторию развития языка в целом как семиотической многоуровневой системы.

В ходе работы использовались как общенаучные, так и узкоспециализированные методы социолингвистики и когнитивной лингвистики: наблюдение, интерпретационный анализ, контент-анализ, эксперимент в форме социологического опроса. Такой синтез методов позволяет охватить разные аспекты феномена

интернет-языка для более объективной оценки происходящих дискурсивных процессов в интернет-коммуникации.

Теоретическое ядро

В ряду российских и зарубежных ученых в сфере интернет-лингвистики, чьи работы легли в основу данного исследования, следует отметить Е.И. Горошко, Н.К. Рябцеву, Т.Н. Колокольцеву, О.В. Лутовинову, Н.А. Ахренову, Д. Кристала, Дж.Д. Болтера, Г. Кресса, С. Бриера, Л. Мановича [1–13] и многих других. Также работа базируется на идеях знаковой природы языка, эволюции языка в цифровом пространстве Ю.М. Лотмана, А.А. Рольгайзер, Л.П. Сон, Ю.М. Шаева, Б. Галантуччи, А.Д. Деллипонти [14–19]. Ю. Лотман, ссылаясь на Дж. Локка, определяет цель семиотики как науки о знаках следующим образом: она призвана «исследовать природу знаков, с помощью которых ум понимает вещи и передает свои знания другим». При этом особая роль в семиотике отводится потенциалу знаков для «уплотнения информации» [14, с. 8–10], что ярко проявляется в современной интернет-коммуникации.

Развитие цифровых технологий приводит к формированию сложного коммуникативного пространства. Возрастающая роль Интернета определяет особую значимость изучения различных аспектов интернет-коммуникации с позиций лингвопрагматики, социолингвистики, лингвокультурологии, теории дискурса и речевых жанров [15].

Традиционная лингвистика, фокусируясь на вербальных символах, оставляет без внимания неязыковые элементы интернет-дискурса. Современные исследования демонстрируют, что интернет-среда функционирует как пространство вторичного глоттогенеза [16], в котором формируются новые символическо-семиотические системы, объединяющие вербальные, визуальные и мультимедийные элементы [2]. Л.П. Сон приходит к выводу, что «продуктом вторичного глоттогенеза в разговорной среде Интернета становится язык интернет-коммуникации, который является вторичной символи-

ко-семиотической системой, и с этих позиций может рассматриваться как новое системно-структурное образование, расширяющее функциональное пространство естественного языка в плане реализации естественных языковых функций, и для которого характерно его относительное дискурсивное обособление в новой среде с чертами внутренней нормативизации» [16, с. 70].

Обосновывая значимость мультимедийности как одного из металингвистических и коммуникативных свойств интернет-коммуникации, Н.К. Рябцева отмечает, что «причисление интернет-коммуникации к средствам массовой информации... утрирование проблемы “интернет-аддикции” или порожденного ею “клипового мышления”, определение интернета и интернет-коммуникации как “информационного хаоса” или “коммуникации одного и более индивидов посредством интернета”» только ограничивает мультифункциональность Интернета [2, с. 388–389].

Занимаясь исследованиями в семиотическом направлении, Ю.М. Шаев определил уровни развертывания семиозиса и репрезентации смысла в рамках виртуальной реальности: текстуально-отсылочный, перцептивно-семиотический и прагматический [17]. Экспериментальные методы анализа интернет-коммуникации позволяют изучить процессы формирования и функционирования ее языка как символическо-семиотической системы в реальном времени, выявляя механизмы семиозиса в цифровой среде [18, с. 393]. Н.К. Рябцева полагает, что «в концептуальном отношении принципиально инновационной информационной технологией становится “тонкая индивидуальная настройка” интеллектуальных, информационных, профессиональных, социальных, культурных и “визуальных” приложений, предоставляемых пользователю информационной сети, на его актуальные потребности, интересы и устремления» [2, с. 419].

Следовательно, для всестороннего изучения онлайн-языка целесообразно обратиться к семиотике, т. к. она охватывает все виды знаков

и символов в человеческой коммуникации, что делает ее более подходящей для исследования новых форм цифрового общения.

Семиосфера интернет-коммуникации: контент-анализ

Были изучены около 1500 мультимедийных сообщений различных форматов: фото- и видеопосты, карусели, сетки¹, репосты, сториз, комментарии, реакции различных типов, такие как лайки, дизлайки и пр., в российских и китайских мессенджерах, социальных сетях, на блог-платформах, в приложениях: «ВКонтакте», «Телеграм», «Дзен», WeChat, TikTok – за 2021–2025 годы. Семиотические уровни интернет-языка, на которых наблюдаются изменения: 1) вербальный (лексика, грамматика, орфография); 2) невербальный (эмодзи/смайлики; пунктуация, капслок; фонетическая имитация); 3) кинетический – знаки-действия (реакции в соцсетях – лайки, дизлайки, репосты, шеры; действия в мессенджерах – функции «печатает...», «онлайн», «прочитано» (галочки); виртуальные жесты – стикеры или gif, которые заменяют реальные действия (пожатие плечами, аплодисменты)); 4) визуально-графический – знаки-изображения (мемы, гифки, шрифты и форматирование); 5) гипертекстовый – знаки-связи (гиперссылки, хештеги); 6) уровень жанра и платформы – знаки-форматы (жанры, платформенная специфика); 7) креолизованный/поликодовый (взаимодействие всех уровней).

Тенденции, зафиксированные в социальных сетях за последние годы, позволяют обоб-

щить предпочтения пользователей в выборе семиотических знаков для общения². Развитию интернет-маркетинга способствует интеграция ИИ-чат-ботов, генерация видео, изображений и текстов специализированными моделями ИИ, активное вовлечение микро- и наноблогеров, а также создание контента «без фильтров», который характеризуется искренностью и простотой³.

Перечисленные ниже основные тренды семиотизации языка интернет-коммуникации, возникающие за счет синергического действия на разных уровнях, свидетельствуют о расширении семиосферы и семиотических знаков (визуальных, текстовых, аудиальных и интерактивных элементов) для общения:

1. Девербализация знаков [8]. Визуализация и графемизация преобладают над вербализацией. Слова, особенно в инструкциях, в процессе глобализации для универсальности использования заменяются на общепринятые символы. Например, кнопки с изображением «лупа» означают поиск, «корзина» – удаление, а «галочка» – подтверждение.

2. Компрессивность знаков (аббревиатуры, сокращения, эллипсис). Например, *спс* вместо *спасибо*, *щас* вместо *сейчас*. Эллипсис используется в хештегах: #ОсеньВГороде.

3. Интерактивность знаков (мемов, стикеров) для ускорения, упрощения коммуникации, выражения эмоций, передачи сложных, комплексных значений. При этом важными для понимания становятся общий культурный код и фоновые знания. Например, мем «Сидим

¹Карусели и сетки – форматы отображения фото и видео в публикациях социальных сетей. Карусель – интерактивное объявление, которое состоит из нескольких слайдов, сменяющих друг друга при клике. Пользователь видит в ленте только первую карточку и смахивает ее влево, чтобы посмотреть вложения до конца. Карусели используют для сторителлинга, демонстрации продуктов, образовательного контента и рекламных кампаний. Сетка – вариант оформления публикаций, при котором пользователь сразу видит количество вложений и понимает, что нужно переключаться между картинками. Однако при таком отображении карточки обрезаются и в ленте выглядят нагроможденно.

²Социальные сети 2025: 7 трендов в SMM на будущий год. URL: <https://www.sostav.ru/publication/sotsialnye-seti-2025-72094.html> (дата обращения: 19.12.2024).

³10 тенденций маркетинга в соцсетях в 2025 году. URL: <https://smmbot.net/blog/10-tendencij-marketinga-v-socsetah-v-2025-godu-173.html> (дата обращения: 16.12.2024).

с бобром за столом», популярный в 2025 году в TikTok и «ВКонтакте», позволяет быстро и с юмором выражать идею совместного времяпрепровождения и расслабления.

4. Мультиязычность знаков как использование букв, символов разных языков. Заимствования, транслит, калькирование, капслок, «олбанский язык»⁴ развивают креативность, позволяют привлечь внимание и показать широту кругозора. Например, *программинг, замиксовать, ВАЖНО, фолловер, ничаво, кот, likeni меня, Ne prosto ljubov', a real'noe feeling!* ♥️, *pro100* (просто), *P01* (родина), *Гр8* (англ. *Great*), *143* (англ. *I love you*), *88* (*bye bye*), *520* (кит. 我爱你 *wǒ ài nǐ* «Я тебя люблю»).

5. Мода на новые знаки и значения. Динамичность и эволюция норм отражаются в быстрой сменяемости знаков, появлении неологизмов и их устаревании, выходе из употребления. Например, игровые термины *гамать, прокачка; агриться* (злиться), *шипперить* (желать, чтобы два персонажа (или реальных человека) состояли в романтических отношениях); знак «тильда» придает мягкости и нежности: *Привет~ Как дела?~*.

6. Эмотивность знаков. Необходимость выражать положительные и отрицательные эмоции способствует созданию различных эмодзи, смайлов, стикеров, использованию метафор, фразеологизмов в новых графических и видеоформатах. Например, эмодзи «Блестки» (🌟) применяется для передачи волшебства, успеха, красоты. Часто этот знак ставится в конце сообщения для придания ему позитивного, «сияющего» оттенка. Стикер с котиком, который закутывается в одеяло, может означать *мне грустно, я хочу уединения*. Драматический саундтрек используется в роликах, где пользователь драматизирует бытовую ситуацию (например, *сложный выбор, какой чай заварить*),

превращая ее в трагедию. Это гипербола, выраженная через видео и звук.

7. Симулятивность знаков [20]. Возникает, когда общество потребления и массмедиа создают искусственную реальность, где знаки и символы циркулируют независимо от своего изначального смысла, замещая действительность и формируя у людей ложное представление о мире. Например, постанова лайка под фотографией друга, с которым не общались годами, симулирующая поддержку, внимание и одобрение, указывает на симулякр социального взаимодействия без его реальной нагрузки.

8. Доминирование коротких видео и визуальных форматов. Вертикальные ролики (шортсы, рилсы, клипы) сопровождаются интегрированной графической озвучкой, чтобы можно было читать то, что говорится в ролике, в беззвучном режиме.

9. Семиотика «без фильтров» [21, 22], т. е. использование неотредактированных кадров и закулисного контента с комментариями «не для посторонних ушей» для усиления доверия.

10. Эфемерность и приватность знаков [23]. Исчезающие истории (сториз) создают ощущение эксклюзивности через семиотику «здесь и сейчас». Увеличение количества личных сообщений вместо публичных репостов свидетельствует о том, что метрика «репосты в личные сообщения» стала ключевым показателем эффективности.

11. Голосовая оптимизация, т. е. упрощение текстов под голосовые запросы с визуальным сопровождением. Аудиальность знаков выражается в популярности подкастов и аудиоформатов, постах с фоновой музыкой.

12. Персонализация через ИИ и пользовательский контент (UGC⁵). Контент, созданный пользователями, воспринимается как более

⁴«Олбанский язык» рассматривается как языковой феномен «жаргона падонков», как языковая аномалия. См., напр.: Кудинова Т.А. Язык Интернет и жаргон падонков // Актуал. проблемы филологии и пед. лингвистики. 2010. № 12. С. 336–340.

⁵UGC (User-Generated Content) – любой контент, который создают обычные люди, а не бренды, компании или блогеры. URL: <https://sky.pro/wiki/media/chto-takoe-ugc-kontent-i-zachem-on-nuzhen/> (дата обращения: 05.06.2025).

аутентичный (например, отзывы в стиле «без фильтров»). ИИ-аватары и чат-боты имитируют человеческое общение, используя персонализированные ответы.

Итак, пользователи выбирают и/или конструируют семиотические знаки, которые сочетают эмоциональность, интерактивность, аттрактивность и персонализацию. Визуальные и аудиальные элементы доминируют, текстовые и игровые форматы адаптируются под новые алгоритмы. Тренды 2025 года подчеркивают: чем проще и искреннее коммуникация, тем выше вовлеченность в нее интернет-пользователей.

Семиотический выбор интернет-пользователей: социолингвистический эксперимент

Для подтверждения данных о процессах, протекающих в настоящее время в интернет-коммуникации, был проведен эксперимент в форме социологического опроса в сети Интернет. Целью данного эксперимента стала проверка гипотезы о степени популярности специфических средств общения (эмодзи, смайлики, мемы, видео, фото и пр.) в интернет-коммуникации, которые демонстрируют ее отличия от устной и письменной коммуникации.

Анкета «Интернет-коммуникация как новая форма общения» была создана с помощью «Google Форм» и размещена в Интернете (ее можно заполнить, перейдя по ссылке: <https://forms.gle/f8fAwebhVd44tRwo8>, при этом гарантируется анонимность ответов). Всего в анкете 12 вопросов, 3 из которых являются ее демографической частью («паспортичкой»), т. е. включают информацию о возрасте, поле и национальности. Тип вопросов – «множественный выбор»: они имеют несколько стандартных вариантов ответа и вариант «другое», где респонденты могут написать непредстав-

ленную информацию, при необходимости дополнить ответ, если нет подходящего варианта. Четкая поляризация вариантов ответов позволяет понять внутреннюю систему регламентации употребления семиотических знаков в электронной коммуникации. Кроме того, отсутствует «расплывчатый» вариант, указывающий на «тихий уход» от ответа (например, *я не знаю* и т. п.), что задает четкий алгоритм моделирования использования графических средств, в т. ч. различных символов и эмодзи, в повседневной коммуникативной практике респондентов. При этом в каждом вопросе респонденты могут выбрать только один вариант ответа.

Онлайн-анкетирование проводилось в период с февраля по апрель 2025 года. Оно предполагало личное заполнение анкеты респондентами, при этом автор статьи участвовала в качестве одного из организаторов анкетирования и респондента. Приглашение респондентов осуществлялось посредством личной просьбы знакомым организаторов заполнить анкету (ссылка на нее отправлялась по электронной почте или в мессенджерах). В анкетировании приняли участие русские и иностранные студенты, аспиранты и преподаватели из университетов г. Иркутска: Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутский государственный университет (в частности, Международный институт экономики и лингвистики), Байкальский государственный университет. Группу респондентов составили 205 чел.

Таким образом, выборка исследования характеризуется как невероятностная «удобная»⁶: поскольку генеральная совокупность не может быть определена точно (является приблизительной общей совокупностью всех пользователей Интернета), выборка определялась случайным образом. Ошибка выборки составила 7,5 % (т. е. 90 % лежит в пределах $\pm 7,5$ % от нормали).

⁶Невероятностная выборка – метод выборки, при котором отбор участников основан на факторах, отличных от вероятности. Это означает, что вероятность включения в выборку одних членов популяции выше, чем других. Существует несколько видов невероятностной выборки, в т. ч. «удобная» выборка – метод, при котором участники отбираются на основе их легкой доступности или наличия. Например, исследователь может набрать участников на занятиях, которые он ведет, или на интернет-форуме.

Анализ «паспортички» показал, что основную часть респондентов, более половины (57,9 %), составили молодые люди до 20 лет, 33,8 % – 21–30 лет, 3,4 % – 31–40 лет, 4,9 % – возрастная группа старше 41 года. Следовательно, выборка репрезентативна и отражает отношение молодежи к проблеме. Соотношение полов: 51,5 % составили мужчины, 48,5 % – женщины, что примерно равнозначно. В качестве родного русский язык выбрали 75,0 % респондентов, китайский – 21,1 %, остальные указали иные языки.

При ответе на вопрос «Как Вы предпочитаете общаться?» вариант «онлайн» выбрали 29,8 %, что составляет почти 1/3 респондентов. Данный результат показывает, что, хотя интернет-коммуникация очень популярна и набирает обороты, все же молодежь предпочитает лично встречаться, что очень радует. Однако при ответе на вопрос «Как часто Вы используете смайлики в интернет-переписке?» вариант «каждый день» выбрали 51,5 %, следовательно, молодежь общается в сети ежедневно; вариант «несколько раз в неделю» выбрали 20,6 %, «редко, менее раза в неделю» – 12,2 %, «никогда» – 4,9 %.

Разные смайлики нравятся 35,6 % респондентов, «зверюшки» предпочитают 7,8 %, стикеры – 25,9 %, что отражает тенденцию к разнообразию среди коммуникантов в Интернете. «С целью выразить свои эмоции» используют эмодзи 63,2 % респондентов, «чтобы сократить текст» – 7,4 %, «для развлечения» – 26,0 %, что подтверждает гипотезу об эмоциональной функции эмодзи.

На вопрос «Как часто Вы используете мемы в интернет-переписке?» 27,9 % респондентов ответили «каждый день», 30,4 % – «часто», 34,3 % – «редко», 7,4 % – «никогда», что указывает на примерно равное соотношение утвердительных ответов. Фото в интернет-переписке отправляют 97,5 % респондентов, при этом 22,5 % делают это каждый день. Видео задействуют 97,1 % респондентов, и только 2,9 % не делают это никогда.

Отрадно отметить, что знаки препинания в интернет-коммуникации всегда используют

57,1 % респондентов, что указывает на достаточный уровень культуры языка. Эмотиконы (смайлики и стикеры) вместо слов употребляют 69,3 % респондентов, а 30,7 % их не используют.

Полученные результаты подкрепляют гипотезу о динамичности и уникальности языка Интернета, который конструирует специфические семиотические символы для общения (эмодзи, смайлики, мемы, видео, фото и др.) в цифровой среде, что демонстрирует его отличие от устной и письменной форм языка. Как показывают данные проведенного анкетирования, наблюдается рост использования различных символов в интернет-коммуникации, что обусловлено стремлением к сжатию информации и быстротой обмена ею. Китайские респонденты утверждают, что в китайском сегменте интернет-коммуникации широкое распространение получают латинские буквы и цифры вместо китайских иероглифов по звуковому сходству. Это является специфической особенностью именно китайской интернет-коммуникации.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что развитие интернет-коммуникации как отдельного вида общения происходит гибко и быстро под влиянием ИИ и нейронных сетей в аспекте доминирования визуального семиотического кода. Выявленные тенденции убедительно доказывают, что динамичность, мультимедийность, интерактивность, киберсемиотичность языка Интернета становятся основанием для формирования новой семиотической системы. Результаты социолингвистического эксперимента свидетельствуют о том, что современные тренды отражают новый этап развития языковой системы в целом. Высокая технологичность ИИ-алгоритмов способствует появлению и распространению визуальных потенций языка, управлять которыми необходимо научному сообществу для повышения общей языковой культуры.

Оптимизация интернет-коммуникации в направлении ее ускорения не должна снижать

общий культурный уровень носителей языка, а напротив, должна способствовать развитию лингвокреативности в использовании новых возможностей семиотических знаков, эволюции человека в целом. Важно привлекать внимание к проблеме низкой культуры языка, контролировать язык Интернета, что требует новых

подходов к анализу интернет-коммуникации. Перспективным является не просто наблюдение за функционированием языка в высокотехнологичной интернет-среде, а активный поиск и разработка методов управления его развитием, а также стимулирование интереса к культуре речи и раскрытие потенциала языка.

Список литературы

1. *Горошко Е.И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // *Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 6. Жанр и язык.* Саратов: Наука, 2009. С. 111–127.
2. *Рябцева Н.К.* Отличительные особенности интернет-коммуникации в металингвистическом и прикладном аспекте // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: период. сб. науч. ст. Вып. 9.* М.: Ин-т языкознания РАН, 2017. С. 387–429. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/14.pdf (дата обращения: 26.10.2019).
3. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллектив. моногр. / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 328 с.
4. *Ахренова Н.А.* Интернет-лингвистика: доминантный подход: моногр. М.: Русайнс, 2022. 178 с.
5. *Crystal D.* *Language and the Internet.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 272 p.
6. *Crystal D.* *Txtng: The Gr8 Db8.* Oxford: Oxford University Press, 2008. 239 p.
7. *Bolter J.D.* *Writing Space: Computers, Hypertext, and the Remediation of Print.* London: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. 248 p. <https://doi.org/10.4324/9781410600110>
8. *Bolter J.D.* Examining and Changing the World of Media // *Humanistic Perspectives in a Technological World / ed. by R. Utz, V.B. Johnson, T. Denton.* Atlanta: Georgia Tech, 2014. P. 37–39.
9. *Kress G.* *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication.* London: Routledge, 2010. 212 p.
10. *Kress G., van Leeuwen T.* *Reading Images: The Grammar of Visual Design.* London: Routledge, 2020. 310 p.
11. *Brier S.* *Cybersemiotics: Why Information Is Not Enough.* Toronto: University of Toronto Press, 2008. 544 p. <https://doi.org/10.3138/9781442687813>
12. *Brier S.* *Cybersemiotics: A New Foundation for Transdisciplinary Theory of Information, Cognition, Meaningful Communication and the Interaction Between Nature and Culture // Integr. Rev. 2013. Vol. 9, № 2. P. 220–263.* URL: https://integral-review.org/issues/vol_9_no_2_brier_cybersemiotics.pdf (дата обращения: 05.06.2025).
13. *Manovich L.* *The Language of New Media.* Cambridge: MIT Press, 2001. 354 p.
14. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
15. *Рольгайзер А.А.* Лингвопрагматические особенности франкоязычного интернет-комментария (на примере политической новостной статьи) // *Виртуал. коммуникация и соц. сети.* 2022. Т. 1, № 3. С. 136–142. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2022-1-3-136-142>
16. *Сон Л.П.* Язык интернет-коммуникации: вторичный глоттогенез и формирование новой символическо-семиотической системы // *Орг. психоллингвистика.* 2023. № 3(23). С. 67–79. URL: [https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023%E2%84%963\(23\).pdf](https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023%E2%84%963(23).pdf) (дата обращения: 05.06.2025).
17. *Шаев Ю.М.* Семиотика смысла в виртуальном пространстве и современные информационные технологии // *Соврем. проблемы науки и образования.* 2012. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7797> (дата обращения: 05.06.2025).
18. *Galantucci B.* Experimental Semiotics: A New Approach for Studying Communication as a Form of Joint Action // *Top Cogn. Sci.* 2009. Vol. 1, № 2. P. 393–410. <https://doi.org/10.1111/j.1756-8765.2009.01027.x>
19. *Delliponti A.D., Raia R., Sanguedolce G., Gutowski A., Pleyer M., Sibierska M., Placiński M., Żywicznyński P., Waciewicz S.* Experimental Semiotics: A Systematic Categorization of Experimental Studies on the Bootstrapping of Communication Systems // *Biosemeiotics.* 2023. Vol. 16. P. 291–310. <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09534-x>

20. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции: пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2018. 318 с.
21. Leone M. The Semiotics of the Face in Digital Dating: A Research Direction // *Digit. Age Semiot. Commun.* 2019. Vol. 2. P. 18–40. <https://doi.org/10.33919/dasc.19.2.2>
22. Marino G. Cultures of the (Masked) Face // *Sign Syst. Stud.* 2021. Vol. 49, № 3-4. P. 318–337. <https://doi.org/10.12697/SSS.2021.49.3-4.04>
23. Gonçalves K., Erba F., Semadeni F., Demircan H. Ephemeral, Mobile, and Multilingual Signs in Public Space: A Pedagogic Case Study of Stickers // *The Handbook of Linguistic Landscapes and Multilingualism* / ed. by D. Gorter, J. Cenoz. Newark: John Wiley & Sons, Incorporated, 2025. P. 607–622. <https://doi.org/10.1002/9781394231805.ch35>

References

1. Goroshko E.I. Internet-zhanr i funkcionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii [Internet Genre and Functioning of Language on the Internet: An Attempt at Reflection]. *Zhanry rechi: sbornik nauchnykh statey. Vyp. 6. Zhanr i yazyk* [Speech Genres: Collected Papers. Iss. 6. Genre and Language]. Saratov, 2009, pp. 111–127.
2. Ryabtseva N.K. Otlichitel'nye osobennosti internet-kommunikatsii v metalingvisticheskom i prikladnom aspekte [Internet Communication and Its Essential Distinctions: A Metalinguistic and Applied Perspective]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Linguistics and Methods for Teaching Foreign Languages]. Iss. 9. Moscow, 2017, pp. 387–429. Available at: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/14.pdf (accessed: 26 October 2019).
3. Kolokol'tseva T.N., Lutovinova O.V. (eds.). *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet Communication as a New Speech Formation]. Moscow, 2018. 328 p.
4. Akhrenova N.A. *Internet-lingvistika: dominantnyy podkhod* [Internet Linguistics: A Dominant Approach]. Moscow, 2022. 178 p.
5. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, 2001. 272 p.
6. Crystal D. *Txtng: The Gr8 Db8*. Oxford, 2008. 239 p.
7. Bolter J.D. *Writing Space: Computers, Hypertext, and the Remediation of Print*. London, 2001. 248 p. <https://doi.org/10.4324/9781410600110>
8. Bolter J.D. Examining and Changing the World of Media. Utz R., Johnson V.B., Denton T. (eds.). *Humanistic Perspectives in a Technological World*. Atlanta, 2014, pp. 37–39.
9. Kress G. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London, 2010. 212 p.
10. Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London, 2020. 310 p.
11. Brier S. *Cybersemiotics: Why Information Is Not Enough*. Toronto, 2008. 544 p. <https://doi.org/10.3138/9781442687813>
12. Brier S. Cybersemiotics: A New Foundation for Transdisciplinary Theory of Information, Cognition, Meaningful Communication and the Interaction Between Nature and Culture. *Integr. Rev.*, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 220–263. Available at: https://integral-review.org/issues/vol_9_no_2_brier_cybersemiotics.pdf (accessed: 5 June 2025).
13. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge, 2001. 354 p.
14. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, 2000. 704 p.
15. Rolgayzer A.A. Internet Comments to French Political News: Linguapragmatic Features. *Virtual Commun. Soc. Netw.*, 2022, vol. 1, no. 3, pp. 136–142 (in Russ.). <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2022-1-3-136-142>
16. Son L.P. Yazyk internet-kommunikatsii: vtorichnyy glottogenez i formirovanie novoy simboliko-semioticheskoy sistemy [The Language of Internet Communication: Secondary Glottogenesis and the Formation of a New Symbolic-Semiotic System]. *Organizatsionnaya psikholingvistika*, 2023, no. 3, pp. 67–79. Available at: [https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023%E2%84%963\(23\).pdf](https://psycholinguistic.ru/arhiv/2023%E2%84%963(23).pdf) (accessed: 5 June 2025).
17. Shaev Yu.M. Semiotika smysla v virtual'nom prostranstve i sovremennye informatsionnye tekhnologii [Semiotic of Sense in the Virtual Space and Modern Information Technologies]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2012, no. 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7797> (accessed: 5 June 2025).
18. Galantucci B. Experimental Semiotics: A New Approach for Studying Communication as a Form of Joint Action. *Top Cogn. Sci.*, 2009, vol. 1, no. 2, pp. 393–410. <https://doi.org/10.1111/j.1756-8765.2009.01027.x>
19. Delliponti A.D., Raia R., Sanguedolce G., Gutowski A., Pleyer M., Sibierska M., Placiński M., Żywicznyński P., Waciewicz S. Experimental Semiotics: A Systematic Categorization of Experimental Studies on the Bootstrapping of Communication Systems. *Biosemiotics*, 2023, vol. 16, pp. 291–310. <https://doi.org/10.1007/s12304-023-09534-x>

20. Baudrillard J. *Simulacres et Simulation*. Paris, 1981. 235 p. (Russ. ed.: Bodriyyar Zh. *Simulyakry i simulyatsii*. Moscow, 2018. 318 p.).

21. Leone M. The Semiotics of the Face in Digital Dating: A Research Direction. *Digit. Age Semiot. Commun.*, 2019, vol. 2, pp. 18–40. <https://doi.org/10.33919/dasc.19.2.2>

22. Marino G. Cultures of the (Masked) Face. *Sign Syst. Stud.*, 2021, vol. 49, no. 3-4, pp. 318–337. <https://doi.org/10.12697/SSS.2021.49.3-4.04>

23. Gonçalves K., Erba F., Semadeni F., Demircan H. Ephemeral, Mobile, and Multilingual Signs in Public Space: A Pedagogic Case Study of Stickers. Gorter D., Cenoz J. (eds.). *The Handbook of Linguistic Landscapes and Multilingualism*. Newark, 2025, pp. 607–622. <https://doi.org/10.1002/9781394231805.ch35>

Информация об авторе

И.А. Кузнецова – доктор филологических наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета (адрес: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83), профессор кафедры лингвистики и лингводидактики Иркутского государственного университета (адрес: 664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, д. 6), профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Байкальского государственного университета (адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11).

Information about the author

Irina A. Kuznetsova, Dr. Sci. (Philol.), Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages No. 1, Irkutsk National Research Technical University (address: ul. Lermontova 83, Irkutsk, 664074, Russia), Prof. at the Department of Linguistics and Linguodidactics, Irkutsk State University (address: ul. Ulan-Batorskaya 6, Irkutsk, 664082, Russia), Prof. at the Theoretical and Applied Linguistics Department, Baikal State University (address: ul. Lenina 11, Irkutsk, 664003, Russia).

Поступила в редакцию 08.06.2025

Одобрена после рецензирования 22.10.2025

Принята к публикации 24.10.2025

Submitted 8 June 2025

Approved after reviewing 22 October 2025

Accepted for publication 24 October 2025

Боярская Е.Л., Метелев М.В.

Абстрактные существительные в когнитивной лексикографии...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 64–74.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 64–74.

Научная статья
УДК 81'374(=111)(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V500

Абстрактные существительные в когнитивной лексикографии: моделирование структуры словарной статьи (на примере английского языка)

Елена Леонидовна Боярская¹✉

Михаил Васильевич Метелев²

^{1,2}Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия

¹e-mail: eboyarskaya@kantiana.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0179-8643>

²e-mail: mvmetelev1@kantiana.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1189-2959>

Аннотация. Описание значения полисемантических абстрактных имен существительных является одной из наиболее трудных и актуальных задач современной когнитивной лексикографии. Целью настоящего исследования стала разработка методологии построения словарной статьи для абстрактных существительных современного английского языка с учетом их концептуальной природы, семантической структуры и концептуальных механизмов полисемизации. Абстрактные имена существительные представляют собой сложные для лексикографического описания языковые единицы, которые характеризуются отсутствием конкретных референтов и позволяют вербализовать нефизические понятия, такие как качества, эмоции и состояния. Материал исследования был почерпнут из ряда современных лексикографических источников (Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus, Merriam-Webster Dictionary, WordNet 3.1, Oxford Advanced Learner's Dictionary, Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary), а также баз данных корпусов: British National Corpus, Corpus of Contemporary American English, Sentence Stack, News on the Web (NOW) Corpus. Анализ данных языковых корпусов является одним из важнейших инструментов лексикографической практики, позволяющим выявить наиболее распространенные и релевантные случаи актуализации значения лексических единиц, а также добиться более полного представления о функционировании механизмов распознавания значения участниками коммуникативного акта в различных типах дискурса. Интеграция методов классической лексикографии с инструментарием искусственного интеллекта (большие языковые модели) позволяет не только идентифицировать и описать значения, но и наметить перспективы в прогнозировании возможной семантической эволюции структуры многозначного абстрактного существительного. В статье предлагается структура словарной статьи, основанная на принципах когнитивной лексикографии.

© Боярская Е.Л., Метелев М.В., 2026

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная лексикография, концептуальные механизмы, полисемия, абстрактное существительное, семантическая структура, большая языковая модель

Для цитирования: Боярская, Е. Л. Абстрактные существительные в когнитивной лексикографии: моделирование структуры словарной статьи (на примере английского языка) / Е. Л. Боярская, М. В. Метелев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 64-74. DOI: 10.37482/2687-1505-V500.

Original article

Abstract Nouns in Cognitive Lexicography: Constructing a Dictionary Entry (Based on the English Language)

Elena L. Boyarskaya¹✉

Mikhail V. Metelev²

^{1,2}Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

¹e-mail: eboyarskaya@kantiana.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0179-8643>

²e-mail: mvmetelev1@kantiana.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1189-2959>

Abstract. Description of the meaning of polysemous abstract nouns remains one of the most difficult challenges in contemporary cognitive lexicography. This study aims to develop a methodology for constructing a dictionary entry for abstract nouns in contemporary English, with particular attention to their conceptual nature, semantic structure and cognitive mechanisms underlying polysemization. Abstract nouns are linguistic units that name intangible concepts such as qualities, emotions and states. They lack concrete referents and present difficulty for lexicographers. The research material was selected from a range of contemporary lexicographic sources (Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus, Merriam-Webster Dictionary, WordNet 3.1, Oxford Advanced Learner's Dictionary, and Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary) as well as major corpus databases, namely, the British National Corpus, the Corpus of Contemporary American English, Sentence Stack, and News on the Web (NOW) Corpus. Analysing data from language corpora is one of the most important tools in lexicographic practice, allowing us to identify the most common and relevant cases of actualization of the meaning of lexical units as well as to deepen our understanding of the mechanisms for meaning recognition by participants in a communicative act in various types of discourse. Integrating classical lexicographic methods with the tools of artificial intelligence (large language models) allows us not only to identify and describe lexical meanings but also to forecast possible semantic evolution in the structure of polysemous abstract nouns. The article proposes a dictionary entry structure based on the principles of cognitive lexicography.

Keywords: cognitive linguistics, cognitive lexicography, conceptual mechanisms, polysemy, abstract noun, semantic structure, large language model

For citation: Boyarskaya E.L., Metelev M.V. Abstract Nouns in Cognitive Lexicography: Constructing a Dictionary Entry (Based on the English Language). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 64–74. DOI: 10.37482/2687-1505-V500

Введение. Когнитивная лексикография, будучи неотъемлемой частью когнитивной лингвистики, представляет собой дисциплину, которая на сегодняшний день акцентирует внимание на динамичном характере значения, взаимодействии языка и мышления, признавая, что значение слова есть не столько набор фиксируемых лексикографическими источниками дефиниций, сколько сложная когнитивная система знания, зависящая от контекста и личностного восприятия индивидуума [1].

Одной из главных проблем, с которыми сталкивается современная когнитивная лексикография, является проблема линейности, т. е. необходимости отражения многомерной, кластерной семантической структуры ментального лексикона в линейном формате словарной статьи. Когнитивная лексикография стремится преодолеть данную проблему посредством внедрения в практику новых способов организации словарной статьи, которые наиболее точно и объективно отражают существующие связи между значениями в структуре полисеманта [1, 2].

Именно поэтому к ключевым положениям когнитивной лексикографии относят следующие [1, 2]:

1) значение слова имеет динамическую природу;

2) в основе лексического значения слова лежит определенный концепт, который, в свою очередь, является частью комплексной концептуальной системы;

3) полисемия представляет собой отражение многоуровневой когнитивной структуры, имеющей языковую вербализацию в виде системы значений;

4) значения слов часто связаны с сенсорным опытом человека и воплощенным познанием;

5) семантическая структура может быть репрезентирована в виде сетей, где значения связаны через узлы и дуги, отражающие определенные семантические/концептуальные сдвиги в структуре многозначного слова.

Современные подходы к лексикографическому описанию значений абстрактных суще-

ствительных, несмотря на значительные достижения в области когнитивной лексикографии, сталкиваются с проблемой недостаточной полноты представления комплексной семантической структуры многозначного слова. В качестве возможного решения представляется оправданным использовать потенциал инновационных технологий, таких как большие языковые модели (LLM). На сегодняшний день именно применение LLM – одно из наиболее перспективных направлений, способствующих совершенствованию способов описания лексического значения в лексикографической практике.

Целью данного исследования, выполненного в русле когнитивной лексикографии, является разработка методологии построения словарной статьи, которая отражает не только семантическую структуру полисеманта, но и концептуальные механизмы полисемизации.

Теоретические основы исследования. В качестве теоретической базы выступают ключевые положения когнитивистики и когнитивной лексикографии [1–3], когнитивной теории полисемии [4–8], теории абстрактных имен существительных [9–12], а также компьютерной и корпусной лингвистики [13–15], представленные в работах отечественных и зарубежных авторов. Данные исследования служат отправной точкой для создания новой модели лексикографического описания значения абстрактных полисемантов, которая позволит не только представлять исходные и производные значения полисемантов в когнитивном ключе, но и прогнозировать (до определенной степени) семантические изменения в их структуре.

В рамках когнитивной лингвистики значение рассматривается как результат взаимодействия языковой формы, прагматического контекста и концептуальной структуры [3]. Положения о концептуальной основе лексического значения легли в основу концептуального моделирования многозначных абстрактных существительных [1, 2]. Исследования в области когнитивной теории полисемии определили принцип организации значений в виде

сети, которая отражает концептуальные пересечения между значениями слова ввиду наличия в структуре значений общих концептуальных признаков [5–7, 9]. При выделении и описании онтологических характеристик концептов были учтены подходы к анализу феномена абстракции и семантике абстрактных имен существительных [10, 11]. Кроме того, значимыми для данного исследования являются современные подходы к анализу языковых явлений с использованием систем искусственного интеллекта и LLM [13–15]. В частности, применение алгоритмов LLM позволяет обрабатывать большие объемы текстовых и лексикографических данных, что способствует дальнейшему развитию лексикографической практики, а также выявлению когнитивных механизмов, лежащих в основе формирования значения в структуре многозначного слова.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили английские абстрактные существительные и контексты их употребления.

Согласно цели работы, процесс анализа был многоэтапным. На *первом* этапе методом сплошной выборки из современных лексикографических источников (Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus¹, Merriam-Webster Dictionary², WordNet 3.1³, Oxford Advanced Learner's Dictionary⁴, Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary⁵)

были отобраны многозначные абстрактные существительные современного английского языка. Критерием отбора послужило наличие трех и более значений в структуре полисеманта. Общая выборка составила 258 лексических единиц.

На *втором* этапе из языковых корпусов (British National Corpus⁶, Sentence Stack⁷, Corpus of Contemporary American English⁸, News on the Web (NOW) Corpus⁹) были отобраны наиболее репрезентативные примеры употребления данных имен существительных в их исходном и производных значениях. Контексты выбирались из корпусных баз данных по критериям релевантности, грамматической завершенности и принадлежности к различным типам дискурса (научному, юридическому, художественному и др.). Количество изученных фрагментов составило 250 единиц.

На *третьем* этапе данные корпусов были проанализированы с использованием алгоритмов LLM (DeepSeek) с целью идентификации и описания значений абстрактного существительного-полисеманта. Протокол анализа языкового материала посредством алгоритмов LLM включает следующие этапы:

1. Извлечение лексикографических данных. Из выбранного лексикографического источника формируется список значений целевой леммы ($senses S_0 = \{s_1, \dots, s_k\}$), включающий краткие де-

¹Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 27.01.2025).

²Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 27.01.2025).

³WordNet 3.1. A Lexical Database for English – Princeton University. URL: <http://wordnetweb.princeton.edu/> (дата обращения: 27.01.2025).

⁴Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 27.01.2025).

⁵Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 27.01.2025).

⁶British National Corpus. URL: <https://www.englishcorpora.org/bnc> (дата обращения: 27.01.2025).

⁷Sentence Stack. URL: <https://sentencestack.com> (дата обращения: 27.01.2025).

⁸Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 27.01.2025).

⁹News on the Web Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 27.01.2025).

финиции, стилистические и доменные пометы, а также иллюстративные примеры.

2. Сбор и систематизация корпусных данных. Отбирается корпус примеров употребления анализируемой единицы (на уровне предложения или абзаца) в количестве N контекстов. Для каждого контекста фиксируются метаданные: жанр, домен, год, источник, ключевые коллокации, синтаксические шаблоны (subcategorization frames) и устойчивые конструкции (например, *effect on/of, come into effect* и др.).

3. Автоматическое соотнесение словарных значений и контекстов. Для каждого контекста c_i производится сопоставление с имеющимися словарными дефинициями при помощи LLM с использованием специально разработанного промпта следующего типа: “A list of dictionary entries is provided. Here is the contextual use of the analyzed unit c_i (from corpus data). Indicate which meaning (ID) is expressed, or mark it as ‘NONE’ if no match is found”. Промпт формулируется на английском языке, поскольку большинство современных языковых моделей демонстрируют более высокую точность и согласованность результатов при обработке англоязычных инструкций.

4. Идентификация потенциально новых значений. Все случаи, для которых LLM возвращает метку ‘NONE’, выделяются для дальнейшего анализа как кандидаты на новые, не зафиксированные в словарях значения.

5. Семантическая сверка и верификация новизны. Для каждой выявленной дефиниции выполняется проверка на совпадение или расхождение с существующими лексикографическими описаниями посредством процедур семантического сопоставления (entailment / contradiction detection).

6. Экспертная проверка (human-in-the-loop). Данный этап включает экспертную верификацию результатов: предложенные языковой моделью значения уточняются, отвергаются или подтверждаются, что обеспечивает их достоверность, концептуальную и интерпретативную обоснованность.

7. Заключительный этап. Представляет собой переход от анализа семантической струк-

туры полисеманта к его концептуальной структуре, т. е. от верификации и систематизации значений к реконструкции когнитивных механизмов, лежащих в их основе. Если на предыдущих этапах основное внимание уделялось выявлению, классификации и верификации лексико-семантических вариантов, то на данном этапе полученные сведения интегрируются в единую концептуальную модель.

Описанный выше многоэтапный протокол обеспечивает воспроизводимость анализа, сочетая вычислительные методы обработки текста с когнитивно-интерпретационной экспертизой, что позволяет не только находить новые значения абстрактных существительных, но и оценивать их когнитивную релевантность и динамику в современном английском языке. Такой подход предполагает переход от дескриптивного уровня лексической семантики к объяснительному уровню когнитивного моделирования, раскрывая, каким образом полисеманты структурируют и репрезентируют определенный набор фрагментов концептуальной картины мира носителя языка.

Важно отметить, что в качестве точки референции было принято решение использовать данные лексикографического источника WordNet 3.1. Выбор этого источника детерминирован в первую очередь количеством значений, описываемых в рамках словарных статей, а также особенностями репрезентации комплексной структуры семантических связей полисеманта. В WordNet 3.1 структура многозначного слова имеет линейное представление – в виде набора значений, порядок которых определяется частотностью употребления лексической единицы в том или ином значении. Кроме того, каждая лексическая единица здесь является частью группы синонимов – синсетов. Каждый синсет сопровождается общей дефиницией, а также примерами контекстуального употребления его членов.

Результаты. Продемонстрируем предлагаемый механизм анализа на примере полисемантического абстрактного существительного

effect. Среди примеров его контекстуального употребления из языковых корпусов были отобраны следующие:

1) *The Queen must be appalled at Fergie's indifference to the effect her snogging will have on the children*¹⁰;

2) *In this region, the quarterback said, pausing for effect while wearing a smile on Thursday*¹¹;

3) *I'm sure you've experienced in many instances here, the effect of lytic toxins*¹²;

4) *Progesterone has the effect of increasing the body temperature by up to 0.5 °C*¹³;

5) *Although not currently or previously enforced the law is still in effect even after calls for it to be repealed as a relic of apartheid-era secrecy legislation*¹⁴;

6) *In fact, we've found the affordable tools that can create the bold effect you're looking for without any of the fuss*¹⁵.

Представленные выше примеры контекстуального употребления абстрактного полисемантического имени существительного *effect* были проанализированы с использованием алгоритмов LLM с целью последующего описания значений рассматриваемого полисеманта. На основании проведенного анализа и дальнейшей верификации были выделены 5 значений существительного *effect*¹⁶:

'The consequence or impact of an action on someone or something, where the action produces a specific outcome or reaction' (пример 1);

'A dramatic or rhetorical impact used to emphasize a moment or to make a statement more striking' (пример 2);

'Physiological/Biological impact focusing on measurable outcomes' (примеры 3 и 4);

'Legal status indicating the validity of a law' (пример 5);

'Aesthetic outcome relating to visual or stylistic results' (пример 6).

Данные значения были соотнесены с дефинициями, представленными в лексикографическом источнике WordNet 3.1. Сопоставление интерпретаций значений, полученных с помощью LLM, с дефинициями традиционных лексикографических источников позволило выявить как сходства, так и различия в подходах к идентификации и описанию исходного и производных значений анализируемого абстрактного полисеманта. В ряде случаев интерпретации значений, предлагаемые LLM, демонстрировали более высокий уровень универсальности и адаптивности к различным контекстам. В качестве примера сравним 'the consequence or impact of an action on someone or something, implying a cause-and-effect relationship, where the action produces a specific outcome or reaction' (LLM) и 'a phenomenon that follows and is caused by some previous phenomenon' (WordNet 3.1). В интерпретации значения LLM присутствует дополнительное указание на контекстуальные и прагматические особенности употребления рассматриваемого полисеманта, которые отсутствуют в дефиниции WordNet 3.1. Кроме того, в интерпретации значения, предложенной LLM, также есть эксплицитное указание на объект воздействия (индивидуум/неодушевленный предмет), вербализованное посредством неопределенных местоимений *someone, something*.

Как известно, словарная статья в классических лексикографических источниках фиксирует значение как *статическую семантическую*

¹⁰British National Corpus.

¹¹Ibid.

¹²Sentence Stack.

¹³Ibid.

¹⁴News on the Web Corpus.

¹⁵Corpus of Contemporary American English.

¹⁶DeepSeek. URL: <https://chat.deepseek.com/a/chat/s/5473bc85-0e9d-4800-ab9a-2e7209862452> (дата обращения: 06.02.2025).

единицу, тогда как когнитивная лексикография рассматривает его как *динамическую концептуальную структуру*, формирующуюся в контексте познания и употребления. Следовательно, структура словарной статьи, основанной на принципах когнитивной лексикографии, должна объединять лингвистическую точность и когнитивную интерпретативность, обеспечивая выход за рамки статичной дефиниции.

Предлагаемая модель словарной статьи, построенная на принципах классической и когнитивной лексикографии, включает следующие разделы:

1. Формальные параметры: заголовочное слово, часть речи, морфологические характеристики и этимология, отражающая диахронические изменения.

EFFECT (n., uncountable/countable)

1. Этимология: mid-14c., 'execution or completion (of an act),' from Old French *efet* (13c., Modern French *effet*) 'result, execution, completion, ending', from Latin *effectus* 'accomplishment, performance'.

2. Семантическая структура

Исходное значение:

(1) the consequence or impact of an action on someone or something, where the action produces a specific outcome or reaction (e.g. *The Queen must be appalled at Fergie's indifference to the effect her snogging will have on the children*).

Производные значения:

(2) physiological/biological impact of an illness or a drug having measurable outcomes (e.g. *Progesterone has the effect of increasing the body temperature by up to 0.5 °C*);

(3) a dramatic or rhetorical impact used to emphasize a moment or to make a statement more striking (e.g. *In this region, the quarterback said, pausing for effect while wearing a smile on Thursday*);

(4) legal status indicating the validity of a law (e.g. *Although not currently or previously enforced, the law is still in effect even after calls for it to be repealed as a relic of apartheid-era secrecy legislation*);

(5) aesthetic outcome relating to visual or stylistic results (e.g. *In fact, we've found the affordable tools that can create the bold effect you're looking for without any of the fuss*).

3. Концептуальная структура

Концептуальная категория: CAUSATION

Фрейм: EFFECT

Слоты фрейма:

- **Cause:** the event, action, or force that initiates the effect.
- **Effect:** the outcome, consequence, or change produced by the cause.
- **Entity affected:** the person, group, or system impacted by the effect (e.g. *The effect on small businesses (Entity affected) was catastrophic*).

- **Process/Mechanism:** how the cause leads to the effect (e.g. *The butterfly effect illustrates how tiny actions (Cause) amplify into large-scale effects through chaotic systems (Mechanism)*).

- **Domain:** the context or sphere where the effect occurs: environmental, social, economic, etc. (e.g. *The greenhouse effect (Domain: environmental) accelerates global warming*).

- **Timeframe:** the duration or temporal scope of the effect (e.g. *The long-term effects of childhood education shape societal progress*).

2. Семантическая структура: основное и производные значения, организованные по принципу иерархии и сопровождаемые примерами из корпуса.

3. Концептуальная структура: фрейм-репрезентация с описанием слотов и когнитивных схем, актуализирующих значения в различных контекстах, а также категориальная принадлежность концепта, лежащего в основе исходного значения полисеманта.

4. Онтологические характеристики: базовые свойства концепта, нематериальность, причинно-следственные связи, временная постериорность.

Таким образом, модель словарной статьи, выполненная на примере анализируемого существительного, может быть представлена следующим образом:

Схема фрейма:

[CAUSE] → [MECHANISM] → [EFFECT ON ENTITY] → [CHANGE OF STATE]
 ↳ DOMAIN: physical / psychological /
 social / aesthetic / institutional / digital

EFFECT = construed RESULT (foregrounded phase of the causal event)

Концептуальное проецирование (концептуальные метафоры):

(1) EFFECT IS A WAVE: *As that happens, the effects ripple through nursing facilities and home care agencies; The CEO's resignation created a tidal wave of effects, drowning short-term plans in chaos*¹⁷.

(2) EFFECT IS A SEED: *That's how the drugs' euphoric effects blossom in your body; The court ruling planted seeds of change, with effects blossoming decades later*¹⁸.

(3) EFFECT IS A SHADOW: *The news comes as Coronavirus effects are casting a broadening shadow on almost every industry around the world; The effects of the recession cast a long shadow over small businesses of the early 1990's for years*¹⁹.

(4) EFFECT IS ENERGY: *The film generates a powerful emotional effect*²⁰.

(5) EFFECT IS A PRODUCT: *The crisis is the effect of human negligence*²¹.

4. Онтологические параметры

- *Immaterial nature*: denotes a non-physical phenomenon that does not possess tangible substance.
- *Causal dependence*: arises as a result of a preceding cause or action; inherently linked to a source event or condition.
- *Temporal posteriority*: always follows the initiating cause in time, forming part of a sequential causal chain.
- *Contextual embodiment*: materializes in discourse through context-specific instantiations, often mediated by domain or genre.
- *Interdiscursive plasticity*: exhibits semantic flexibility across different registers and discourses (medical, legal, aesthetic, etc.).

Следует уточнить, что разделы, посвященные описанию концептуальной структуры, онтологических параметров, формировались на основе интерпретации семантической информации, полученной в результате использования LLM, а также с опорой на базовые положения когнитивной лингвистики, теории категоризации и фреймовой семантики. Включение в состав разрабатываемой словарной статьи морфологических характеристик, а также этимологических данных в полной мере соответствует стандартной практике построения англоязычных словарных статей (например, WordNet 3.1 и Collins COBUILD Advanced

Learner's Dictionary и др.). Наконец, организация значений по принципу иерархии в целом отвечает положениям когнитивной теории полисемии, в рамках которой значение абстрактного полисеманта представляет собой сеть, отражающую концептуальные пересечения между смыслами ввиду наличия общих концептуальных признаков.

Заключение. Когнитивная лексикография стремится не только фиксировать языковые значения, но и реконструировать концептуальные структуры, стоящие за ними, превращая лексикографический источник в инструмент описания языковой картины мира.

¹⁷British National Corpus.

¹⁸Sentence Stack.

¹⁹British National Corpus.

²⁰Sentence Stack.

²¹Ibid.

Предложенная в настоящей работе структура словарной статьи инкорпорирует как элементы лексикографического описания WordNet 3.1, так и сведения, полученные в ходе использования алгоритмов LLM и их последующей верификации. Подобная интеграция данных обеспечивает преемственность и опору на устоявшиеся лексикографические стандарты, что способствует сохранению системности и структурированности лексикографического описания. В то же время использование результатов анализа LLM позволяет обогатить словарную статью не только контекстуальными и прагматическими, но и когнитивными данными, которые остаются за рамками классических дефиниций.

Описываемая структура словарной статьи способна выполнять не только дескриптивную, но и *моделирующую функцию*: отражать концептуальные отношения, механизмы смысловой эволюции и прагматические условия употребления. Она представляет собой *многоуровневую когнитивную модель*, объединяющую формальные, семантические, концептуальные и онтологические параметры лексической единицы в системе языка и мышления.

Перспективой развития данного подхода к лексикографическому описанию может стать создание интерактивных лексикографических

платформ, где семантические сети полисемантов будут систематически обновляться с учетом анализа данных языковых корпусов, проводимого с применением LLM-алгоритмов. Это открывает новые возможности для изучения процесса формирования значения, прогнозирования (до определенной степени) семантических сдвигов внутри структуры многозначного слова, а также для адаптации лексикографических ресурсов к изменяющимся языковым нормам и коммуникативным потребностям. Непрерывное обновление данных лексикографических источников с опорой на анализ актуальной информации об употреблении языковых единиц позволит учитывать новые значения, возникающие под влиянием социальных, культурных и технологических факторов, и оперативно размещать их в цифровом формате.

Настоящее исследование вносит вклад в развитие принципов когнитивной лексикографии с использованием возможностей LLM. Предлагаемая модель словарной статьи основана на системной интеграции традиционных лексикографических подходов с когнитивно-интерпретативными механизмами, что делает описание значений более детальным, контекстно чувствительным и релевантным современным задачам гуманитарного знания.

Список литературы

1. *Ostermann C.* Cognitive Lexicography: A New Approach to Lexicography Making Use of Cognitive Semantics. Berlin: de Gruyter, 2015. 392 p. <https://doi.org/10.1515/9783110424164>
2. *Kövecses Z., Csabi S.* Lexicography and Cognitive Linguistics // Rev. esp. lingüíst. apl. 2014. Vol. 27, № 1. P. 118–139. <https://doi.org/10.1075/resla.27.1.05kov>
3. *Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. 830 p.
4. *Вольская Ю.А.* Создание словаря абстрактных существительных в русском языке: критерии отбора лексики // Филология и культура. 2020. № 1(59). С. 38–44.
5. *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Слова и смыслы в ментальных пространствах языка и культуры // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4-3. С. 300–311.
6. *Боярская Е.Л.* Полисемия и когнитивный контекст // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. Вып. XVI. Языковое сознание и когнитивное моделирование. М.; Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2014. С. 265–271.
7. *Никитин М.В.* Полисемия на пределе (широкозначность) // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 102–103.
8. *Chaabo A.* Semantic Multiplicity: How Lexical Ambiguity Elicit Imperfect Organizational Discourse Sustaining Category Ambiguity in Case of NPD. Vienna: HAL Open Science, 2022. 30 p.

9. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопр. когнитив. лингвистики. 2016. № 4(49). С. 10–20.
10. Чернейко Л.О. Лингвофилософский абстрактный анализ имени. М.: Либроком, 2018. 272 с.
11. Bäck A. Aristotle's Theory of Abstraction. N. Y.: Springer Publishing, 2014. 311 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-04759-1>
12. Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллектив. моногр. / науч. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19–81.
13. Torrent T.T., Hoffmann T., Almeida A.L., Turner M. Copilots for Linguists: AI, Constructions, and Frames. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 122 p. <https://doi.org/10.1017/9781009439190>
14. Louwse M.M. Understanding Artificial Minds Through Human Minds. The Psychology of Artificial Intelligence. London: Routledge, 2025. 216 p. <https://doi.org/10.4324/9781003491095>
15. Marcondes F.S., Gala A., Magalhães R., Perez de Britto F., Durães D., Novais P. Natural Language Analytics with Generative Large-Language Models: A Practical Approach with Ollama and Open-Source LLMs. Cham: Springer, 2025. 84 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-76631-2>

References

1. Ostermann C. *Cognitive Lexicography: A New Approach to Lexicography Making Use of Cognitive Semantics*. Berlin, 2015. 392 p. <https://doi.org/10.1515/9783110424164>
2. Kövecses Z., Csabi S. Lexicography and Cognitive Linguistics. *Rev. esp. lingüíst. apl.*, 2014, vol. 27, no. 1, pp. 118–139. <https://doi.org/10.1075/resla.27.1.05kov>
3. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh, 2018. 830 p.
4. Vol'skaya Yu.A. Sozhanie slovarya abstraknykh sushchestvitel'nykh v russkom yazyke: kriterii otbora leksiki [Creation of a Russian Abstract-Noun Dictionary: Selection Criteria for Lexical Entries]. *Filologiya i kul'tura*, 2020, no. 1, pp. 38–44.
5. Zobotkina V.I., Boyarskaya E.L. Words and Meanings at the Crossroads of Mental Spaces of Language and Culture. *RSUH/RGGU Bull. Lit. Theory Linguist. Cult. Stud. Ser.*, 2022, no. 4, pt. 3, pp. 300–311 (in Russ.).
6. Boyarskaya E.L. Polisemiya i kognitivnyy kontekst [Polysemy and Cognitive Context]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XVI. Yazykovoe soznanie i kognitivnoe modelirovanie* [Cognitive Studies of Language. Iss. 16. Linguistic Consciousness and Cognitive Modelling]. Moscow, 2014, pp. 265–271.
7. Nikitin M.V. Polisemiya na predele (shirokoznachnost') [Polysemy at the Limit (Broad Meaning)]. Kubryakova E.S. (ed.). *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [Conceptual Space of Language]. Tambov, 2005, pp. 102–103.
8. Chaabo A. *Semantic Multiplicity: How Lexical Ambiguity Elicit Imperfect Organizational Discourse Sustaining Category Ambiguity in Case of NPD*. Vienna, 2022. 30 p.
9. Boldyrev N.N. Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2016, no. 4, pp. 10–20 (in Russ.).
10. Cherneyko L.O. *Lingvofilosofskiy abstraktnyy analiz imeni* [An Abstract Linguistic and Philosophical Analysis of Nouns]. Moscow, 2018. 272 p.
11. Bäck A. *Aristotle's Theory of Abstraction*. New York, 2014. 311 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-04759-1>
12. Boldyrev N.N. Yazyk kak interpretiruyushchiy faktor poznaniya [Language as an Interpretive Factor of Cognition]. Boldyrev N.N. (ed.). *Interpretatsiya mira v yazyke* [Interpretation of the World in Language]. Tambov, 2017, pp. 19–81.
13. Torrent T.T., Hoffmann T., Almeida A.L., Turner M. *Copilots for Linguists: AI, Constructions, and Frames*. Cambridge, 2024. 122 p. <https://doi.org/10.1017/9781009439190>
14. Louwse M.M. *Understanding Artificial Minds Through Human Minds. The Psychology of Artificial Intelligence*. London, 2025. 216 p. <https://doi.org/10.4324/9781003491095>
15. Marcondes F.S., Gala A., Magalhães R., Perez de Britto F., Durães D., Novais P. *Natural Language Analytics with Generative Large-Language Models: A Practical Approach with Ollama and Open-Source LLMs*. Cham, 2025. 84 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-76631-2>

Боярская Е.Л., Метелев М.В.

Абстрактные существительные в когнитивной лексикографии...

Информация об авторах

Е.Л. Боярская – кандидат филологических наук, доцент высшей школы лингвистики образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (адрес: 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14).

М.В. Метелев – ассистент высшей школы лингвистики образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (адрес: 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14).

Поступила в редакцию 06.05.2025
Одобрена после рецензирования 30.10.2025
Принята к публикации 06.11.2025

Information about the authors

Elena L. Boyarskaya, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Higher School of Linguistics, Institute of Education and the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (address: ul. A. Nevskogo 14, Kaliningrad, 236041, Russia).

Mikhail V. Metelev, Teaching Assistant at the Higher School of Linguistics, Institute of Education and the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (address: ul. A. Nevskogo 14, Kaliningrad, 236041, Russia).

Submitted 6 May 2025
Approved after reviewing 30 October 2025
Accepted for publication 6 November 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 75–88.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 75–88.

Научная статья
УДК [81.373:811.134.2](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V501

Вербальные и невербальные формы рутинизации травматического опыта франкизма в коллективной памяти испанцев

Юлия Андреевна Горностаева

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
e-mail: yulyatald@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

Аннотация. Статья посвящена изучению форм рутинизации травматического опыта, связанного с диктатурой Франсиско Франко, в господствующем нарративе, которые формируют социально-мемориальный каркас коллективной памяти испанцев и определяют их постфранкистскую демократическую коллективную идентичность. Актуальность исследования связана с возможностью установить новые причинно-следственные связи в процессах самоидентификации и формирования коллективной идентичности испанцев посредством анализа языковых и неязыковых форм рутинизации травмы. Новизна работы состоит в комплексном междисциплинарном исследовательском подходе, объединяющем две научные концепции – культурной травмы и коллективной памяти. Рутинизация травматического опыта в устных нарративах отражает полярность мнений испанцев относительно режима Франко: оценка событий во многом обусловлена личными или семейными воспоминаниями об эпохе франкизма, и это проявляется использованием как нейтральной лексики, так и оценочных языковых единиц с противоположными коннотациями. Закон о демократической памяти 2022 года, выступающий в качестве письменной институционализованной формы рутинизации, представляет режим Франко исключительно негативно (об этом, например, свидетельствует репрезентация лексико-тематических групп «Политические преступления», «Диктатура», «Фашизм»), актуализируя идею о необходимости перехода к политике памяти после многолетнего курса забвения. При рутинизации травматического опыта в символических мемориальных формах наблюдается исключение всех сохранившихся объектных источников прошлого, связанных с личностью каудильо, из социально-мемориального каркаса коллективной памяти и создание новых мемориалов о гражданской войне, выступающей важной трагической вехой эпохи франкизма. Анализ репрезентации культурной травмы в коллективной памяти позволяет представить, как травматические события формируют долговременные структуры общественного сознания, а также указывает на то, что господствующий нарратив является одновременно способом репрезентации событий прошлого и инструментом их осмысления. Перспективным направлением для развития данной темы является изучение форм рутинизации травматического опыта в коллективной памяти представителей других лингвокультур, на самоидентификацию которых оказали влияние фашистские идеологии.

Горностаева Ю.А.

Вербальные и невербальные формы рутинизации травматического опыта франкизма...

***Ключевые слова:** франкизм, диктатура Франсиско Франко, Испания, дискурс травмы, языковая репрезентация культурной травмы, коллективная память испанцев, рутинизация травматического опыта, господствующий нарратив*

***Для цитирования:** Горностаева, Ю. А. Вербальные и невербальные формы рутинизации травматического опыта франкизма в коллективной памяти испанцев / Ю. А. Горностаева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 75-88. DOI: 10.37482/2687-1505-V501*

Original article

Verbal and Non-Verbal Forms of Routinization of the Traumatic Experience of Francoism in Spanish Collective Memory

Yuliya A. Gornostaeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,

e-mail: yulyatald@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6233-4995>

***Abstract.** This article examines the forms of routinization of traumatic experience associated with the dictatorship of Francisco Franco within the master narrative. These forms shape the socio-memorial framework of the collective memory of the Spanish people and determine their post-Francoist democratic collective identity. The relevance of this research lies in attempting to establish new causal relationships in the processes of self-identification and development of Spanish collective identity through analysis of linguistic and non-linguistic forms of trauma routinization. The novelty of the paper is determined by the comprehensive interdisciplinary approach that integrates two scientific concepts: cultural trauma and collective memory. The routinization of traumatic experience in oral narratives reflects the polarity of Spanish opinions regarding Franco's regime: they are largely conditioned by personal or family memories of the Francoist era. This is manifested through the use of both neutral vocabulary and evaluative linguistic units with opposing connotations. The Law of Democratic Memory of 2022, serving as a written, institutionalized form of routinization, casts Franco's regime in a completely negative light (evidenced, for example, by such lexical thematic groups as "Political Crimes", "Dictatorship" and "Fascism"), thereby actualizing the need for a transition to a politics of memory after decades of a politics of oblivion. The routinization of traumatic experience through symbolic memorial forms involves excluding all remaining objects of the past associated with the figure of the Caudillo from the socio-memorial framework of collective memory and creating new memorials dedicated to the Civil War, which is a crucial tragic milestone of the Francoist era. An analysis of the representation of cultural trauma in collective memory demonstrates how traumatic events shape long-term structures of public consciousness. Moreover, it indicates that the master narrative functions simultaneously as a means of representing past events and as a tool for their interpretation. A promising line of further research into this topic is the study of forms of trauma routinization in the collective memory of representatives of other linguistic cultures whose self-identification has been influenced by fascist ideologies.*

***Keywords:** Francoism, Francoist dictatorship, Spain, trauma discourse, linguistic representation of cultural trauma, collective memory of Spaniards, routinization of trauma, master narrative*

For citation: Gornostaeva Yu.A. Verbal and Non-Verbal Forms of Routinization of the Traumatic Experience of Francoism in Spanish Collective Memory. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 75–88. DOI: 10.37482/2687-1505-V501

Введение

Травматическая память способна передаваться из поколения в поколение, а опыт прошлых травм может вновь актуализироваться в настоящем, проявляясь через определенные формы коллективного поведения. Следы культурных травм прошлого находят отражение в общественно-политической жизни сегодня и становятся ключевым элементом коллективной идентичности. Для испанцев травмирующим событием, укоренившимся в коллективной памяти народа, стал период правления Франсиско Франко (1939–1975), а многие современные политические события воспринимаются через призму почти 40-летнего авторитарного режима каудильо.

Цель данного исследования – рассмотреть социально-мемориальный каркас коллективной памяти о франкизме, проанализировав процесс рутинизации культурной травмы в устных нарративах, письменных институционализированных и мемориально-символических формах, выявив ключевые травмирующие паттерны и узлы памяти, ставшие основой новой демократической коллективной идентичности испанцев.

Новизна работы обусловлена комплексным междисциплинарным исследовательским подходом, объединяющим две научные концепции – культурной травмы и коллективной памяти – и направленным на выявление разнообразных форм рутинизации травматического опыта, связанного с франкизмом, которые используются для конструирования социально-мемориального каркаса коллективной памяти испанцев.

Культурная травма и коллективная память в фокусе лингвистики

Культурная травма представляет собой сложный длительный социокультурный процесс, который перестраивает идентичность и коллективное восприятие истории за счет за-

крепления последствий травмы в нарративах и символах, формируя коллективную память. Травматическое историческое событие сохраняется в коллективной памяти, если влияет на определенный коллектив – целую нацию или социальное меньшинство [1, с. 43]. С точки зрения лингвистики культурная травма – это исторический опыт группы или общества, связанный с последствиями травмирующего события и репрезентированный в языке [2].

Память является социальной конструкцией, несущей в себе ценности и смысл произошедших событий [3], сохраняя из них лишь те, которые соответствуют текущим интересам и ценностям общества, поэтому конструирование памяти происходит только в процессе социализации индивида [3–6]: социальная группа формирует рамки памяти, в которых человек может осмысленно реконструировать прошлое [6].

Чтобы коллективная травма стала культурной, а историческая память – коллективной, обществу необходимо пройти несколько этапов признания факта нанесения травматического культурного ущерба: 1) осмысление – отнесение некоего события к категории травмирующих; 2) проговаривание – использование «языка травмы» и формирование господствующего нарратива; 3) рутинизация – манифестация и трансляция травматического опыта последующим поколениям через закрепление и отражение последствий травмирующего события в искусстве, средствах массовой информации, литературе, политике, законодательстве посредством культуuroобразующих институциональных пространств, к которым можно отнести следующие формы: устные (фольклор, нарративы, ксенонарративы), письменные (учебники, пособия, литературные произведения, статьи, дневники, законы, отчеты) и мемориально-символические (музеи, исследовательские центры, выставочные экспозиции, мемориалы, памят-

ники, традиции, ритуалы, празднования); 4) пересмотр идентичности – переосмысление коллективного прошлого, ведущее к появлению новых доминирующих структур и ценностей, посредством которых отвергается старая и конструируется новая коллективная и культурная идентичность народа, а память переходит из статуса исторической в статус коллективной. Так в обществе создается новый критический мотив – «дискурс травмы», который составляет социально-мемориальный каркас коллективной памяти и позже дополняется индивидуальными воспоминаниями [7–11].

Коллективная память поддерживает и создает предположение о постоянстве и непрерывности явлений, тем самым задавая горизонт, рамки и пространство возможного настоящего и будущего [12]. Травма и идентичность закреплены в коллективной памяти народа и передаются последующим поколениям при ее реконструировании.

В рамках настоящего исследования язык травмы понимается как особое языковое выражение психологических переживаний вследствие социально-значимого травмирующего события, конструирующее господствующий нарратив (*master narrative*) о травме [1]. Господствующий нарратив представляет собой сложное многозначное символическое пространство реконструирования коллективной памяти, в котором Дж. Александер выделяет следующие типы репрезентации: 1) природа боли (отражает суть травматического опыта); 2) природа жертвы (описывает группу людей, пострадавших от травмирующего события); 3) связь жертвы травмы с более широкой аудиторией (проявляется в степени единства членов травмированного общества с непосредственными жертвами травмирующего события); 4) возложение ответственности (описывает группу антагонистов, несущих ответственность за травмирующее событие) [7, с. 12–15]. Данные языковые аспекты служат продуктом символического и социального конструирования коллективной идентичности и памяти народа. Память о травматических событиях избирательна

и является результатом осознанного выбора общества, поэтому некоторые аспекты прошлого превращаются в памятный узел и становятся основой коллективной идентичности, а другие намеренно вытесняются. Важным механизмом закрепления травмы в общественном сознании является ее интеграция в официальные исторические нарративы и мемориально-символические формы – в школьные программы, литературу, искусство и публичные дискуссии [3].

Репрезентация культурной памяти в испанском языке изучена в ряде работ отечественных исследователей-испанистов. Так, выделяются лингвокогнитивные паттерны памяти в институциональном дискурсе власти, а публичная коммеморация рассматривается как часть государственной политики, направленной на актуализацию определенного исторического события в коллективной памяти [13]. Описывается языковая специфика культурно-исторической памяти испанцев (лингвокультурологические элементы, отражающие ключевые исторические события), рассматриваемая как фундаментальный компонент публичной репрезентации, благодаря которому индивид чувствует принадлежность к определенной социальной группе [14]. Гражданская война, которая привела к установлению режима Франко, является важнейшим событийным референтом, культурно-исторической вехой как в процессе публичной коммеморации, так и в рамках конструирования коллективной памяти испанцев.

Франкизм в Испании как культурная травма

Испания в 1930-е годы переживала глубокий политический кризис. Республиканский режим, установившийся после свержения монархии в 1931 году, столкнулся с политической поляризацией. 17 июля 1936 года группа офицеров организовала военный переворот против республиканского правительства, а 18 июля в стране началась гражданская война, во время которой сосуществовали две власти – республиканская и военно-националистическая [15–17]. По завершении гражданской войны к власти пришел Франсиско Франко, режим которого характеризовался антикоммунистиче-

ской направленностью, значительной ролью католической церкви, неприятием либеральной демократии, а также сочетанием консервативных ценностей с радикальной правой риторикой [15; 18].

Первые годы правления Ф. Франко отмечены репрессиями и борьбой с национальной и региональной идентичностью. Период с 1945 по 1960-е годы становится временем стабилизации и трансформации режима: внутренняя политика характеризуется экономическими реформами, направленными на либерализацию экономики [19, с. 287–288]. С 1950-х годов вводится новый политический курс, сближающий Испанию с западными государствами [20, с. 368–369].

Таким образом, с началом политики жестких репрессий и унификации страны народу Испании была нанесена глубокая культурная травма, теперь уже отражавшая не только события самой гражданской войны, но и ее последствия [21].

Сам факт нанесения культурной травмы в разные исторические периоды подвергался коллективному оспариванию и отрицанию [1, с. 38–39]. После смерти Ф. Франко восприятие памяти о гражданской войне и франкизме стало подстраиваться под идеологические установки правящей партии. Подобные «войны памяти» определяют испанские общественные настроения и значительную часть политического дискурса [22]. Так, демократический переход в конце 1970-х годов ознаменовался введением негласного запрета на обсуждение диктатуры [14], был принят Пакт о забвении (юридически закреплён в Законе об амнистии 1977 года¹), который помог предотвратить новые внутригосударственные конфликты. Закон об амнистии позволил виновным в политических преступлениях избежать преследования [18].

В начале XXI века возобновился интерес к восстановлению памяти, который поддерживался правящей на тот момент Испанской социалистической рабочей партией. Закон об исторической памяти 2007 года² открыл пространство для обсуждения событий гражданской войны и франкизма [14].

В 2022 году по инициативе председателя правительства Испании П. Санчеса был принят Закон о демократической памяти³, который, по мнению многих, использовался им как козырь в политической борьбе. Народная партия и партия «Вокс» выступали против законопроекта, настаивая на том, что он может усилить внутривластительное напряжение [22], а некоторые воспринимали его как фальсификацию истории [23].

Анализ форм рутинизации травматического опыта испанцев, связанного с франкизмом

Эмпирическое исследование посвящено анализу процесса рутинизации травматического опыта, связанного с франкизмом, в устных нарративах, в письменной институционализированной форме (на примере Закона о демократической памяти), а также в мемориально-символических формах. Выбор материала исследования обусловлен стремлением описать все формы рутинизации травмы – устные, письменные институционализированные и мемориально-символические. Последние хоть и не входят в пространство языкового реконструирования коллективной памяти, но отражают идеологически маркированные мировоззренческие паттерны, характерные для определенного периода развития государства и напрямую влияющие на процесс рутинизации.

Так, на первом этапе работы происходил сбор нарративных интервью на испанском языке

¹La Ley de amnistía. 1977. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1977-24937> (дата обращения: 26.10.2025).

²Ley de memoria histórica. 2007. URL: <https://cle.ens-lyon.fr/espagnol/civilisation/histoire-espagnole/guerre-civile-et-dictature/la-ley-de-memoria-historica> (дата обращения: 26.10.2025).

³Ley de Memoria Democrática. 2022. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2022/BOE-A-2022-17099-consolidado.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).

ке, в центре внимания которых находились личность Ф. Франко, его режим правления или события, происходившие в Испании в период его правления. Приоритет отдавался нарративам людей, которые жили в эпоху франкизма или слышали о нем в детстве от ближайших родственников. Все интервью взяты с видеохостинга YouTube⁴. Общая продолжительность анализируемого материала – 120 мин. Возраст респондентов – от 30 до 75 лет.

Установлено, что устная рутинизация находит воплощение в двух ключевых типах господствующих нарративов – в нарративах, где дается преимущественно негативная оценка событиям франкизма, а также в нарративах с нейтрально-положительной тональностью (табл. 1). Памятным узлом, превращающим травматический опыт в основу коллективной идентичности, становится гражданская война в Испании, с которой началась эпоха франкизма. Опосредованное переживание событий через воспоминания о родственниках, живших при режиме Франко, выстраивается на повествованиях о тяготах жизни семей респондентов. Сам политический режим характеризуется через описание запретов, которые вынуждены были соблюдать испанцы, чтобы не стать жертвами репрессий. Некоторые респонденты не хотят прямо отвечать на вопросы о режиме, прибегая к стратегии забвения, поскольку воспоминания

на данную тему вызывают у них негативные эмоции.

Часть респондентов выражает нейтральную или даже положительную оценку действиям Франко: они конструируют альтернативную картину реальности, в которой франкистский режим представлен как период стабильности и порядка, он противопоставляется другим политическим режимам и идеологиям – демократии и коммунизму, которые, в свою очередь, дискредитируются авторами нарративов.

На втором этапе в качестве письменного институционализированного источника было выбрано действующее испанское законодательство, связанное с франкистским режимом, а именно Закон о демократической памяти, изданный в 2022 году после длительной политики забвения (табл. 2). Анализ законодательного акта позволяет выявить ряд ключевых механизмов репрезентации травматического опыта. Так, природа боли объективируется посредством лексических единиц с семантикой физических и психических страданий, а также включения терминосистемы, описывающей политические преступления. Природа жертвы эксплицируется через номинацию социальных и политических групп, подвергшихся репрессиям (оппозиция, профсоюзы, региональные элиты, этнические меньшинства). Связь травмы с аудиторией конструируется на основе оппозиции «память vs забвение» для вовлечения общества в процесс исторической рефлексии.

⁴Интервью 1: ¿Qué saben los españoles sobre el Franco y el franquismo? 2019. URL: <https://youtu.be/3hsONPcLN2Y?si=Zk7FkAsEqqU-Owg6> (дата обращения: 20.02.2026); интервью 2: Señora franquista y exaltada. 2015. URL: https://youtu.be/zFS_FamZNoA?si=zefpbbpFqYdtXP1 (дата обращения: 20.02.2026); интервью 3: Entrevista: opinión sobre Franco y el Franquismo desde la visión de una mujer. 2015. URL: https://youtu.be/9WwR0PG4_OM?si=pRU1x1rp81PptCgG (дата обращения: 20.02.2026); интервью 4: Película con entrevistas. Franquismo. 2012. URL: https://youtu.be/n_36RASvpR4?si=fQebUokaTUlbGVmC (дата обращения: 20.02.2026); интервью 5: Entrevista sobre el Franquismo. 2014. URL: <https://youtu.be/cFwTwiZNUlg?si=Tra67JqZEYvYQpf> (дата обращения: 20.02.2026); интервью 6: Entrevista sobre el Franquismo. 2013. URL: <https://youtu.be/-YF4fcjue0E?si=8cvBA7BNBQBibdz> (дата обращения: 20.02.2026); интервью 7: Entrevista Guerra Civil Española Franquismo. 2020. URL: https://youtu.be/AHjRyziLXxU?si=VuYrcT_zyLcMWh8t (дата обращения: 20.02.2026); интервью 8: El padre de Jordi Wild explica cómo se vivía y se crió en una dictadura como la de Franco. 2021. URL: <https://youtu.be/4NIyKLjz5X4?si=YS9GD6HBPA0ZUDmH> (дата обращения: 20.02.2026); интервью 9: ¿Qu opinan los españoles sobre el campo? 2024. URL: https://youtu.be/LjgSvgPn5D0?si=a_YJhNe3uu0I1bK8 (дата обращения: 20.02.2026); интервью 10: Entrevista sobre el Franquismo. 2009. URL: <https://youtu.be/fvvCtI-IVDQ?si=stU1-1ASXKCVmivM> (дата обращения: 20.02.2026).

Таблица 1

Рутинизация травматического опыта франкизма в устных нарративах испанцев
Routinization of the traumatic experience related to Francoism in Spanish oral narratives

Аспект рутинизации	Примеры	Языковые репрезентанты
Стратегия забвения	<p><i>Muy mal porque me parece que no hay que remover la historia. <...> Muy mal. Hay que dejar a Franco y a todos los muertos en sus tumbas.</i> «Это очень плохо, потому что, я считаю, не нужно ворошить историю. <...> Это очень плохо, нужно оставить Франко и всех мертвых в их могилах» (интервью 1, при ответе на вопрос об эксгумации останков Франко из Долины Павших)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Отрицательная оценочная лексика, демонстрирующая отношение к эксгумации останков Франко: <i>muy mal</i> (очень плохо) и т. д. – Метафорические выражения с семантикой нежелания менять что-либо: <i>dejar en tumbas</i> (оставить в могилах), <i>remover la historia</i> (ворошить историю)
Отрицательная оценка франкизма	<p><i>Es que mucha gente dice con Franco se vivía bien. No se vivía bien. Si tú no te metías los días y los toros podría seguir al barrio chino de Barcelona podría sal al cine podías, pero no hablar de política.</i> «Многие люди говорят: “При Франко жилось хорошо”. Нет, хорошо не жилось. Если ты ни во что не вмешивался – да, мог жить. Мог пойти на корриду, мог пойти в “китайский квартал” Барселоны, мог сходить в кино. Но говорить о политике было нельзя» (интервью 2).</p> <p><i>Puedo decir directamente como me desperté el 18 de julio de 1936 fue precisamente un ruido espantoso que yo no había oído hasta ese momento jamás era unos cañonazos que procedían de un cuartel relativamente cerca de donde yo vivía yo vivía en Madrid soy madrileño y al despertarnos inmediatamente vi que mi padre se marchaba y fue impresionante verle cuando volvió que venía con un mono de color caqui y un fusil en su mano y va decía él a defender la república porque había habido un ataque, había habido un golpe de Estado.</i> «Я проснулся 18 июля 1936 года от ужасного шума, которого никогда раньше не слышал – это были пушечные выстрелы, доносившиеся от полигона, находившегося относительно недалеко от моего дома. Я жил в Мадриде. Когда мы проснулись, я сразу увидел, как мой отец уходил. Я был поражен, когда он вернулся – он был одет в темно-зеленую форму и держал в руках винтовку, и он говорил, что идет защищать республику, потому что произошел государственный переворот» (интервью 3).</p> <p><i>Mi abuelo, por ejemplo, que vivía en una zona republicana, pues en Yátova pues allí lo que se vivió mucho era que era gente encarcelada por ser republicano. <...> El día que murió Franco nos dieron fiesta.</i> «Например, мой дедушка жил в республиканской зоне, в Ятова, и там часто происходили аресты людей просто за то, что они были республиканцами. <...> В день смерти Франко нам устроили праздник» (интервью 6)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Негативные оценочные языковые единицы при описании франкизма, нередко гиперболизированные: <i>muy muy mal</i> (очень плохо), <i>hasta tal punto</i> (до такой степени), <i>situación tan insostenible</i> (ситуация настолько невыносимая), автокоррекция с лексическим повтором: <i>...se vivía bien. No se vivía bien...</i> – Выражение природы боли посредством лексических единиц из ЛПГ «Политические репрессии» при описании специфики франкистского режима: <i>no hablar de política</i> (не говорить о политике), <i>no meterse</i> (никуда не лезть), <i>fusilamientos</i> (расстрелы), <i>encarcelada</i> (арестованная), <i>captar</i> (поймать). – Описание реалий жизни страны, погруженной в гражданскую войну: <i>golpe de estado</i> (государственный переворот), <i>cañonazo</i> (пушечный выстрел), <i>fusil</i> (винтовка), <i>ser evacuado</i> (быть эвакуированным), <i>se escapaba</i> (сбежал), <i>intentando mantener la familia</i> (попытка прокормить семью в тяжелое время), <i>no tenían comida</i> (у них не было еды), <i>les quitaban parte de la cosecha</i> (у них забирали часть урожая). – Эмотивы, указывающие на эмоцию страха: <i>espantoso</i> (ужасный), <i>terrible</i> (ужасно). – Лексика, актуализирующая идею о том, что события франкизма невозможно забыть, и подтверждающая их высокую значимость: глагол <i>olvidar</i> (забыть) в сочетании с наречием <i>imposible</i>, гиперболизированные обобщения <i>todo el mundo</i> (абсолютно все) и <i>todos</i> (все) в сочетании с глаголом <i>hablar</i> (говорить) при упоминании войны. – Указание на связь жертвы травмы с более широкой аудиторией – рассказы о семьях респондентов, переживших ужасы гражданской войны и франкизма, которые вербализованы ЛПГ «Семья»: <i>padre</i> (отец), <i>abuelo</i> (дедушка), <i>tío</i> (дядя), <i>hijos</i> (дети), <i>familia</i> (семья)

Аспект рутинизации	Примеры	Языковые репрезентанты
<p>Нейтральная или положительная оценка франкизма</p>	<p><i>Pero el día 5 de mayo de ese mismo año empezaron a arder en Madrid todas las iglesias y conventos. Empezaron a quemar iglesias, a matar curas. Entonces era una situación tan insostenible, piensa que llegaron a matar cerca de 7.000. Entonces, claro, tenía que alguien dar un golpe de estado.</i> «5 мая того же года в Мадриде начали гореть все церкви и монастыри. Начали сжигать церкви, убивать священников. Ситуация стала настолько невыносимой... Представь, что было убито около 7000 человек. Тогда, конечно, кто-то должен был совершить государственный переворот» (интервью 5).</p> <p><i>Pero yo sé que antiguamente se podía dejar la casa abierta y ahora no se puede dejar.</i> «...» <i>Yo nunca lo puedo criticar ni a favor porque no he vivido, pero sé que hay gente que dice que ha vivido muy bien esa época y gente que totalmente opuesta que dice que ha vivido supermal.</i> «Но я знаю, что раньше можно было оставлять дверь дома открытой, а сейчас уже нельзя. «...» Я не могу его ни критиковать, ни поддерживать, потому что я этого не пережил. Но я знаю, что есть люди, которые говорят, что жили тогда очень хорошо, а есть и совершенно противоположные, которые говорят, что тогда жили суперплохо» (интервью 8).</p> <p><i>Por ejemplo por mi familia sí que era bueno o sea que yo vivía entonces mejor que vivo.</i> «...» <i>Era pues los ricos vivían bien los intermediarios también y luego los pobres trabajando con los ricos, pero se vivía bien.</i> «Например, для моей семьи он был хорошим. Я тогда жила лучше, чем живу сейчас. «...» Ну, богатые жили хорошо, зажиточные тоже, а бедные работали на богатых, но все равно жилось хорошо» (интервью 9).</p> <p><i>Franco encontró una España destruida, deshecha, llena de piojos, llena de cadáveres, saqueada miserablemente por el comunismo y la masonería y nos dejó una España maravillosa, una España arriba una patria limpia llena de alegría. Y nos lo han destruido normal dejan llena de terrorismo, de miseria de anarquía. Están destrozando todo. Los impuestos nos destruyen. Nos dais atentado. ¡Defendamos a España! ¡Defendamos nuestro caudillo! que sacrificó su vida por la patria.</i> «Франко принял Испанию разрушенной, разваленной, полной вшей, заваленной трупами, позорно разграбленной коммунизмом и масонством, а оставил нам чудесную Испанию – возрожденную, чистую Родину, полную радости. И все это нам разрушили. Теперь все погрузилось в терроризм, нищету, анархию. Они уничтожают все. Налоги нас разоряют. Вы нам устраиваете теракты. Защитим Испанию! Защитим нашего каудильо! Он пожертвовал своей жизнью ради Родины!» (интервью 10)</p>	<p>– Прием антитезы при сравнении франкистской, более благополучной (со слов респондентов) эпохи с настоящим: <i>ahora</i> (сейчас) – <i>antes</i> (раньше), <i>ahora</i> (сейчас) – <i>entonces</i> (тогда), <i>no se puede dejar</i> (нельзя оставить открытой) – <i>se podía dejar la puerta abierta</i> (можно было оставить дверь открытой); сравнительные конструкции <i>vivía mejor que vivo</i> (жила лучше, чем живу), <i>no había tanto delincuente como hay ahora</i> (не было столько преступности, как сейчас); на уровне грамматики противопоставление Pretérito Imperfecto и Presente.</p> <p>– Выражение нейтрального отношения упоминанием различных мнений о франкизме: <i>criticar</i> (критиковать) – <i>a favor</i> (поддерживать), <i>supermal</i> (суперплохо) – <i>muy bien</i> (очень хорошо).</p> <p>– Описание преступлений, которые совершали оппоненты Франко – республиканцы, дискредитирующее их и одновременно легитимирующее действия самого каудильо: <i>quemar iglesias</i> (сжигать церкви), <i>matar curas</i> (убивать священников), <i>los rojos se portaron muy mal con la gente</i> (красные вели себя очень плохо с людьми), <i>muchas calamidades</i> (множество бедствий), <i>muchas injusticias</i> (много несправедливости), <i>le dieron una paliza perdida</i> (его (священника) избили до полусмерти).</p> <p>– Выражение необходимости государственного переворота глагольной перифразой <i>tener que</i> (должен был).</p> <p>– Положительная оценка франкизма при помощи соответствующих языковых единиц: <i>Franco me ha gustado</i> (Франко мне нравился), <i>se vivía muy bien</i> (жилось очень хорошо), <i>vida llena de alegría</i> (жизнь, полная радости), <i>maravillosa</i> (чудесная), <i>arriba</i> (возрожденная), <i>limpia</i> (чистая).</p> <p>– Актуализация эмоций грусти и сожаления по поводу смерти Франко: <i>murió en una habitación miserable</i> (умер в жалкой палате), <i>sacrificó su vida</i> (пожертвовал своей жизнью).</p> <p>– Использование негативных языковых единиц для описания жизни при демократии: <i>terrorismo</i> (терроризм), <i>miseria</i> (нищета), <i>anarquía</i> (анархия).</p> <p>– Оппозиция «свой-чужой»: <i>nos dais atentado</i> (вы нам устраиваете теракты), <i>están destrozando todo</i> (они все уничтожают), <i>nos están arruinando</i> (они нас разрушают).</p> <p>– Аппелляция к ценности патриотизма, побуждение к действиям при помощи лозунгов: <i>¡defendamos a España!</i> (защитим Испанию!), <i>¡defendamos nuestro caudillo!</i> (защитим нашего каудильо!), <i>¡vencimos y venceremos!</i> (мы победили и победим!)</p>

Примечание: ЛТГ – здесь и в табл. 2 лексико-тематическая группа.

Таблица 2

Рутинизация травматического опыта франкизма в Законе о демократической памяти
(*Ley de Memoria Democrática*, 2022)

Routinization of the traumatic experience of Francoism in the Law of Democratic Memory
(*Ley de Memoria Democrática*, 2022)

Тип репрезентации	Примеры	Языковые репрезентанты
Природа боли	<p><i>Las graves y profundas heridas que había sufrido la sociedad española durante la guerra y los cuarenta años de dictadura franquista.</i> «Серьезные и глубокие раны, которые были нанесены испанскому обществу во время войны и сорока лет франкистской диктатуры».</p> <p><i>La justa demanda de verdad que reivindican los afectados por la polio, efectos tardíos de la polio y post-polio, que sufrieron las consecuencias de decisiones, carentes de cualquier mecanismo de transparencia o control social y democrático, de un régimen dictatorial que tenía el deber legal de actuación y las competencias necesarias para hacer frente a la pandemia de la poliomieltis.</i> «Пострадавшие от полиомиелита и его запоздалых последствий в виде постполиомиелитического синдрома справедливо требуют правды, ведь они стали жертвами последствий решений, которые принимались в условиях отсутствия прозрачности и общественного и демократического контроля диктаторским режимом, у которого была законная власть и все необходимые компетенции, чтобы оказать сопротивление пандемии полиомиелита»</p>	Лексика с семантикой душевных и физических страданий: <i>graves y profundas heridas</i> (серьезные и глубокие раны), <i>víctimas</i> (жертвы), <i>grandes sacrificios</i> (жертвоприношение), <i>tortura</i> (мучение), <i>sufrir</i> (страдать), <i>malos tratos</i> (плохое обращение), <i>maltrato de niños y niñas</i> (плохое обращение с детьми), <i>familias destrozadas y arruinadas</i> (сломенные и разрушенные семьи), <i>madres con sentimientos de culpabilidad</i> (матери с чувством вины), <i>secuelas físicas</i> (физические следы), <i>post-polio</i> (постполиомиелитический синдром) и др.
	<p><i>En España se produjeron de manera sistemática desapariciones forzadas, ejecuciones extrajudiciales, detenciones arbitrarias, políticas de campos de concentración, trabajos forzados, torturas, violaciones.</i> «В Испании люди систематически вынужденно исчезали, происходили внесудебные казни, произвольные аресты, проводилась политика концлагерей, принудительных работ, пыток и насилия»</p>	Лексика с семантикой жестокости и лексики из ЛТГ «Политические преступления»: <i>violencia</i> (жестокость), <i>terror</i> (террор), <i>violación</i> (насилие), <i>secuestro masivo de recién nacidos</i> (повсеместное похищение новорожденных), <i>gravísimos crímenes</i> (тяжелейшие преступления), <i>detenciones arbitrarias</i> (произвольные аресты), <i>desapariciones forzadas</i> (вынужденные исчезновения), <i>trabajos forzados</i> (принудительные работы), <i>encarcelar</i> (арестовать)
Природа жертвы	<p><i>Durante la posterior dictadura franquista se estableció un sistema político autoritario que reprimió masivamente todo atisbo de oposición política de manera sistemática y generalizada.</i> «В последующий период франкистской диктатуры установилась авторитарная политическая система, которая проводила массовые репрессии в отношении любых проявлений политической оппозиции»</p>	Наименования групп, пострадавших от франкизма: <i>sindicatos</i> (синдикаты), <i>instituciones de autogobierno catalanas y vasca</i> (органы самоуправления каталонцев и басков), <i>corporaciones locales</i> (местные корпорации), <i>minorías étnicas</i> (этнические меньшинства), <i>asociaciones feministas de mujeres</i> (женские феминистские ассоциации), <i>instituciones educativas</i> (образовательные учреждения), <i>agrupaciones culturales</i> (культурные объединения), <i>oposición política</i> (политическая оппозиция)

Тип репрезентации	Примеры	Языковые репрезентанты
Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией	<p><i>La historia no puede construirse desde el olvido y el silenciamiento de los vencidos. La sociedad española tiene un deber de memoria.</i> «История не может строиться на забвении и замалчивании побежденных. Испанское общество обязано помнить».</p> <p><i>Recuerdo a cerca de medio millón de compatriotas que tuvieron que tomar el camino del exilio como consecuencia de la guerra y la dictadura franquista.</i> «Воспоминание о полумиллионе соотечественников, которые вынуждены были встать на путь изгнания как следствие войны и франкистской диктатуры»</p>	Лексика из ЛТГ «Память и забвение»: <i>memoria</i> (память), <i>olvido</i> (забвение), <i>silenciamiento</i> (замалчивание), <i>recuerdo</i> (воспоминание), <i>memorial</i> (мемориал) и др.
Возложение ответственности	<p><i>Dictador Francisco Franco.</i> «Диктатор Франсиско Франко».</p> <p><i>Las personas represaliadas o perseguidas por el uso o difusión de su lengua propia.</i> «Людей репрессировали и преследовали из-за того, что они использовали свой язык»</p>	Лексика из ЛТГ «Диктатура» в сочетании с именем каудильо: <i>dictador</i> (диктатор), <i>dictadura franquista</i> (франкистская диктатура), <i>totalitarismo</i> (тоталитаризм), <i>político autoritario</i> (авторитарный политик), <i>reprimió masivamente</i> (проводил массовые репрессии), <i>deportación</i> (депортация), <i>exilio</i> (изгнание), <i>represalias</i> (репрессии)
	<p><i>El régimen franquista siguiendo la ideología de pureza racial, posteriormente se manifestaría en una forma de represión ideológica, moral, religiosa y de género.</i> «Франкистский режим, следуя идеологии расовой чистоты, впоследствии проявился в форме идеологических, моральных, религиозных и гендерных репрессий».</p> <p><i>Secuestro masivo de recién nacidos bajo una política de inspiración eugenésica.</i> «Массовые похищения новорожденных в рамках политики, вдохновленной евгениками»</p>	Лексика из ЛТГ «Фашизм»: <i>inspiración eugenésica</i> (вдохновленные евгениками), <i>campos de concentración</i> (концлагеря), <i>nazis</i> (нацисты), <i>fascismo</i> (фашизм), <i>nazismo</i> (нацизм), <i>ideología de pureza racial</i> (идеология расовой чистоты) и др.

Возложение ответственности реализуется путем прямой атрибуции вины диктаторскому режиму (персонифицированному в образе Ф. Франко), что подкрепляется использованием лексики с семантикой тоталитаризма и проведением исторических параллелей с дискурсами фашизма и нацизма.

На третьем этапе проанализированы мемориально-символические формы рутинизации травматического опыта. Предполагается, что модус обосновывающего воспоминания материализуется в определенном пространстве – «месте памяти», а объектные источники проявления коллективной памяти служат материальным пространством манифестации культурообразующих

событий народа [5; 24–26]. Сейчас уничтожаются все мемориально-символические формы, хранящие память о франкизме (рис. 1).

Останки Франко эксгумированы в 2019 году из Долины Павших (рис. 2) и перезахоронены на кладбище Мингоррубио. Долина Павших – это построенный по приказу самого Франко мемориальный комплекс, служащий местом захоронения участников гражданской войны, как франкистов, так и республиканцев. Власти создают новые места памяти, миссией которых является разоблачение преступлений франкизма и увековечивание памяти жертв (например, *Museo Virtual de la Guerra Civil Española*).

Рис. 1. Снос последнего в Испании памятника Франсиско Франко

Fig. 1. The last monument to Francisco Franco in Spain being torn down

Рис. 2. Долина Павших в Испании

Fig. 2. The Valley of the Fallen in Spain

В 2020 году суд Испании обязал потомков Франко передать государству летний дворец Пасо-де-Мейрас, который был получен ими по наследству. Недавно инициирован процесс закрытия Национального фонда имени Франко.

Подобные действия отражают текущую идеологическую повестку – переход от политики забвения к политике памяти: власти больше не хотят замалчивать события гражданской войны и франкизма и соблюдать формальные договоренности, закрепленные в Пакте о забвении. На

фоне решительных действий, направленных на уничтожение франкистского наследия, конструируется новый господствующий нарратив.

Заключение

Исследование травмы на уровне коллективной памяти и идентичности демонстрирует, как травматические события формируют долговременные структуры общественного сознания. В этом контексте господствующий нарратив играет ключевую роль, выступая не только способом репрезентации событий, но и инструментом их осмысления.

При помощи языка травмы в господствующем нарративе репрезентация прошлого представляет собой не просто нейтральное или документальное воспоминание, она является символической реконструкцией, в которой события интерпретируются, переосмысляются и эмоционально окрашиваются в зависимости от актуальных потребностей говорящего, а впоследствии закрепляются в коллективной памяти народа в процессе рутинизации. Актеры коллективной памяти создают упорядоченную картину мира, где их позиция представляется морально оправданной и исторически обоснованной.

Устные формы рутинизации изученной культурной травмы отражают неоднозначную, основанную на личном или семейном опыте оценку событий, а письменные институционализованные формы содержат исключительно негативную репрезентацию режима и актуализируют идею о необходимости перехода к политике памяти после многолетнего курса забвения. При рутинизации травматического опыта в символических мемориальных формах наблюдается исключение всех сохранившихся предметов культуры прошлого, связанных с личностью каудильо, из социально-мемориального каркаса коллективной памяти испанцев. Вместе с тем коммеморация проявляется в новых символических формах, увековечивающих воспоминания о жертвах гражданской войны, которая выступает важным узлом в коллективной памяти о франкизме.

Доминирующий нарратив о франкизме обнажает травмирующие паттерны, ставшие основой новой испанской коллективной идентичности, строящейся на демократических ценностях свободы, равенства, гласности и многопартийности. Перспективен анализ форм рутинизации травматического опыта в коллективной памяти представителей других лингвокультур, на самоидентификацию которых оказали влияние фашистские идеологии.

Список литературы

1. *Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 31–59. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0002>*
2. Горностаева Ю.А. Языковые маркеры культурной травмы в нарративах социальных страданий (на материале нарративов мексиканцев об испанской конкисте) // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология, теория языка, яз. образование. 2023. № 3(51). С. 130–146. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.11>
3. *Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity // New Ger. Crit. 1995. № 65. P. 125–133. <https://doi.org/10.2307/488538>*
4. *Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 368 с.*
5. *Šubr J., Pfeiferová Š. Kolektivní paměť jako předmět historicko-sociologického bádání // Historická sociologie. 2010. Vol. 2. P. 9–29. <https://doi.org/10.14712/23363525.2017.62>*
6. *Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 346 с.*
7. *Alexander J.C. Toward a Theory of Cultural Trauma // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 1–30. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0001>*
8. *Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 316 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488788>*
9. *Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 60–111. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0003>*
10. *Шагоян Г.А. Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сиб. ист. исслед. 2021. № 2. С. 73–98. <https://doi.org/10.17223/2312461X/32/4>*
11. *Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2020. 664 с.*
12. *Giesen B. The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 112–154. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0004>*
13. *Раевская М.М. Коммеморация в дискурсе современного испанского монарха: языковая объективация и коммуникативно-прагматический контекст // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2025. Т. 28, № 3. С. 120–136. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-7>*
14. *Балан Е.Г. Языковая репрезентация культурно-исторической памяти в концептосфере испанского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. 152 с.*
15. *Алексеева Т.А. Диктатура Франко: становление и своеобразие последующей революции // Государство и право. 2008. № 11. С. 87–97.*
16. *García de las Heras González M. La impunidad de la dictadura franquista: Notas sobre la represión y la memoria histórica en la España democrática // Reflexión Política. 2019. Vol. 21, № 43. P. 36–48. <https://doi.org/10.29375/01240781.3707>*
17. *Sánchez Recio G. Dictadura franquista e historiografía del franquismo // Bull. Hist. Contemp. Esp. 2017. № 52. P. 71–82. <https://doi.org/10.4000/bhce.308>*

18. Хенкин С.М. Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобал. трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 4. С. 72–87. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87>
19. Кузина Н.А. Каталонская культура: проблемы сохранения идентичности в период диктатуры Франсиско Франко // Латиноамер. ист. альм. 2020. № 28. С. 285–299.
20. Филатов Г.А. Эволюция образа Франсиско Франко в испанских киноновостях «No-Do» // Науч. диалог. 2015. № 12(48). С. 363–373.
21. Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: Алгоритм, 2014. 350 с.
22. Гранцева Е.О. Закон о демократической памяти в Испании: попытка консолидации или новая фаза конфликта? // Латиноамер. ист. альм. 2022. № 36. С. 76–111. <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2022-36-1-76-111>
23. Пейн С.Дж. Франко: исторический профиль. М.: Тотенбург, 2024. 326 с.
24. Головашина О.В. Исторический факт как место памяти: П. Нора и исследования локального прошлого // Tempus et Memoria. 2022. Т. 3, № 2. С. 6–12. <https://doi.org/10.15826/tetm.2022.3.032>
25. Mussatayeva F., Yermagambetova K.S. The Concept of “Places of Memory” by Pierre Nora: Practices of Commemoration // J. Philos. Cult. Polit. Sci. 2022. Vol. 80, № 2. P. 92–101. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2022.v80.i2.09>
26. Дмитриева О.О., Туманова М.М., Широков О.Н. «Место памяти/lieux de memoire» как механизм сохранения исторической памяти общества // Ист. поиск. 2023. Т. 4, № 2. С. 73–81. <https://doi.org/10.47026/2712-9454-2023-4-2-73-81>

References

1. Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, 2004, pp. 31–59. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0002>
2. Gornostaeva Yu.A. Linguistic Markers of Cultural Trauma in Social Suffering Narratives (Based on Mexican Narratives About the Spanish Conquest). *MCU J. Philol. Theory Linguist. Linguist. Educ.*, 2023, no. 3, pp. 130–146 (in Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.11>
3. Assmann J., Czaplicka J. Collective Memory and Cultural Identity. *New Ger. Crit.*, 1995, no. 65, pp. 125–133. <https://doi.org/10.2307/488538>
4. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich, 1992. 344 p. (Russ. ed.: Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow, 2004. 368 p.).
5. Šubrt J., Pfeiferová Š. Kolektivní paměť jako předmět historicko-sociologického bádání. *Historická sociologie*, 2010, vol. 2, pp. 9–29. <https://doi.org/10.14712/23363525.2017.62>
6. Halbwachs M. *Les cadres sociaux de la memoire*. Paris, 1994. 367 p. (Russ. ed.: Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati*. Moscow, 2007. 346 p.).
7. Alexander J.C. Toward a Theory of Cultural Trauma. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, 2004, pp. 1–30. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0001>
8. Eyerman R. *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge, 2001. 316 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488788>
9. Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, 2004, pp. 60–111. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0003>
10. Shagoyan G.A. Kul'turnaya vs kollektivnaya travma: memorializatsiya sovetских repressiy v postsovetской Armenii po modeli pamyati o genotside [Cultural vs. Collective Trauma: The Memorialization of Soviet Repression in Post-Soviet Armenia Modeled on Genocide Remembrance]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2021, no. 2, pp. 73–98. <https://doi.org/10.17223/2312461X/32/4>
11. Sztompka P. *Socjologia. Analiza społeczeństwa*. Kraków, 2002. 653 p. (Russ. ed.: Shtompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva*. Moscow, 2020. 664 p.).
12. Giesen B. The Trauma of Perpetrators: The Holocaust as the Traumatic Reference of German National Identity. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, 2004, pp. 112–154. <https://doi.org/10.1525/california/9780520235946.003.0004>

13. Raevskaya M.M. Commemorative Practices of the Modern Spanish Monarchy: Linguistic Objectification and Communicative-Pragmatic Context in Felipe VI's Speeches. *Lomonosov Linguist. Intercult. Commun. J.*, 2025, vol. 28, no. 3, pp. 120–136 (in Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-7>

14. Balan E.G. *Yazykovaya reprezentatsiya kul'turno-istoricheskoy pamyati v kontseptsfere ispanskogo yazyka* [Linguistic Representation of Cultural and Historical Memory in the Conceptual Sphere of the Spanish Language: Diss.]. Moscow, 2023. 152 p.

15. Alekseeva T.A. Diktatura Franko: stanovlenie i svoeobrazie posleduyushchey revolyutsii [Franco's Dictatorship: Its Formation and the Subsequent Revolution]. *Gosudarstvo i pravo*, 2008, no. 11, pp. 87–97.

16. García de las Heras González M. La impunidad de la dictadura franquista: Notas sobre la represión y la memoria histórica en la España democrática. *Reflexión Política*, 2019, vol. 21, no. 43, pp. 36–48. <https://doi.org/10.29375/01240781.3707>

17. Sánchez Recio G. Dictadura franquista e historiografía del franquismo. *Bull. Hist. Contemp. Esp.*, 2017, no. 52, pp. 71–82. <https://doi.org/10.4000/bhce.308>

18. Khenkin S.M. Spain: Controversy Around Historical Memory. *Outl. Glob. Transform. Politics Econ. Law*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 72–87 (in Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-4-72-87>

19. Kuzina N.A. Katalonskaya kul'tura: problemy sokhraneniya identichnosti v period diktatury Fransisko Franko [Catalan Culture: Problems of Identity Preservation During the Dictatorship of Francisco Franco]. *Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh*, 2020, no. 28, pp. 285–299.

20. Filatov G.A. Evolyutsiya obraza Fransisko Franko v ispanskikh kinonovostyakh “No-Do” [Evolution of Francisco Franco Image in Spain “No-Do” Cinema Newsreels]. *Nauchnyy dialog*, 2015, no. 12, pp. 363–373.

21. Pozharskaya S.P. *Fransisko Franko i ego vremya* [Francisco Franco and His Time]. Moscow, 2014. 350 p.

22. Grantseva E.O. Zakon o demokraticheskoy pamyati v Ispanii: popytka konsolidatsii ili novaya faza konflikta? [The Law of Democratic Memory in Spain: An Attempt at Consolidation or a New Phase of Conflict?]. *Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manakh*, 2022, no. 36, pp. 76–111. <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2022-36-1-76-111>

23. Payne S.G. *Franco: El perfil de la historia*. Madrid, 1992. 276 p. (Russ. ed.: Peyn S.Dzh. *Franko: istoricheskiy profil*). Moscow, 2024. 326 p.).

24. Golovashina O.V. Istoricheskiy fakt kak mesto pamyati: P. Nora i issledovaniya lokal'nogo proshlogo [Historical Fact as a Place of Memory: P. Nora and Research into the Local Past]. *Tempus et Memoria*, 2022, vol. 3, no. 2, pp. 6–12. <https://doi.org/10.15826/tetm.2022.3.032>

25. Musatayeva F.M., Yermagambetova K.S. The Concept of “Places of Memory” by Pierre Nora: Practices of Commemoration. *J. Philos. Cult. Polit. Sci.*, 2022, vol. 80, no. 2, pp. 92–101 (in Russ.). <https://doi.org/10.26577/jpcp.2022.v80.i2.09>

26. Dmitrieva O.O., Tumanova M.M., Shirokov O.N. “Mesto pamyati/lieux de memoire” kak mekhanizm sokhraneniya istoricheskoy pamyati obshchestva [“Memory Spaces/lieux de memoire” as a Mechanism for Preserving the Historical Memory of a Society]. *Istoricheskiy poisk*, 2023, vol. 4, no. 2, pp. 73–81. <https://doi.org/10.47026/2712-9454-2023-4-2-73-81>

Информация об авторе

Ю.А. Горностаева – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета (адрес: 660018, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 82а).

Information about the author

Yuliya A. Gornostaeva, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of the Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (address: prosp. Svobodnyy 82a, Krasnoyarsk, 660018, Russia).

Поступила в редакцию 11.08.2025

Одобрена после рецензирования 19.12.2025

Принята к публикации 22.12.2025

Submitted 11 August 2025

Approved after reviewing 19 December 2025

Accepted for publication 22 December 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 89–100.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 89–100.

Научная статья
УДК 81'42(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V502

Конститутивные признаки драматургичности дискурса

Наталья Николаевна Белошицкая

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: n.beloshickay@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0899-1828>

Аннотация. Объектом настоящего исследования выступает феномен драматургичности дискурса. Моделирование дискурса с позиции драматургичности является одним из способов исследования его структуры. Предлагаются широкий и узкий подходы к определению понятия «драматургичность дискурса». В широком смысле это – исполнение социальных ролей, заданных структурой социальных отношений, в узком – стратегическое выстраивание речевого поведения, сохранение и коррекция субъектом дискурса своего социального лица. Цель настоящей работы – выявление основных конститутивных признаков феномена драматургичности дискурса. В качестве базового метода исследования использовался содержательный анализ существующих подходов к изучению постановочности и драматургичности речевого поведения, коммуникативной самопрезентации и самовыражения, презентационности дискурса, неискренности как коммуникативного концепта, а также непрямой коммуникации. Для иллюстрации теоретических изысканий использованы дискурсивные отрывки из художественных произведений. Отбор языкового материала осуществлялся с помощью лексем, номинирующих речевой жанр или манеру исполнения речевого действия. Источник языкового материала – Национальный корпус русского языка. В результате исследования были выявлены следующие конститутивные признаки феномена драматургичности дискурса: интересубъективное признание существования кодекса доверия; определение жанрового характера коммуникативной ситуации; профилирование концептуальной оппозиции «искренность–неискренность»; градуальность драматургичности; агентивность субъекта; перформативность. Модель анализа драматургичности дискурса синтезирует инструментарий прагмалингвистических, когнитивных и социолингвистических концепций. Научная ценность и теоретическая значимость исследования заключаются в уточнении понятия «драматургичность дискурса» на примере драматургичности конструирования обиходного дискурса, в выявлении оснований для построения типологии драматургичности и классификации индикаторов драматургичности. С опорой на указанные выше признаки рассматриваемого феномена предлагается построение типологии драматургичности обиходного дискурса с выделением следующих типов: диффузная и акцентированная драматургичность; спонтанная и предварительно подготовленная драматургичность. Выявление индикаторов драматургичности происходит с помощью лингвопрагматического и дискурс-анализа стратегической реализации драматургичности конструирования социальных интеракций.

© Белошицкая Н.Н., 2026

Белошицкая Н.Н.

Конститутивные признаки драматургичности дискурса

Ключевые слова: драматургичность дискурса, самопрезентация, самокоррекция, управление впечатлением, акцентированная драматургичность, индикатор драматургичности, тональность

Для цитирования: Белошицкая, Н. Н. Конститутивные признаки драматургичности дискурса / Н. Н. Белошицкая // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 89-100. DOI: 10.37482/2687-1505-V502

Original article

The Constitutive Features of Discourse Dramaturgy

Nataliya N. Beloshitskaya

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
e-mail: n.beloshickay@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0899-1828>

Abstract. The phenomenon of discourse dramaturgy is the object of this research. Discourse modelling from the perspective of dramaturgy is one of the ways to examine the structure of discourse. This article presents a broad and a narrow approach to defining discourse dramaturgy. In a broad sense, it is the performance of social roles, which are determined by the structure of social relations. The narrow approach views discourse dramaturgy as a strategic planning of speech behaviour, maintenance and correction of one's social persona. This research aims at revealing the main constitutive features of discourse dramaturgy. The key scientific method employed is the content analysis of studies on the dramaturgy of speech behaviour, communicative self-presentation and self-expression, presentative dimension of discourse, insincerity as a communicative concept, and indirect communication. The theoretical findings are illustrated by discourse excerpts from works of fiction found in the National Corpus of the Russian Language. They were selected using words naming speech genres or the way of performing a speech act. As a result, the following constitutive features of discourse dramaturgy were identified: intersubjective admission of the code of trust; determination of the genre of the communicative situation; profiling of the conceptual opposition between sincerity and insincerity; gradual character of dramaturgy; agency of the subject; performativity. The model of discourse dramaturgy analysis synthesizes the methodological tools of pragmalinguistics as well as cognitive and sociolinguistic studies. The scientific value and theoretical significance of this research lie in clarifying the notion of discourse dramaturgy using the example of the dramaturgy of everyday discourse as well as in determining the foundations of discourse dramaturgy typology and classification of dramaturgy indicators. The identified constitutive features allow us to distinguish the following types of everyday discourse dramaturgy: diffuse and accented dramaturgy; spontaneous and pre-designed dramaturgy. Discourse dramaturgy indicators are determined by means of linguopragmatic analysis and discourse analysis of the strategic implementation of the dramaturgy of social interactions.

Keywords: *discourse dramaturgy, self-presentation, self-correction, impression management, accented dramaturgy, dramaturgy indicator, tonality*

For citation: Beloshitskaya N.N. The Constitutive Features of Discourse Dramaturgy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 89–100. DOI: 10.37482/2687-1505-V502

Методологическим основанием лингвистического анализа феномена драматургичности дискурса служат презентационная теория дискурса, разработанная А.В. Оляничем [1], подход В.И. Карасика к исследованию дискурсивного проявления личности [2–4], изучение неискреннего дискурса (С.Н. Плотникова [5]) и не прямой коммуникации (В.В. Дементьев [6]). По мнению В.И. Карасика, «драматургическое осуществление общения представляет собой одну из ипостасей любого социального действия» [3, с. 143]. Постановочность коммуникативного поведения получила осмысление в обиходном и бытийном дискурсах. Проиллюстрируем этот тезис следующей рефлексией субъекта в бытийном дискурсе:

Я научился читать людей. Распознавать чуть не с первого жеста высокомерие визитера, привыкшего дверь открывать ногой. Растерянность и нервность просителя, который стремится произвести благоприятное впечатление. Я видел нарочитую скромность и нарочитую самоуверенность. Желание сохранить лицо при драматических обстоятельствах. <...>. Маску усталого безразличия, напаянную на себя игроком. (Л. Зорин).

Однако феномен драматургичности как аспект дискурса не подвергался лингвистическому осмыслению. Выделение данного феномена в качестве объекта исследования обусловлено его эвристическим потенциалом для описания структуры дискурса, объяснения стратегичности речевого поведения субъектов в широком социокультурном контексте, изучения «социальности как мира ролевого функционирования» [7, с. 56].

Разграничим понятия «театральность», «презентационность», «постановочность речевого поведения» и «драматургичность дискурса». Следует отметить, что исследование театральности бытия как лингвосомиотической категории, базовой для изучения драматургичности, имеет место в рамках теории презентационного дискурса [1]. А.В. Олянич пишет: «...театральность – это обязательное присутствие маски в конкретной ситуации общения» [1, с. 156].

По мнению ученого, алгоритм транспонирования смыслов, т. е. презентационная сущность коммуникации, складывается из ряда прагматических параметров, в число которых входит и презентационность в виде театральности [1, с. 66]. Семиотика коммуникации подразумевает исполнение субъектом роли, конструирование имиджа, трансляцию образа. Постановочность коммуникативного поведения субъекта в этом случае определяется как профилирование концептуальной антиномии «искренность–неискренность». Театральность понимается нами как базовая лингвосомиотическая категория феномена драматургичности дискурса.

При анализе истоков изучения театральности социального устройства необходимо упомянуть и театральную модель коммуникации Николая Евреинова. В феномене театральности он видел лингвосомиотическое основание коммуникации. Н.Н. Евреинов приходит к пониманию театральности обыденной жизни – выводит театральность «за скобки рассмотрения театра как официального института... настаивает на ее пре-эстетизме и объявляет врожденным биологическим свойством» [8, с. 188]. Следует также упомянуть еще одну театральную модель коммуникации – модель П.М. Ершова, который базирует свое учение о театральном искусстве на дихотомии сильного и слабого, преобразуя эту диспозицию в процессы обмена информацией. Он предлагает коммуникативные правила с учетом оппозиций «сильный–слабый», «друг–враг», а также категории «борьба» [9].

Понятие «драматургичность» для изучения организации социальной интеракции было введено в социальных и философских концепциях. Прежде всего, стоит отметить концепцию социальной драматургии И. Гофмана [10; 11] и драматургическую модель действия в теории коммуникативной деятельности Ю. Хабермаса [12]. Ирвин Гофман ищет закономерности в структурной организации повседневной коммуникации и стремится объяснить ритуальность социального взаимодействия. Это, на наш взгляд, напрямую связано с широким подходом к пониманию драматургичности дискурса. Концепция

Гофмана вызвала большой резонанс главным образом в социологии и социальной психологии. Чарльз Эдглей резюмирует формулирует принцип драматургичности следующим образом: «...dramaturgy is about the ways in which human beings, in concert with similarly situated others, create meaning in their lives»¹ [13, с. 2].

По мнению Гофмана, человеческая субъективность принимает вполне устойчивые ритуальные формы. Он трактует субъектов взаимодействия как носителей ролей, заданных извне, тогда как театральность в понимании исследователей дискурса [1, с. 156] подразумевает сознательные усилия участников коммуникации в разыгрывании социальных партий. Гофман предлагает следующие категории для анализа драматургичности социального устройства: передний план взаимодействия, задний план взаимодействия, роль, категория социального лица, приемы сохранения социального лица, в т. ч. избегание и коррекция [10; 11]. Он также выделяет оборонительные и сохранительные социальные практики. Собственное лицо и лицо другого рассматриваются как конструкты одного порядка [11].

В связи с этим можно выделить такой конститутивный признак феномена драматургичности дискурса, как **интерсубъективное признание существования кодекса доверия** – стандарта коммуникативного поведения. Отчасти этот признак соотносится с прагматингвистической концепцией коммуникативного сотрудничества Г.П. Грайса (принцип кооперации и максимы общения) [14]. Выделяемый признак резонирует и с таким параметром фреймового сценария диалогического общения, как кодекс доверия, который охватывает различные аспекты речевого взаимодействия (истинность, искренность, объем доверия) в концепции регулятивных средств диалогического общения А.А. Романова [15; 16].

Согласно драматургической модели дискурса, субъекты априори соглашаются беречь

лицо друг друга и принимать некоторые положения, даже если это противоречит истине – например, при реализации речевого жанра поздравления интенция субъекта необязательно определяется искренним желанием порадоваться за адресата:

После зачисления в университет мы с отцом вернулись домой триумфаторами. <...> Родственники и знакомые шли в гости потопом, поздравить и заручиться благосклонностью будущего, кто знает, может, судьи или прокурора. Кто-то был искренне рад, кто-то тайне завидовал и злился, но тоже был вынужден лицемерно льстить и поздравлять. (Г. Садулаев).

Интерсубъективное признание кодекса доверия – жанрово-сензитивный признак драматургичности. В личностно-ориентированном обиходном дискурсе в жанрах задушевного общения именно кодекс доверия, опирающийся на пресуппозиционное знание, позволяет субъектам конструировать смыслы при непроизвольном (искреннем) дискурсивном самовыражении (термин В.И. Карасика [2]):

Костя на двадцать лет был моложе Ярослава Юрьевича. <...> Все же они таили, друг к другу мужскую нежность, прощали взаимно слабости, не испытывали той притворной необходимости хвалить неудачное, что так водится между старыми знакомыми по цеху, когда из-за частых встреч неловко сказать правду в лицо; наоборот, орали и обвиняли друг друга до жестокости... (В. Лихоносов).

В этом примере именно интерсубъективное признание права друг друга на искреннее дискурсивное самовыражение позволяет интеракции выйти, казалось бы, в конфликтногенную плоскость, что в рамках задушевного разговора является нормой, а с точки зрения философских деятельностных концепций есть проявление свободы воли.

Драматургичность соблюдения социальных предписаний в таких ситуациях представле-

¹Драматургичность – это то, как люди в тесном взаимодействии с рядом находящимися другими создают смыслы в своей жизни (перевод автора статьи).

на нулем. Комплекс пресуппозиций позволяет субъектам дискурса обеспечить взаимоактуализацию смыслов. Уместно проиллюстрировать тезис словами Гофмана: «Автоматически ориентируясь на сохранение лица, он (субъект) понимает, как вести себя в разговоре. Он постоянно задает себе вопрос: “Если я поступлю или не поступлю вот так-то, не приведет ли это к потере лица мною или другими?” – и в каждый конкретный момент осознанно или неосознанно решает, как себя повести» [11, с. 53]. Смыслы, закладываемые субъектами интеракции, реализуются через импликатуры и пресуппозиции.

С позиции когнитивного подхода этот конститутивный признак получает такое объяснение: «...носители языка, принадлежащие к определенной культуре, при восприятии информации обычно руководствуются некоей подсознательной ментальной нормой» [17, с. 184]. Иными словами, интерпретация коммуникативной ситуации субъектом детерминирует драматургичность конструирования дискурса.

Конститутивным признаком драматургичности выступает, таким образом, **определение жанрового характера коммуникативной ситуации**. Определение ситуации резонирует с психолингвистическим тезисом о жанровом характере сознания языковой личности: «Жанровые фреймы в драме превращения мысли в слово принимают самое активное участие» [18, с.16].

Следующим признаком драматургичности является **профилирование концептуальной оппозиции «искренность–неискренность»** [19]. Постановочность (планирование, режиссирование коммуникативного поведения субъектом) как составляющая феномена драматургичности находится в фокусе анализа. Драматургичность может наблюдаться при трансформации семантики реальности, преувеличении, преуменьшении, приукрашивании ситуации. Следует перечислить ряд исследований, посвященных неискреннему дискурсу, неискренности в коммуникации [5; 20–22]. Постановочность поведения, исполнение роли в обыденном языковом сознании связывается с неискренным, лицемерным

поведением. Ключевым средством выражения драматургичности конструирования интеракции с позиции «искренность–неискренность» выступает тональность. В.И. Карасик выделяет сценическую тональность, характеризующуюся двуплановостью. Исследователь пишет: «В обычном естественном общении наречие “театрально” имеет отрицательную коннотацию, подразумевая неестественность, наигранность, неискренность <...> театральность может относиться и к демонстрации наигранного равнодушия» [3, с. 134]. Лингвосемантический анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что маркером тональности служит номинация манеры действия. В случаях с неискренным речевым поведением субъекта такими маркерами выступают лексемы *неискренне, льстиво, фальшиво, притворно, лицемерно, нарочито*.

Пример: *Она как-то сразу обмякла и расхотела продолжать разговор. Антонина не настаивала. В ее планы не входило конфликтовать с сестрой. Выведать все, что интересовало, она рассчитывала иным путем: **притворным участием и беспардонной лестью***. (А. Савельев).

Лингвопрагматический анализ, учитывающий параметры коммуникативной ситуации, главным образом субъекта дискурса, позволяет прокомментировать приведенный ниже пример таким образом: метадискурс субъекта демонстрирует жанровообусловленный выбор тональности, номинируемой в отрывке через лексему *фальшивый*. В действие вступают прагматические ограничения – фатическая функция жанра «комплимент» диктует социальную норму – следование жесткой ритуальности коммуникативного обмена:

...Ты прикинь – едва домахал. Годы-то какие. Ну здорово.

*– Здорово, рад тебя видеть! – И добавляю тем **фальшивым тоном**, какой всегда появляется в таких случаях: – Какие твои годы! На тебе еще пахать и пахать... (А. Волос).*

Речевые действия, с помощью которых субъект конструирует драматургичность дискурсивных обменов, обладают ценностным

зарядом. Неискренность постановочного поведения вскрывается посредством экспликации когнитивного плана субъекта или наблюдателя. Модель анализа драматургичности помимо таких параметров, как адресант и адресат, предполагает введение третьего – наблюдателя, через метаразмышления которого читатель получает оценку социальной приемлемости/неприемлемости коммуникативного поведения субъектов.

Манифестация рассматриваемого признака градуальна. Степень постановочности речевого поведения может разворачиваться в проекции неискренного, фальшивого, лживого, следуя вектору иллюзии обмана и манипуляции. Необходимо оговориться, что неискренность не всегда детерминирована манипулятивной иллюзией. По мнению Л.Р. Безуглой, притворство соотносится с неискренними бехабитивами (в классификации Дж. Остина [23] бехабитивы – это речевые акты, описывающие отношение к адресату), «поскольку в них говорящий может проявлять разную степень интенсивности чувства, которая является обратно пропорциональной степени этикетности речевого акта» [20, с. 35].

Градуальность драматургичности манифестируется и следует вектору фасцинации, лингвокреативности, языковой игры, исполнения как такового. Притворство для реализации людической (игровой) функции языка служит индикатором особого типа драматургичности дискурса – акцентированной драматургичности. Одной из ее единиц является перформанс. В развлекательном дискурсе этот тип драматургичности доминирует. В обиходном дискурсе драматургичность диффузна. Драматургически акцентированно могут быть выстроены отдельные жанры, например риторические (поздравление, комплимент, флирт и др.). Ориентируя типологию драматургичности относительно вектора фасцинации, можно прийти к выводу, что в чистом виде намеренное стратегическое конструирование дискурса наблюдается в жанровых рамках шутки, рассказывания истории, анекдота. Неискренность имеет фасцинативную основу, тональность притворства легко считывается адресатом. Пример:

Лобанов вернулся на свое место, сел и, облокотясь на широко расставленные колени, сцепил руки. <...> Пека, пробегая то с паяльником, то с мотками проводов, не переставал следить за Лобановым.

– Задумался! – с притворным почтением сообщил он приятелям. – Минимум академик.

– Или максимум студент, – откликнулся Морозов.

Люди солидные и занятые, они оценили шутку сдержанными улыбками. (Д. Гранин).

В драматургичности конструирования личного дискурса, будь это самопрезентация как сквозная стратегия или нарратив (монологическое повествование), перформанс (рассказывание анекдота и др.), эстетическая нарративная позиция является основной – если имеет место «фиксация событий, оцениваемых по признаку их презентационной значимости – на первый план выступает яркость и зрелищность» [3, с. 272]. Зрелищность является сущностным компонентом акцентированного типа драматургичности. Проиллюстрируем примером:

Фил рассказал, как его выставила жена, причем рассказывал так задорно, что Игорь, пытаясь казаться сначала сочувствующим, постепенно начал подфыркивать от смеха, а под конец рассказа Фила уже ржал в голос.

– Что ты ржешь? – притворно возмущался Фил. Ты бы знал, как я тогда трагично все это переживал, руки на себя хотел наложить. (А. Сальников).

Процесс конструирования жанра личного рассказа, нарративный дискурс может характеризоваться, например, трансформацией картины мира прошлого. Драматургичность как перформанс получила осмысление прежде всего в культурной антропологии, фольклористике, культурологии [24; 25]. С.Н. Плотникова рассматривает перформанс как коммуникативное событие и дискурсивное проявление личности его участников [26].

Структура социальной ситуации, представляющая сценарный фрейм как последовательность повторяющихся событий, закрепленных в жанровых формах в сознании носителей

языка, предопределяет ролевую реализацию в условиях социальной интеракции, обуславливая необходимость следования тем или иным предписаниям. Это является результатом неизбежной семиотизации рутинных действий, например, как в случаях, требующих соблюдения этикета. Драматургичность дискурса в упомянутом случае представлена в слабом виде, и субъекты дискурса, если следовать метафоре Гофмана, выступают в качестве марионеток, т. е. субъект дискурса в конкретном социальном действии предстает не как личность в целом, а как носитель определенного статуса. Напротив, реализация акцентированной драматургичности дискурса в жанре личного повествования, рассказывания анекдота требует определенных качеств языковой личности или высокого уровня сформированности дискурсивной компетенции для обеспечения новизны впечатлений адресата, преодоления автоматизма восприятия и оказания преобразующего воздействия на сознание адресата. Это утверждение высвечивает центральную роль категории языковой личности при моделировании дискурса с позиции драматургичности. Типология драматургичности в данной проекции включает такие разновидности, обусловленные типом личности, как спонтанная драматургичность и предварительно подготовленная драматургичность. Драматургичность подготовленного дискурса может быть имитацией спонтанного общения:

Это уже потом я узнала, что искрометные шутки успешно подворовываются мужем в Интернете и являются результатом отточенного актерского мастерства, а никак не восторженного состояния его души. Но, в конце концов, каждый подбирает себе доступное амплуа для выживания в социуме, рассудила я. (Т. Сахарова).

Соответственно, следующим конститутивным признаком драматургичности выступает **агентивность субъекта**.

Агентивность субъекта находит выражение в стратегической реализации речевого поведения, поэтому данный признак можно связать с таким конститутивным признаком, как страте-

гичность. Драматургичность дискурса в узком смысле – это результат лингвокреативного процесса порождения дискурса конкретным говорящим, реализующим свою индивидуальную стратегию. Юрген Хабермас вводит понятие драматургической деятельности, которая «относится не к одинокому актору, не к члену социальной группы, а к участникам интеракции, составляющим друг для друга публику, перед глазами которой они позиционируют себя» [12, с. 108].

Драматургичность дискурса стратегична по сути, рассматривается ли данный феномен как намеренное конструирование дискурса, планирование субъектом своих действий или как следование ролевым предписаниям, заданным социальной структурой извне. К основным стратегиям драматургичности конструирования дискурса относим следующие: стратегия самопрезентации (в широком понимании – самовыражение); выстраивание/поддержание своего социального лица; самокоррекция; контроль интеракции; управление впечатлением. Для анализа стратегической реализации субъектов используются методы дискурс-анализа и лингвопрагматического анализа.

Ниже представлены дискурсивные отрывки, демонстрирующие реализацию субъектом дискурса основных стратегий драматургичности. В этих примерах, иллюстрирующих реализацию стратегии самокоррекции и управления впечатлением, метарефлексии субъекта дискурса позволяют зафиксировать сознательные усилия по коррекции образа транслируемого вовне:

«Нытик какой-то получаюсь! – мысленно одергивает он себя. – Надо срочно поменять тональность!»

*– Мы выяснили, что подозреваемый вылетел charterным рейсом на Кипр... – Глеб пробует говорить официальным языком, но рядом с естественной Анжелой **такой тон** так же нелеп, как... как черный смокинг на пляже. <...> – Не вечно же Олег будет бегать, – поворачивается Глеб всем корпусом к Анжеле, **чтобы восстановить чуть было не пропавшее ее доверие**. (О. Новикова);*

Она была смущена не меньше его. Молча они уселись друг против друга в кубические кресла. Она хмурила брови, силясь понять, что его заставило к ней прийти. «Я вас слушаю», – хотела она сказать, но успела сообразить, что это будет фальшиво, и не сказала ничего. Ей показалось, что он всхлинул. (В. Катаев).

Анализ реализации стратегии коррекции социального лица позволяет наблюдать действие описанных П.М. Ершовым ролевых диспозиций [9]: стратегия самокоррекции предполагает позицию слабого в социальной интеракции, драматургичность самокоррекции концептуально заждется на дихотомии «смятение – самообладание»:

Какое-то смятение показалось в его лице, словно мой глупый вопрос поймал его за недоуленным. «Да, я не ожидал, совсем не ожидал, что вы – такая... другая...» – он и забормотал растерянно. «Не хватало еще идиота», – я подумала зло и несправедливо... В следующий миг я, мгновенно устыдившись, надела личину хозяйки и, недоумевая, над чем они могли так смеяться, предложила продолжить чаепитие. (Е. Чижова).

Рассмотрим стратегию выстраивания/поддержания социального лица:

Жора сгорбился и сразу стал похож на сутулого длинноволосого мальчика. На людях он старался держать созданный воображением идеальный образ – немногословный, всегда с оружием, готовый к выпивке, действию. (О. Куваев).

Ключевая стратегия драматургичности дискурса – самопрезентация – есть видовое проявление самовыражения, которое, по мнению В.И. Карасика, является «одной из важнейших функций языка» [3, с.225]. Элементы такого самовыражения – дискурсивные эмблемы личности. В стратегической проекции драматургичность дискурса как феномен находит проявление в сознательной или ненамеренной адаптации коммуникативного поведения субъекта к ожидаемым реакциям. Важно отметить, что анализ реализации стратегий драматургичности может осуществляться в траектории

исчисления индикаторов драматургичности. Действия по сохранению лица приобретают характер алгоритма, сценария, семиотизируются. Поиск индикаторов драматургичности, исчисление языковых средств реализации драматургичности составляют цель прагмалингвистического осмысления этого аспекта дискурса.

Так, субъект дискурса может маркировать свой статус или манифестировать отношение к себе через тематические индикаторы (выбор определенных слов или выражений) либо с помощью прагматических индикаторов (маркированное отсутствие таких единиц в речи). Прагматические индикаторы частотны и для реализации стратегии контроля интеракции и управления впечатлениями. В качестве прагматических индикаторов могут использоваться клишированные метамаркеры, семантика которых предполагает значительную имплицативную нагрузку, например метамаркер *в таком тоне* [27]. Клишированные обороты могут выступать и стилистическими индикаторами, в реализации стратегии контроля интеракции. Например, используя выражение *без церемоний*, субъект инициирует регистровое переключение, перехватывая коммуникативную инициативу:

...А я, признаться, и фамилии вашей раньше не слышал.

– Рад познакомиться. И мне чрезвычайно приятно.

– Не согласитесь ли вместе поужинать? Запросто, без церемоний. Да бросьте, Красноперов, я ведь от чистого сердца. Конечно! Ну вот и прекрасно! (С. Довлатов).

Средствами реализации стратегий драматургичности могут быть единицы разных уровней языка. Семантические индикаторы получают языковое оформление с помощью лексем с соответствующей контексту семантикой. Супraseгментные единицы реализуют тональность, которая, в свою очередь, относится к прагматическим индикаторам.

В намеренном выстраивании своего социального Я, в достижении планируемого перлокутивного эффекта – влияния на сознание адре-

сата – проявляется следующий конститутивный признак драматургичности дискурса – **перформативность**.

Феномен перформативности дискурса получил детальное изучение в работе Е.Н. Горбачевой [28]. Исследователь обосновывает трехкомпонентную модель действия (операция – действие – поступок) в качестве системообразующего конструкта перформативности [28, с. 8]. Е.Н. Шехонцова также рассматривает презентационный потенциал перформативности в обиходном дискурсе [29]. В рамках моделирования драматургичности дискурса автор данной статьи исходит из положения о том, что драматургичность как конструирование социальной интеракции есть речевое действие, детерминированное интенцией субъекта, а, значит, осмысленное, перформативное. Это речевое действие соотносится с действиями других (интерсубъективное признание существования кодекса доверия) и ориентировано на сознание другого. Перформативность ярко проявляется в процессе конструирования своего социального Я.

Феномен драматургичности дискурса слагается комплексом конститутивных признаков, выделение и сепаратное рассмотрение которых в данной статье было осуществлено в целях многоаспектного анализа явления. В результате исследования были обнаружены следующие признаки драматургичности: интерсубъективное признание существования кодекса доверия; определение

жанрового характера коммуникативной ситуации; профилирование концептуальной оппозиции «искренность–неискренность»; градуальность; агентивность субъекта; перформативность.

Содержательный анализ исследований, посвященных структурным элементам феномена драматургичности – презентационности, перформативности, неискренности дискурса, а также дискурсивному самовыражению личности, позволяет сделать вывод о возможности трактовки феномена драматургичности дискурса в широком и узком ключе. Драматургичность в широком смысле может рассматриваться как исполнение субъектом социальной интеракции одной из ролей, предзаданной самой социальной структурой. В этом случае выявление и описание следов драматургичности соблюдения социальных предписаний в тексте (как в остаточном следе дискурса) может осуществляться с помощью дискурс-анализа степени ритуализованности интеракции. В узком смысле феномен драматургичности связывается с постановочностью, стратегичностью и перформативностью речевого поведения субъекта дискурса. Прагматическое осмысление феномена драматургичности дискурса и уточнение жанровой специфики этого феномена составляют перспективу его изучения. Решению этих задач во многом будут способствовать составление типологии драматургичности и исчисление индикаторов драматургичности дискурса.

Список литературы

1. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: моногр. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
2. Карасик В.И. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникатив. исследования. 2022. Т. 9, № 3. С. 564–574. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(3\).564-574](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574)
3. Карасик В.И. Языковая пластика общения: моногр. М.: Гнозис, 2021. 536 с.
4. Карасик В.И. Языковые картины бытия: моногр. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.
5. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингвист. ун-та, 2000. 244 с.
6. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
7. Тюпа В.И. Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике. М.: Яз. славян. культуры, 2010. 320 с.
8. Вострова В.А. У истоков театральной антропологии: Н.Н. Евреинов // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 185–192.

9. Еришов П.М. Режиссура как практическая психология. Взаимодействие людей в жизни и на сцене. Режиссура как построение зрелища. М.: Мир искусства, 2010. 408 с.
10. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
11. Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
12. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь мир, 2022. 880 с.
13. The Drama of Social Life: A Dramaturgical Handbook / ed. by C. Edgley. London: Routledge, 2016. 356 p. <https://doi.org/10.4324/9781315615691>
14. Grice H.P. Logic and Conversation // Speech Acts / ed. by P. Cole, J.L. Morgan. Leiden: BRILL, 1975. P. 41–58. https://doi.org/10.1163/9789004368811_003
15. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
16. Романов А.А., Романова Л.А. Регулятивные маркеры «самофорсажного» поведения Homo Digitalis в сетевой коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. 2019. № 4(58). С. 62–91.
17. Олешков М.Ю. Сценарный фрейм как основа дискурсивного анализа речевой ситуации // Лингворитор. парадигма: теор. и приклад. аспекты. 2011. № 16. С. 182–191.
18. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.
19. Белошицкая Н.Н. Неискренность как концептуальное основание стратегий драматургичности в быденном дискурсе // Когнитив. исследования языка. 2025. № 1-1(62). С. 583–587.
20. Безуглая Л.Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // Жанры речи. 2015. Вып. 1(11). С. 30–37. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-1-11-30-37>
21. Шпильман М.В. Феномен притворства и его метафорическое представление в русском языке // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 73–84.
22. Шпильман М.В. Речевая маска в аспекте коммуникативной мимики // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2023. Вып. 4 (228). С. 119–126. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-119-126>
23. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962. 167 p.
24. Bauman R. Verbal Art as Performance // Am. Anthropol. 1975. Vol. 77, № 2. P. 290–311. <https://doi.org/10.1525/aa.1975.77.2.02a00030>
25. Schechner R. Performance Theory. London: Routledge, 2003. 407 p. <https://doi.org/10.4324/9780203426630>
26. Плотникова С.Н. Перформанс в коммуникации: аспекты когнитивно-дискурсивного моделирования // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 229–239. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.22>
27. Белошицкая Н.Н. Драматургичность дискурса: когнитивно-прагматический потенциал метамаркера В ТАКОМ ТОНЕ // Науч. диалог. 2024. Т. 13, № 2. С. 35–52. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52>
28. Горбачева Е.Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2015. 401 с.
29. Шеховцева Е.Н. Презентационный потенциал стратегий перформативности в обиходном дискурсе // Культура. Коммуникация. Дискурс: актуальные вопросы полиязычного пространства: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Андрея Владимировича Олянича. Волгоград: Волгогр. гос. аграр. ун-т, 2024. С. 165–169.

References

1. Olyanich A.V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentational Theory of Discourse]. Volgograd, 2004. 507 p.
2. Karasik V.I. Self-Expression in Different Types of Discourse. *Commun. Stud. (Russ.)*, vol. 9, no. 3, pp. 564–574 (in Russ.). [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(3\).564-574](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574)
3. Karasik V.I. *Yazykovaya plastika obshcheniya* [Linguistic Plasticity of Communication]. Moscow, 2021. 536 p.
4. Karasik V.I. *Yazykovye kartiny bytiya* [Linguistic Pictures of Being]. Moscow, 2020. 468 p.
5. Plotnikova S.N. *Neiskrenniy diskurs (v kognitivnom i strukturno-funktsional'nom aspektakh)* [Insincere Discourse (in the Cognitive and Structural-Functional Aspects)]. Irkutsk, 2000. 244 p.

6. Dement'ev V.V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect Communication]. Moscow, 2006. 376 p.
7. Tyupa V.I. *Diskursnye formatsii: ocherki po komparativnoy ritorike* [Discourse Formations: Essays on Comparative Rhetoric]. Moscow, 2010. 320 p.
8. Vostrova V.A. U istokov teatral'noy antropologii: N.N. Evreinov [At the Origins of Theatre Anthropology: N.N. Evreinov]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, no. 4, pp. 185–192.
9. Ershov P.M. *Rezhissura kak prakticheskaya psikhologiya. Vzaimodeystvie lyudey v zhizni i na stsene. Rezhissura kak postroyeniye zrelishcha* [Directing as Practical Psychology. Interaction Between People in Life and on Stage. Directing as a Construction of Spectacles]. Moscow, 2010. 408 p.
10. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York, 1959. 256 p. (Russ. ed.: Goffman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni*. Moscow, 2000. 304 p.).
11. Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York, 1967. 270 p. (Russ. ed.: Goffman E. *Ritual vzaimodeystviya: ocherki povedeniya litsom k litsu*. Moscow, 2009. 319 p.).
12. Habermas J. *Theorie des Kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main, 1995 (Russ. ed.: Khabermas Yu. *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti*. Moscow, 2022. 880 p.).
13. Edgley C. (ed.). *The Drama of Social Life: A Dramaturgical Handbook*. London, 2016. 356 p. <https://doi.org/10.4324/9781315615691>
14. Grice H.P. Logic and Conversation. Cole P., Morgan J.L. (eds.). *Speech Acts*. Leiden, 1975, pp. 41–58. https://doi.org/10.1163/9789004368811_003
15. Romanov A.A. *Sistemnyy analiz regulyativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya* [Systemic Analysis of the Regulatory Means of Dialogic Communication]. Moscow, 1988. 183 p.
16. Romanov A.A., Romanova L.A. Regulative Markers of “Auto Forsage” Homo Digitalis Behavior in Network Communication. *Mir lingvistiki i kommunikatsii*, 2019, no. 4, pp. 62–91 (in Russ.).
17. Oleshkov M.Yu. Stenarnyy freym kak osnova diskursivnogo analiza rechevoy situatsii [Scenario Frame as Basis for Discourse Analysis of Verbal Situation]. *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, 2011, no. 16, pp. 182–191.
18. Sedov K.F. *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and Personality: The Evolution of Communicative Competence]. Moscow, 2004. 317 p.
19. Beloshitskaya N.N. Neiskrennost' kak kontseptual'noe osnovanie strategiy dramaturgichnosti v obydenom diskurse [Insincerity as a Conceptual Foundation of the Dramaturgy Strategies in Everyday Discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2025, no. 1-1, pp. 583–587.
20. Bezuglaya L.R. Neiskrennie rechevye akty i neiskrennie rechevye zhanry [Insincere Speech Acts and Insincere Speech Genres]. *Zhanry rechi*, 2015, no. 1, pp. 30–37. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-1-11-30-37>
21. Shpilman M.V. The Phenomenon of Pretense and Its Metaphorical Representation in the Russian Language. *Critique Semiot.*, 2023, no. 1, pp. 73–84 (in Russ.).
22. Shpilman M.V. Rechevaya maska v aspekte kommunikativnoy mimikrii [The Verbal Mask in Terms of Communicative Mimicry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2023, vol. 4, pp. 119–126 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-119-126>
23. Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Oxford, 1962. 167 p.
24. Bauman R. Verbal Art as Performance. *Am. Anthropol.*, 1975, vol. 77, no. 2, pp. 290–311. <https://doi.org/10.1525/aa.1975.77.2.02a00030>
25. Schechner R. *Performance Theory*. London, 2003. 407 p. <https://doi.org/10.4324/9780203426630>
26. Plotnikova S.N. Performance in Communication: Aspects of Cognitive-Discursive Modeling. *Sci. J. Volgogr. State Univ. Linguist.*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 229–239 (in Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.22>
27. Beloshitskaya N.N. *Dramaturgy of Discourse: Cognitive-Pragmatic Potential of Metamarker 'V TAKOM TONE' [in Such a Tone]*. *Nauchnyy dialog*, 2024, vol. 13, no. 2, pp. 35–52 (in Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-35-52>
28. Gorbacheva E.N. *Diskursivnaya performativnost': priznaki, tipy, zhanry* [Discourse Performativity: Features, Types, Genres: Diss.]. Astrakhan, 2015. 401 p.

Белошицкая Н.Н.

Конститутивные признаки драматургичности дискурса

29. Shekhovtseva E.N. Prezentatsionnyy potentsial strategiy performativnosti v obikhodnom diskurse [Presentational Potential of Performativity Strategies in Everyday Discourse]. *Kul'tura. Kommunikatsiya. Diskurs: aktual'nye voprosy poliyazychnogo prostranstva* [Culture. Communication. Discourse: Current Issues of the Multi-Lingual Space]. Volgograd, 2024, pp. 165–169.

Информация об авторе

Н.Н. Белошицкая – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163000, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Information about the author

Nataliya N. Beloshitskaya, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Head of the English Language Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163000, Russia).

Поступила в редакцию 11.12.2025
Одобрена после рецензирования 20.02.2026
Принята к публикации 24.02.2026

Submitted 11 December 2025
Approved after reviewing 20 February 2026
Accepted for publication 24 February 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 101–108.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 101–108.

Научная статья
УДК [81'25:004.738.5](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V503

Влияние англоцентризма на перевод документации по веб-разработке на русский язык

Вячеслав Евгеньевич Вовченко

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия
e-mail: viacheslavvovchenko@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3822-7483>

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу англоцентризма терминологии в сфере веб-разработки как фактора, определяющего специфику восприятия и перевода технической документации на русский язык. Цель работы – выявление механизмов трансформации англоязычных метафорических и когнитивных моделей, лежащих в основе современных веб-технологий, в процессе межъязыкового переноса на материале официальной документации и примеров профессионального IT-дискурса. Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении представлений о переводе IT-документации как процессе трансфера концептуальных моделей, что позволяет рассматривать англоцентризм в рамках когнитивно-переводоведческой парадигмы. В ходе анализа установлено, что значительная часть ключевых терминов веб-разработки функционирует как носитель культурно обусловленных метафор, несводимых к формальным техническим определениям. Показано, что распространенные переводческие стратегии, такие как буквальный перевод, транскрипция и частичная адаптация, приводят к различным типам когнитивных и стилистических искажений, нарушающих целостность исходных концептуальных моделей. Выявлена устойчивая связь между характером терминологического переноса, усложнением инструктивного дискурса, ростом когнитивной нагрузки и формированием гибридного профессионального жаргона у русскоязычных веб-разработчиков, а также установлена асимметрия доступа к знаниям между англоязычными и неанглоязычными специалистами. Англоцентризм показан как переводоведческая проблема, затрагивающая уровень концептуализации знаний в IT-дискурсе. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при переводе и локализации документации по веб-разработке, а также в подготовке переводчиков и технических специалистов с целью повышения точности передачи смыслов, снижения когнитивной нагрузки реципиентов и улучшения качества усвоения технологий.

Ключевые слова: англоцентризм, веб-разработка, техническая документация, перевод терминов, перевод IT-текстов, метафоричность терминов, качество перевода

Для цитирования: Вовченко, В. Е. Влияние англоцентризма на перевод документации по веб-разработке на русский язык / В. Е. Вовченко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 101-108. DOI: 10.37482/2687-1505-V503

Original article

Effect of Anglocentrism on the Translation of Web Development Documentation into Russian

Viacheslav E. Vovchenko

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: viacheslavvovchenko@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3822-7483>

Abstract. This study examines the Anglocentric nature of terminology in web development as a factor shaping the perception and translation of technical documentation into Russian. The aim of the research is to identify the mechanisms through which English metaphorical and cognitive models underlying contemporary web technologies undergo changes in the process of interlingual transfer, based on official documentation and examples of professional IT discourse. The theoretical significance of the study lies in refining the understanding of IT documentation translation as a process of transferring conceptual models, which allows us to consider Anglocentrism within a cognitive translation paradigm. The analysis demonstrates that a substantial proportion of core web-development terms function as carriers of culturally motivated metaphors that cannot be reduced to formal technical definitions. It is shown that common translation strategies – literal translation, transliteration, and partial adaptation – produce various types of cognitive and stylistic distortions that disrupt the integrity of the original conceptual models. A stable relationship was identified between the mode of terminological transfer, increased complexity of instructional discourse, growing cognitive load, and the emergence of hybrid professional jargon among Russian-speaking developers. In addition, an asymmetry in access to knowledge between English-speaking and non-English-speaking specialists was established. The scientific contribution of the study consists in systematizing Anglocentrism as a translation studies problem affecting the level of knowledge conceptualization in IT discourse. The practical value of the findings lies in their applicability to the translation and localization of web-development documentation, as well as to the training of translators and technical specialists, with the aim of improving semantic accuracy, reducing cognitive load for target-language users, and enhancing the quality of technology acquisition.

Keywords: *Anglocentrism, web development, technical documentation, terminology translation, translation of IT texts, metaphorical terminology, translation quality*

For citation: Vovchenko V.E. Effect of Anglocentrism on the Translation of Web Development Documentation into Russian. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 101–108. DOI: 10.37482/2687-1505-V503

Англоцентризм терминологии в области веб-разработки представляет собой фундаментальную характеристику всей отрасли программирования, сформировавшейся и продолжающей развиваться в англоязычном пространстве, о чем свидетельствуют многочисленные зарубежные и отечественные исследования [1–3]. В условиях стремительного роста цифровых технологий и расширения русскоязыч-

ного сегмента профессионального сообщества данное явление приобретает особую актуальность, поскольку техническая документация по веб-разработке выступает основным каналом трансфера знаний и одновременно зоной наибольшей переводческой уязвимости.

Цель работы состоит в выявлении механизмов трансформации англоязычных метафорических и когнитивных моделей, лежащих в ос-

нове современных веб-технологий, в процессе межъязыкового переноса на материале официальной документации и примеров профессионального IT-дискурса.

Англоцентризм рассматривается как фактор, определяющий специфику когнитивного восприятия и интерпретации веб-технологий в переводе, что обуславливает новизну исследования. Его теоретическая значимость заключается в уточнении роли англоцентризма как когнитивного и переводоведческого феномена, а также в расширении представлений о переводе технической документации как процессе трансфера не только терминов, но и концептуальных моделей. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в переводе и локализации документации по веб-разработке, в подготовке переводчиков, работающих с IT-текстами, а также в разработке методических рекомендаций, направленных на снижение когнитивной нагрузки русскоязычных реципиентов и повышение качества усвоения веб-технологий.

Исторические и социальные предпосылки становления веб-технологий напрямую определили их терминологический облик: первый веб-сервер, первый браузер, первые стандарты, языки программирования и протоколы возникали в контекстах, где английский язык являлся не только рабочим инструментом, но и естественной средой инженерного мышления [4]. В этом смысле веб-разработка как отдельная ветвь программирования формировалась на данном языке не по инициативе отдельных разработчиков, а в силу того, что ключевые инновационные центры конца XX века находились в Соединенных Штатах Америки и Великобритании, а английский функционировал как язык международного научного общения [5, с. 609]. Когда в 1990-х годах закладывались основы таких фундаментальных принципов веб-разработки, как HTML, HTTP и JavaScript, задача интернационализации понятийного аппарата не ставилась – приоритетом было создание эффективных инструмен-

тов, ориентированных прежде всего на западную академическую и корпоративную среду [2, с. 2]. В результате сформировался устойчивый семантический каркас, в котором английские метафоры (например, *callback*, *cookie*, *promise*, *hook*) стали неотъемлемой частью концепций программирования.

Англоцентризм в данном случае – не столько доминирование английской терминологии, сколько закрепление в языке разработчиков тех логических структур, через которые осмысливаются фундаментальные процессы веб-разработки. Для носителей английского языка данные метафоры прозрачны: *promise* – это объект, который *обещает* предоставить результат в будущем; *hook* – это точка, к которой можно *прикрепить* свою функцию; *callback* – досл. *обратный вызов*, означает вызов, происходящий позже в ответ на событие; *cookie* – небольшой *кусочек* данных, хранящий следы взаимодействия. Носители других языков сталкиваются с двойным когнитивным барьером: сначала необходимо понять сам концепт, после чего «переварить» его в облике чужеродной лингвистической структуры [1, с. 2]. В результате термин становится не только обозначением того или иного явления, принципа или технологии, но и когнитивной задачей, требующей адаптации мышления к англоязычному способу метафоризации [6]. Эти трудности неизбежно создают своеобразный «стеклянный потолок» для разработчиков, чьим родным языком не является английский. Понимание документации, участие в международных проектах и обсуждение новейших технологий, соответственно, требуют не только владения иностранным языком, но и умения мыслить с помощью концептов, которые изначально были созданы в другой концептосфере. Отсюда возникают сложности профессионального роста и формируется явление, которое часто называют «утечкой мозгов»: квалифицированные разработчики вынуждены переходить в англоязычные среды, в которых когнитивная нагрузка значительно меньше, а доступ к знаниям не опосредован языковой преградой [1, с. 2].

Англоцентризм особенно ярко проявляется в переводе документации по веб-разработке, которая представляет собой критически важный элемент технологической экосистемы. Официальные руководства к React, Vue.js, Angular, Svelte, Next.js, Node.js и другим библиотекам фактически формируют методологию работы, определяют способы мышления программиста и транслируют идеологию фреймворков. Поскольку технологии обновляются стремительно, документация выступает не вторичным, а первичным источником знания [1, с. 2]. Она обладает чертами одновременно технического текста и учебного: содержит строгие определения, примеры, рекомендации, предупреждения, но при этом ориентирована на объяснение концепций широкому сообществу разработчиков с разным уровнем подготовки [7, с. 217]. Поэтому качество перевода документации играет принципиально важную роль: от того, насколько точно передаются термины, метафоры и логические связи, зависит способность русскоязычных разработчиков правильно понять и применить технологию [8, с. 245].

Англоцентризм терминов приводит к тому, что перевод документации на русский язык оказывается непростой задачей. Во-первых, существует опасность буквального перевода, который разрушает смысловые связи [9]. Например, лексема *hook* в контексте React не означает реальный крючок – это метафора точки расширения функционала, точки «зацепления» за внутренний цикл обновления интерфейса. Буквальная передача термина не может прояснить концептуальную функцию технологии. Переводчики обычно представляют эту лексему на русском языке транскрипцией *хук*, но она обедняет значение и оставляет необъясненным, почему именно *hook* выполняет такую роль, т. е. «зацепляет» пользовательский код за внутренние процессы библиотеки: он предоставляет точку подключения, через которую компонент может использовать готовые возможности системы (например, хранение данных или выполнение действий при изменении интерфейса). Другими словами, документация React стро-

ится на когнитивной модели, согласно которой *hook* – это механизм, позволяющий «подключаться» к состоянию компонента пользовательского интерфейса. Поскольку англоязычный читатель интуитивно понимает образ, заложенный в метафору *hook into something*, перевод на русский язык требует дополнительных пояснений или изменения композиции текста, иначе читатель столкнется с инородной метафорой, не встроенной в языковую картину мира принимающей культуры.

Похожий пример можно привести с термином *promise*. Англоязычная лексема несет в своем значении эмоционально-коннотативную окраску, поскольку обещание всегда связано с ожиданием будущего результата. Термин *promise* в языке JavaScript именно это и предполагает: обещает в своем значении вернуть запрашиваемое значение позднее. Перевод данного термина на русский язык как *обещание* звучит в техническом контексте стилистически неестественно, а использование приема транскрипции *промис* приводит к потере метафорической составляющей в значении и лишает лексему какой-либо внутренней логики. В результате разработчик вынужден помнить, что *промис* – это объект, который «обещает» результат, хотя само слово на это никак не указывает. Смысловая цепочка при этом разрывается, что увеличивает когнитивную нагрузку на знакомящегося с данными концептами веб-разработчика.

Проблема не ограничивается отдельными лексемами. Англоязычная документация по веб-разработке использует целостные концептуальные структуры, характерные для англоязычной научно-технической традиции [7, с. 217]. Например, такие термины, как *state* и *state management*, в React или Vue.js означают не просто *состояние* и *управление состоянием*, а части более широкой модели мышления – переходы между состояниями пользовательского интерфейса. Для англоязычного реципиента такая система метафор естественна, поскольку лексемы *state*, *manage*, *dispatch* обладают широкой сферой применения и позволяют форми-

ровать систему понятий. В русском же языке каждая из этих лексем требует уточнения: *состояние* (англ. *state*) часто воспринимается как статическое свойство, а не как динамическая величина; *управление* (англ. *manage*) допускает различные трактовки; *диспетчеризация* (англ. *dispatch*) звучит громоздко. В результате переводчик документации вынужден либо адаптировать терминологию, создавая новые, не общепринятые термины, либо оставлять англицизмы, что усложняет их понимание и затрудняет обучение [9].

Англоцентризм проявляется и на уровне синтаксиса. Например, в официальной документации React часто используются краткие глагольные структуры императивного или условного характера, в которых имплицитно представлен субъект *you* (разработчик): *Running the build produces a production-ready app*. Русскоязычный текст требует эксплицитного выражения подлежащего или использования иной структуры: «Когда вы запускаете сборку, получается приложение, готовое к продакшену»¹. Это смещает фокус с результата действия на субъект, вынуждая переводчика добавлять *вы* и использовать страдательный залог («получается»), что размывает лаконичность и прямой инструктивный тон оригинала. В результате текст становится излишне формальным и тяжеловесным. Если же осуществить калькирование структуры («Запуск сборки производит готовое к продакшену приложение»), такой перевод будет звучать стилистически неестественно – безлично или архаично, нарушая привычное смешение технического и учебного стилей.

Англоцентричность терминологии выступает фактором, осложняющим восприятие документации русскоязычными разработчиками. Например, новичок, читающий перевод, может столкнуться с недопониманием: *обещание* звучит странно, *крючок* непонятно, *куки* не имеют никакой связи с печеньем, а *вызываемый позднее обратный вызов* под тяжеловесным объяснением скрывает простую идею, стоящую

за *callback*. В результате часть разработчиков вынуждена переключаться на англоязычную документацию, что формирует асимметрию знания: англоязычные источники становятся первичными [10, с. 1], русскоязычные – вторичными. Это замедляет формирование и препятствует развитию русскоязычного терминологического аппарата в сфере веб-разработки. Те разработчики, которые не владеют в достаточной мере английским языком, и вовсе оказываются отрезанными от актуальных знаний. Они вынуждены полагаться на устаревшие или фрагментарные переводы, форумные обсуждения или устные пересказы коллег, что приводит к накоплению ошибок в ментальных моделях, снижению качества кода и профессиональной изоляции.

Фактически здесь проявляется механизм двойной когнитивной фильтрации: сначала текст проходит через англоязычные метафоры, затем – через перевод, который часто оказывается компромиссным. Разработчик вынужден использовать терминологию веб-технологии в ее исходной англоязычной форме, независимо от уровня владения английским языком. Это приводит к тому, что даже опытные русскоязычные инженеры часто применяют неоднозначные гибридные словосочетания: «положить хук в useEffect», «пробросить пропсы вниз», «диспатчить экшены», «промис зарезолвится», «отрендерить компонент» [8, с. 246]. Эти конструкции – результат когнитивной адаптации, призванной компенсировать неполноценность перевода, но они же формируют особый профессиональный жаргон, который затрудняет обучение новичков.

Перевод официальной документации должен также учитывать фактор динамичности терминологии [11, с. 1939]. Например, появление терминов *server actions*, *hydration*, *suspense* в экосистеме React вызвало волну обсуждений.

Server actions – это новая модель работы в React/Next.js, в которой часть логики пользовательского интерфейса выполняется не в бра-

¹React JS. Официальная документация. URL: <https://ru.legacy.reactjs.org> (дата обращения: 29.11.2025).

узере, а на сервере, но при этом вызывается из клиентского компонента так, будто это обычная функция. Перевод данного термина представляет собой непростую задачу: словосочетания *серверные действия*, *серверные функции* или *действия на стороне сервера* передают лишь общий смысл, но не отражают новизну концепта, т. е. не дают понять, что речь идет не просто о традиционной серверной логике, а о принципиально ином механизме интеграции клиента и сервера, реализованном в рамках фреймворка как новой архитектурной модели. В результате перевод воспринимается как привычный и обыденный, хотя сама технология меняет устоявшиеся принципы взаимодействия клиента и сервера.

Передача термина *hydration* на русский язык также сопряжена с необходимостью нахождения нестандартного переводческого решения. Прямой перевод термина как *гидратация* звучит неестественно, хотя и отражает английскую метафору «добавления воды» к «сухому» HTML-каркасу. В техническом смысле *hydration* означает процесс, при котором статически созданная сервером HTML-разметка «оживляется» на стороне клиента: она соединяется с логикой языка JavaScript и состоянием приложения. Использование в переводе словосочетания *воссоздание состояния на клиенте* привносит громоздкость и передает лишь часть значения приведенного англоязычного термина, как следствие теряется образ «оживления» уже готовой структуры. В итоге получившийся вариант передачи термина на русский язык будет либо неточен с технической точки зрения, либо лишен метафоричности.

Suspense – еще более показательный пример. Данный термин, позаимствованный из кинематографии и литературы, характеризует напряженное ожидание. В React он метафорически описывает механизм ожидания данных и отложенного рендеринга. Транслитерация *suspens* ничего не объясняет, а русскоязычный аналог *механизм ожидания* лишает перевод метафоричности. В результате переводчики вынуждены выбирать между потерей смысла и

потерей структуры метафоры и чаще всего теряют сразу оба элемента.

Понимание того, как формируется и закрепляется англоязычная терминология, как меняется ее значение в ходе развития технологий и как она интерпретируется в переводе, особенно важно, поскольку документация в области веб-разработки – это прежде всего инструмент обучения, решающий судьбу развития технологий. Если перевод искажает терминологию или разрушает логические связи, разработчик строит некорректные ментальные модели и терпит неудачи в реальной работе: неправильно понимает жизненный цикл компонентов, ошибается в управлении состоянием, неверно интерпретирует асинхронные операции. Англоцентризм терминов становится фактором, влияющим на качество перевода, а, следовательно, и на качество обучения и развитие практических навыков разработчика.

Это сказывается также на производительности труда. Разработчики, читающие переведенную документацию, могут тратить больше времени на интерпретацию текста, чем на освоение самой технологии. Это снижает эффективность обучения и усложняет процессы командного взаимодействия: в смешанных командах англоязычные коллеги воспринимают термины естественно, а русскоязычные – через призму адаптации. Такая асимметрия знаний влияет на карьерное развитие: первые быстрее осваивают новые инструменты, легче включаются в международные проекты, а вторые вынуждены преодолевать постоянно возникающий когнитивный барьер. Это формирует тот «стеклянный потолок», который часто упоминают в профессиональных дискуссиях: англоцентризм терминологии объективно создает препятствия для неанглоязычных специалистов.

Подводя итог, можно сказать, что влияние англоцентризма на перевод документации заключается в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, перевод становится задачей переноса когнитивных структур из одной концептосферы в другую. Во-вторых, качество пере-

вода определяется тем, насколько глубоко переводчик понимает саму технологию, поскольку буквальный перенос слов приводит к искажению смысла. В-третьих, русскоязычные веб-разработчики вынуждены мириться с существованием гибридной терминологии, формиру-

ющей уникальную профессиональную культуру, но одновременно усложняющей обучение и замедляющей рост специалистов. В-четвертых, англоцентризм усиливает неравенство доступа к знаниям, что влияет на профессиональные траектории и способствует миграции разработ-

Список литературы

1. Guo P.J. Non-Native English Speakers Learning Computer Programming: Barriers, Desires, and Design Opportunities // *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. N. Y.: Association for Computing Machinery, 2018. Paper № 396. P. 1–14. <https://doi.org/10.1145/3173574.3173970>
2. Li W., Marino A., Yang H., Meng N., Li L., Cai H. How Are Multilingual Systems Constructed: Characterizing Language Use and Selection in Open-Source Multilingual Software // *ACM Trans. Softw. Eng. Methodol.* 2024. Vol. 33, № 3. Art. № 63. P. 1–46. <https://doi.org/10.1145/3631967>
3. Максудова Д.К., Суюнова О.А., Назарова Б.М. Оптимизация процесса преподавания английского языка // *Academy*. 2019. № 6(45). С. 54–55.
4. Musahu L., Kabashi F., Shkurti L., Sofiu V., Gjokokaj L. The Evolution of Web Development // *Proceedings of the 13th Annual International Conference: International Conference on Computer Science and Communication Engineering*. Pristina: UBT, 2024. P. 24–34.
5. Барвинок И.А. Роль английского как глобального языка в цифровую эпоху и его влияние на другие культуры // *Вестн. науки*. 2025. Т. 1, № 11(92). С. 608–614.
6. Соктоева Б.В., Назарова Е.В., Раднаева Э.Б. Переводческие трансформации при передаче документации языка программирования с английского на русский язык (на материале скриптового языка PHP) // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2016. № 1-1(55). С. 178–180.
7. Беглярова А.Л., Бешукова Ф.К., Тешева М.М., Хатхе А.А., Хуажева Н.Х., Читао И.А. Возможности использования информационных технологий в сопоставительном переводе интернет-текстов // *Соврем. пед. образование*. 2020. № 5. С. 216–219.
8. Авцынова К.В. Особенности перевода текстов и профессионального жаргона специалистов в области IT-технологий // *Вестн. науки*. 2023. Т. 1, № 3(60). С. 244–249.
9. Донюш А.А., Доброскок В.В. Особенности перевода терминов в технических текстах, относящихся к сфере информационных технологий // *Успехи в химии и хим. технологии*. 2021. Т. 35, № 11(246). С. 49–51.
10. Adejumo E.K., Johnson B., Guizani M. Bridging Language Gaps in Open-Source Documentation with Large-Language-Model Translation // *ArXiv. Preprint*, 2025. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2508.02497>
11. Махмутова А.Н., Юрова М.А. Тенденции в переводе терминов в сфере информационных технологий: сравнительный анализ разновременных англо-русских переводных словарей (1990 г. и 2011 г.) // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2023. Т. 16, № 6. С. 1937–1943. <https://doi.org/10.30853/phil20230306>

References

1. Guo P.J. Non-Native English Speakers Learning Computer Programming: Barriers, Desires, and Design Opportunities. *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York, 2018. Paper no. 396, pp. 1–14. <https://doi.org/10.1145/3173574.3173970>
2. Li W., Marino A., Yang H., Meng N., Li L., Cai H. How Are Multilingual Systems Constructed: Characterizing Language Use and Selection in Open-Source Multilingual Software. *ACM Trans. Softw. Eng. Methodol.*, 2024, vol. 33, no. 3. Art. no. 63, pp. 1–46. <https://doi.org/10.1145/3631967>
3. Maksudova D.K., Suyunova O.A., Nazarova B.M. Optimizatsiya protsessy prepodavaniya angliyskogo yazyka [Optimization of the English Language Teaching Process]. *Academy*, 2019, no. 6, pp. 54–55.

4. Musahu L., Kabashi F., Shkurti L., Sofiu V., Gjirkokaj L. The Evolution of Web Development. Hajrizi E. (ed.). *Proceedings of the 13th Annual International Conference: International Conference on Computer Science and Communication Engineering*. Pristina, 2024, pp. 24–34.

5. Barvinok I.A. Rol' angliyskogo kak global'nogo yazyka v tsifrovuyu epokhu i ego vliyanie na drugie kul'tury [Role of English as a Global Language in Digital Age and Its Impact on Other Cultures]. *Vestnik nauki*, 2025, vol. 1, no. 11, pp. 608–614.

6. Soktoeva B.V., Nazarova E.V., Radnaeva E.B. Perevodcheskie transformatsii pri peredache dokumentatsii yazyka programmirovaniya s angliyskogo na russkiy yazyk (na materiale skriptovogo yazyka PHP) [Translation Transformations While Translating the Programming Language Documentation from English into Russian (by the Material of the PHP Scripting Language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 1-1, pp. 178–180.

7. Beglyarova A.L., Beshukova F.K., Tesheva M.M., Khatkhe A.A., Khuazheva N.Kh., Chitao I.A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologiy v sopostavitel'nom perevode internet-tekstov [Possibilities of Using Information Technology in the Comparative Translation of Internet Texts]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2020, no. 5, pp. 216–219.

8. Avtsynova K.V. Osobennosti perevoda tekstov i professional'nogo zhargona spetsialistov v oblasti IT-tekhnologiy [Features of the Translation of Texts and Professional Jargon of Specialists in the Field of IT-Technology]. *Vestnik nauki*, 2023, vol. 1, no. 3, pp. 244–249.

9. Donyush A.A., Dobroskok V.V. Osobennosti perevoda terminov v tekhnicheskikh tekstakh, odnosyashchikhsya k sfere informatsionnykh tekhnologiy [Features of Translation of Terms in Technical Texts Related to the Sphere of Information Technologies]. *Uspekhi v khimii i khimicheskoy tekhnologii*, 2021, vol. 35, no. 11, pp. 49–51.

10. Adejumo E.K., Johnson B., Guizani M. Bridging Language Gaps in Open-Source Documentation with Large-Language-Model Translation. *ArXiv*. Preprint, 2025. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2508.02497>

11. Makhmutova A.N., Yurova M.A. Trends in the Translation of Terms in the Field of Information Technology: A Comparative Analysis of English-Russian Translation Dictionaries of Different Periods (1990 and 2011). *Philol. Theory Pract.*, 2023, vol. 16, no. 6, pp. 1937–1943 (in Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20230306>

Информация об авторе

В.Е. Вовченко – аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the author

Viacheslav E. Vovchenko, Postgraduate Student, Translation Studies and Applied Linguistics Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 09.12.2025

Одобрена после рецензирования 06.02.2026

Принята к публикации 09.02.2026

Submitted 9 December 2025

Approved after reviewing 6 February 2026

Accepted for publication 9 February 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 109–120.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 109–120.

Научная статья
УДК [130.2:339.13.028](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V504

Эпатажная реклама: деструкция традиционных ценностей и норм в современном российском обществе

Елена Анатольевна Ноздренко

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,

e-mail: elena.nozdrenko@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1384-1090>

Аннотация. В статье рассматривается влияние эпатажной рекламы на деконструкцию традиционных ценностей и норм в современном российском обществе. Исследование базируется на комплексной методологии, включающей теоретический анализ ключевых концепций деконструкции, социальной коммуникации и психологии рекламы, также представлен эмпирический анализ конкретных кейсов эпатажной рекламы посредством семиотического и контент-анализа. Выявлены механизмы, с помощью которых эпатажная реклама воздействует на общественное сознание. Анализ фокусируется на таких аспектах, как размывание идентичности и чувства принадлежности, нигилизм и моральный релятивизм. В условиях усиления роли медиакоммуникаций и фрагментации социокультурного пространства эпатажная реклама, намеренно нарушающая общепринятые этические и моральные стандарты, приобретает особую значимость как фактор трансформации ценностных ориентиров. Цель работы – обнаружение механизмов и последствий воздействия провокационных рекламных образов на общественное сознание, а также оценка их влияния на социальную стабильность. Полученные результаты позволяют констатировать амбивалентность воздействия эпатажной рекламы, проявляющуюся в ее способности как стимулировать критическое осмысление устоявшихся норм и расширять границы дискурса, так и подрывать социальную стабильность, усугублять неравенство и манипулировать общественным сознанием. На основании проведенного анализа отмечается необходимость критического осмысления целей и методов эпатажной рекламы, а также учета возможных негативных социальных последствий и обеспечения ответственного подхода к формированию социокультурной среды. Результаты исследования вносят вклад в изучение динамики ценностных изменений в современном обществе и могут быть использованы в дальнейшем анализе рекламного дискурса.

Ключевые слова: эпатажная реклама, традиционные ценности, социальные нормы, идентичность, этика, манипуляция общественным сознанием

Для цитирования: Ноздренко, Е. А. Эпатажная реклама: деструкция традиционных ценностей и норм в современном российском обществе / Е. А. Ноздренко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 109-120. DOI: 10.37482/2687-1505-V504

Ноздренко Е.А.

Эпатажная реклама: деструкция традиционных ценностей и норм в современном российском обществе

Original article

Shock Advertising: Destruction of Traditional Values and Norms in Contemporary Russian Society

Elena A. Nozdrenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,

e-mail: elena.nozdrenko@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1384-1090>

Abstract. This article explores the effect of shock advertising on the deconstruction of traditional values and norms in contemporary Russian society. The research is based on a comprehensive methodology that includes a theoretical analysis of key concepts of deconstruction, social communication and advertising psychology. In addition, the paper analyses specific cases of shock advertising using semiotic and content analysis and identifies mechanisms employed by shock advertising to influence collective consciousness. The paper focuses on such aspects as the blurring of identity and sense of belonging, nihilism and moral relativism. Considering the increasing role of media communications and the fragmentation of the sociocultural space, shock advertising that intentionally violates generally accepted ethical and moral standards is becoming particularly important as a factor in the transformation of value orientations. The paper aimed to identify the mechanisms and consequences of the impact of provocative advertising images on collective consciousness as well as to assess their influence on social stability. The results obtained indicate an ambivalence of the effect of shock advertising, manifested in its ability to not only stimulate critical reflection on the established norms and expand the boundaries of discourse but also undermine social stability, exacerbate inequality and manipulate collective consciousness. The analysis demonstrates a need for a critical understanding of the goals and methods of shock advertising in order to minimize negative social consequences and ensure a responsible approach to the formation of the sociocultural environment. The results contribute to the study of the dynamics of value changes in contemporary society and can be used for further analysis of advertising discourse.

Keywords: *shock advertising, traditional values, social norms, identity, ethics, manipulation of collective consciousness*

For citation: Nozdrenko E.A. Shock Advertising: Destruction of Traditional Values and Norms in Contemporary Russian Society. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 109–120. DOI: 10.37482/2687-1505-V504
чиков в англоязычные компании.

Современная реклама выступает не только как инструмент продвижения, но и как значимый фактор, влияющий на формирование и трансформацию ценностных ориентиров. Рекламные образы, циркулирующие в медиапространстве, активно участвуют в процессах конструирования социальной реальности, воздействуя на общественное сознание и способствуя переосмыслению устоявшихся норм и представлений. Особую роль в этом процессе

играет эпатажная реклама, намеренно использующая провокационные приемы и выходящая за рамки общепринятых моральных и этических стандартов. Данный социокультурный феномен оказывает влияние на деконструкцию традиционных ценностей и норм в российском обществе. Полагаем, что для современной России характерны размывание идентичности и чувства принадлежности, распространение нигилизма и морального релятивизма, а также ри-

ски манипулирования сознанием потребителя и его эксплуатации. В этом отношении эпатажная реклама с ее провокационными образами и послылами может оказывать как деструктивное (подрывать социальную стабильность и усиливать моральный хаос), так и конструктивное (способствовать критическому осмыслению устоявшихся норм) воздействие на общественное сознание. Научная новизна работы связана с выявлением специфики эпатажной рекламы в контексте деструкции социальных ценностей и норм в современном российском обществе.

В работе исследованы медиаматериалы рекламного дискурса с применением следующих методов:

- анализ теорий в области, рекламы и коммуникации, медиакommunikаций и массовой культуры. В качестве теоретической основы использованы подходы к пониманию деконструкции (в частности, идеи Ж. Деррида) и деструкции М. Хайдеггера, теории социальной коммуникации Ю. Лотмана, психологии рекламы (в частности идеи Л. Фестингера о когнитивном диссонансе), а также исследования по социологии ценностей и массовой культуры (идеи П. Бурдьё о социальной классификации и формировании вкуса). Применена операционализация понятия «традиционные ценности» в контексте российского общества, определены их основные характеристики и проявления. Выделены основные типы и приемы эпатажной рекламы, используемые в российском медиапространстве;

- метод «Кейс-стади» (case study). Он позволил произвести анализ конкретных кейсов эпатажной рекламы с целью выявления их влияния на деконструкцию традиционных ценностей и норм, а также социальных и этических последствий;

- фрагментарный семиотический и контент-анализ. Включен в изучение ряда кейсов для определения используемых в рекламе факторов деконструкции традиционных ценностей и норм и интерпретации их значений с опорой на реакцию общественности и экспертные оценки, представленные в научных публикациях и средствах массовой информации (СМИ).

Как социокультурный феномен реклама влияет на большинство процессов, генерирующих смыслы в обществе. С помощью транслируемых образов она участвует в процессе деконструкции традиционных ценностей и норм и порождает новые смыслы. Эпатажная реклама в данном контексте представляет собой интересное поле для изучения. Ее проблематика многогранна и затрагивает вопросы этики, морали, социальной ответственности и влияния на общественное сознание. Понятно, что эпатажная реклама намеренно нарушает общепринятые нормы и ожидания, использует провокационные образы, темы, язык и соответствующую символику. Ее цель – вызвать эмоциональную реакцию у аудитории (шок, удивление, возмущение, смех) для привлечения внимания к продукту или бренду. При этом «пересечения смысловых пространств, которые порождают новый смысл, связаны с индивидуальным сознанием» [1, с. 26]. По мнению исследователей, «дискурсивный эпатаж в рекламных роликах, слоганах, плакатах сначала привлекает внимание, но потом отторгается здравомыслящим адресатом и вызывает реакцию возмущения и негодования» [2, с. 3].

Уточним что, деконструкция и деструкция традиционных ценностей – это два разных понятия, которые иногда используются как взаимозаменяемые, особенно в популярной культуре. Однако с научной точки зрения важно их разграничить. Деструкция традиционных ценностей подразумевает активное устранение устоявшихся норм, морали и культурных установок. Хайдеггеровская деструкция служит инструментом для преодоления устаревших взглядов и открытия нового пространства для размышлений. В таком случае деструктивные процессы связаны с отрицанием прошлого опыта и попытками заменить старые ценности новыми. Через деструкцию Хайдеггер пытается вернуть внимание к фундаментальному вопросу о бытии, задаваемому человеком в условиях современной цивилизации [3]. Деконструкция же как философско-аналитический метод, разработанный Жаком Деррида, предполагает критическое рассмотрение и разбор

существующих концепций, идей и структур с целью выявления скрытых противоречий, предвзятых предположений [4]. Если деконструкция стремится показать, что традиционные ценности и представления не являются универсально верными или объективными, а зависят от контекста, истории и культурного наследия, то деструкция заключается не только в простом разрушении существующих ценностей и установлении новых порядков, но и в преодолении устаревших взглядов, освобождении от ложных предрассудков и предпосылок, которые мешают подлинному пониманию бытия. При этом сам термин «традиционные ценности» является дискуссионным, часто используется для конструирования определенной национальной идентичности и легитимации политических решений. В свою очередь, технологиями эпатажного маркетинга выступают: «1) “вирусное” распространение; 2) стратегия скандала, основанная на организации событий, давших начало острым скандальным обсуждениям; 3) интрига – стратегия общественной провокации, основанной на загадке и недосказанности; 4) стратегия “интересов полов”, основанная на использовании сексуальных мотивов для продвижения товаров или услуг» [5, с. 97–98].

Не вызывает сомнения актуальность проблематики деструкции традиционных ценностей и норм в современном российском обществе, которая представлена рядом факторов и находит свое применение в рекламной практике.

Размывание идентичности и чувства принадлежности

Исторически так сложилось, что традиционные ценности часто служат основой для формирования коллективной и индивидуальной идентичности. Согласно идеям Пьера Бурдьё, люди выбирают искусство, литературу, еду и одежду, исходя из своих культурных компетенций и стремления продемонстрировать социальную позицию [6]. Например, патриотизм декларируется как любовь к Родине, гордость за ее историю и культуру, готовность защищать ее интересы. Часто он ассоциируется с героизмом и жертвенностью. Идея патриотизма отражается

в государственной политике (военно-патриотические клубы, образовательные программы и др.), масштабных мероприятиях (празднование Дня Победы, акция «Бессмертный полк»), поддержке кинематографа и искусства, прославляющих российскую историю и культуру. Деструкция этой ценности может привести к ощущению неопределенности, утрате ориентиров и кризису идентичности, особенно у людей, для которых ценность идентичности важна. По мнению исследователей, «медиадискурс образует связанное информационное поле СМИ, функционирующее посредством производства и трансляции на широкую аудиторию идеологических и оценочных смыслов в процессе интерпретации фактов и событий» [7, с. 217–218].

Реклама может как размывать, так и укреплять существующие нормы. Например, одна из известных социальных российских кампаний – серия видеороликов «Позвоните родителям» – не просто напоминала о важности связи с семьей, но и укрепляла такие традиционные для России ценности, как уважение к старшему поколению и забота о близких. Данная реклама стала частью культурного кода, а фраза «позвоните родителям» – устойчивым выражением, поддерживающим семейные ценности. Однако транслируемые через рекламу сообщения и образы чаще подрывают или переопределяют существующие категории идентичности (гендер, класс, национальность, возраст и т. п.), а взамен предлагают новые, основанные преимущественно на потреблении формы идентификации и принадлежности. Это ведет к ряду последствий.

Фрагментация идентичности. Реклама предлагает множественные и противоречивые образы, которые могут привести к ощущению неопределенности и отсутствия цельности. Это, в свою очередь, затрудняет формирование устойчивого самосознания и чувства принадлежности к определенной группе или сообществу (целевой аудитории). Этические последствия могут быть связаны с эксплуатацией уязвимости людей, находящихся в процессе поиска собственной идентичности. В этот период они особенно чувствительны

к внешним сигналам о том, каким «должен» быть успешный, счастливый или признанный человек. Рекламные кампании часто используют эту уязвимость, чтобы сформировать у потребителя ощущение, что определенный продукт – ключ к обретению себя, принятию в обществе или самореализации. Например, реклама часто связывает использование косметики или модной одежды и аксессуаров с обретением уверенности, привлекательности и уникальности. Маркетологи нередко предлагают поверхностные и потребительские решения. Так, международная реклама продвигает унифицированные глобальные бренды, размывающие локальные культурные особенности.

Кейс «“Тайная вечеря” от Calvin Klein, 1981». Американский дом моды Calvin Klein известен своими провокационными рекламными кампаниями. Одна из них – плакат по мотивам фрески Леонардо Да Винчи «Тайная вечеря», на котором изображены полуобнаженные и откровенно одетые модели в джинсах Calvin Klein. Известно, что на момент выхода рекламы католическая церковь не оценила такую интерпретацию библейского сюжета и подала в суд на бренд, который был признан виновным в оскорблении чувств верующих. Рекламный материал позднее неофициально попал на просторы российского медиапространства и также был осужден Православной церковью.

Данный кейс иллюстрирует процесс фрагментации идентичности, протекающий в условиях постмодернистского общества. Просматривается деструкция устойчивых традиционных представлений о мире: 1) предпринята попытка деконструировать священный образ Тайной вечери, лишить его религиозного контекста и поместить в сферу потребительской культуры, что можно назвать проявлением общей тенденции постмодернизма к десакрализации и деструкции авторитетных дискурсов, включая религиозный; 2) обесцениваются устоявшиеся нормы и представления о святости, благочестии и духовности, что может трактоваться как намеренный акт разрушения традиционной иерархии ценностей и симво-

лов (замена религиозных персонажей полуобнаженными и откровенно одетыми моделями в джинсах); 3) предлагаются множественные противоречивые идентичности (от апелляции к религиозным чувствам и культурному наследию до гедонистических ценностей потребительской культуры, сексуальности и моды); 4) Calvin Klein симптоматично участвует в процессе утраты веры в религию, которая во многом обеспечивает целостность и смысл бытия, а это означает, что потребительская культура становится новым фрагментированным нарративом со своими смыслами и ценностями.

Коммерциализация идентичности. Реклама может превращать идентичность в предлагаемый продукт. Как следствие человек начинает идентифицировать себя с брендами и потребительскими стилями, а не с более глубокими ценностями и убеждениями, что влечет за собой обесценивание нематериальных аспектов идентичности (культуры, традиций, социальных связей). Данный процесс может приводить к эксплуатации потребителя и манипулированию им, особенно это касается молодежи, которая более восприимчива к рекламным образам. «Правильная подача эпатажной рекламы гарантирует запоминаемость рекламируемого товара, но существует опасность испортить имидж бренда слишком резким и не к месту используемым элементом эпатажа» [8, с. 182]. Так, реклама алкоголя и табака часто связывает их потребление с определенными стилями жизни и идентичностями («крутой» байкер, «успешный» бизнесмен и др.). Реклама сигарет часто кодирует курение как воплощение бунта и свободы.

Кейс «Sisley “Наркоман моды”, 2007 год». Рекламную кампанию сети бутиков модной одежды Sisley обвинили в пропаганде потребления наркотиков из-за постера, на котором изображены две модели, делающие вид, что пытаются вдохнуть через трубочку белый предмет одежды.

Данная реклама является примером агрессивной коммерциализации девиантной идентичности. В ней бренд ассоциирует себя с таким

социально осуждаемым поведением, как употребление наркотиков. Усмотрены признаки коммерциализации девиантной идентичности по следующим аспектам: 1) реклама апеллирует к желанию целевой аудитории выделиться через нарушение правил и запретов, употребление наркотиков становится метафорой свободы и независимости от социальных норм; 2) реклама предлагает не товар (одежду), а возможность примерить на себя идентичность «нарушителя» и «бунтаря»; 3) реклама романтизирует употребление наркотиков как часть гламурного и стильного образа жизни, эксплуатируя ложные представления о «крутости»; 4) идентичность бренда выражается в создании эмоциональной связи с потребителем не столько через товар, сколько через предложение стать частью определенного сообщества, идентифицировать себя с его ценностями; 5) реклама может обесценивать проблему наркозависимости и создавать ложное представление о последствиях употребления запрещенных веществ. Таким образом бренд Sisley стремится ассоциироваться с бунтарством, нарушением правил и запретными удовольствиями для создания эмоциональной связи с потребителем.

Нивелирование границ между очевидным и ложным. Реклама создает идеализированные образы жизни и идентичности, которые не соответствуют реальности. Это может приводить к разочарованию и неудовлетворенности собственной жизнью, способствовать развитию нереалистичных ожиданий, а также повлечь за собой психологические проблемы, такие как депрессия, тревожность и расстройства пищевого поведения. Так, реклама косметики и модной одежды и аксессуаров, используя программу «Фотошоп» и другие технологии преобразования, создает «идеальные» образы внешности, которые не соответствуют действительности и часто основаны на нереалистичных стандартах красоты. «Эпатаж в рекламе нужно воспринимать не только как средство визуализации, но и как содержательный элемент сообщения, определяющий его коммуникативную эффективность» [9, с. 162].

Кейс «Diesel “Global Warming Ready”, 2007 год».

Бренд Diesel выпустил серию провокационных плакатов в рамках кампании «Готов к глобальному потеплению», в которой изображен мир, где глобальное потепление уже произошло, что привело к серьезным изменениям климата. В рекламе представлены люди в модной одежде, живущие в абсурдных условиях, например в Венеции без каналов, на абсолютно сухих улицах которой сидит множество попугаев.

Данный кейс служит примером нивелирования границ между очевидным и ложным для создания провокационного и запоминающегося образа, целью которого, возможно, является призыв задуматься над вопросами экологии. Diesel представляет антиутопию как реальность, благодаря этому происходит размывание границ между предостережением и констатацией факта, как следствие апокалиптический сценарий воспринимается не как угроза, а как неизбежность. Гиперреалистичные пейзажи создают иллюзию документальности, а стильно одетые люди органично интегрированы в рамки данной вымышленной вселенной. В целом подобная рискованная стратегия может привести к искажению реальности, снижению критического мышления и циничному отношению к глобальным проблемам.

Культурная апроприация. Реклама часто использует элементы различных культур без учета их исторического контекста и значения, что может усиливать культурную гомогенизацию и обесценивать культурное разнообразие, восприниматься как оскорбление этнических меньшинств и эксплуатация их культуры и традиций. Все это нарушает права меньшинств и укрепляет стереотипы и предрассудки о них. Так, культурная апроприация часто наблюдается в рекламе модной одежды. Практика показывает, что модная индустрия использует этнические мотивы без указания на их происхождение и без участия представителей соответствующих культур. Эксплуатироваться могут и образы национальной классической литературы и искусства.

Кейс «ВТБ – это классика, 2024–2025 годы». Серия видеороликов от банка ВТБ под на-

званием «ВТБ – это классика» подверглась критике за эксплуатацию образов героев русской классической литературы, включая произведения «Евгений Онегин», «Преступление и наказание» и «12 стульев».

При анализе данной рекламной кампании с точки зрения возможных угроз традиционным ценностям просматриваются следующие деструктивные последствия: 1) обесценивание великих произведений, их глубины и уникальности, что провоцирует будущие поколения на восприятие таковых исключительно через призму рекламы и маркетинга; 2) утрата аутентичности при использовании произведений искусства вне оригинального контекста, что ведет к потере смысла, когда аудитория получает упрощенное представление о культуре, что затрудняет понимание сложных идей и эмоций, выражаемых их авторами. Упрощение глубоких и многослойных сюжетов классической литературы до поверхностных рекламных сообщений может исказить первоначальное значение произведений и снизить уважение к ним. Это противоречит принципу толерантности, подразумевающему признание разнообразия и богатства каждой культуры. По мнению исследователей [10], в рекламе принцип толерантности не всегда выдерживается, поскольку рекламный дискурс может носить провокационный характер сам по себе, поскольку его цель – вызвать желаемое психологическое состояние у массовой аудитории.

При содержательном анализе данного кейса выявлены следующие признаки культурной апроприации: 1) присвоение символического капитала (образов и сюжетов из произведений русских классиков) для повышения привлекательности и укрепления бренда; 2) потеря авторского замысла, глубокого философского содержания, психологизма персонажей и тонкого юмора, поскольку в рекламной кампании данный уровень смыслов существенно упрощается и сводится к примитивному повествованию, основанному на клише и стереотипах, а это неизбежно разрушает целостность использованных произведений; 3) негативная репутация у

широкой аудитории, полагающей, что современная реклама искажает истинную природу классического искусства, в результате чего банк ассоциируется с низким уровнем культурного сознания и циничностью мировоззрения.

Анализ показывает, что рекламная кампания «ВТБ – это классика» представляет собой яркий пример культурной апроприации, характеризующейся нарушением границ использования образов культуры и отсутствием должного уважения к истории и традициям русской литературы. Такая реклама превращает великое литературное наследие в средство продвижения банковских услуг.

Нигилизм и моральный релятивизм

Отрицание или критика ценностей без предложения альтернативных оснований может привести к нигилизму, отрицанию любых моральных ориентиров и вседозволенности. Также существует опасность скатывания к моральному релятивизму, когда любое поведение оправдывается культурным контекстом. Например, такая ценность, как соборность, декодируется в качестве коллективизма, общинности, приоритета общего блага над индивидуальным. Соборность связывают с русской историей и культурой, она воспроизводится в обществе через призывы к единству и солидарности перед лицом внешних угроз, поддержку социальных проектов и инициатив. Деструкция соборности может транслироваться как оправдание авторитаризма и подавления индивидуальной свободы и инициативы.

Реклама, вдохновленная нигилизмом, может высмеивать авторитеты, подрывать социальные устои и продвигать циничное мировоззрение. Не вся реклама, которая нарушает общепринятые нормы или использует провокационные образы, является нигилистической или релятивистской. Важно оценивать намерения рекламодателей и потенциальные последствия для общества. «Игнорирование того факта, что реклама, ввиду массовости ее распространения, выполняет и воспитательную функцию, и функцию формирования ценностных ориентиров, представляется крайне опасным. <...>

Как и миф, реклама предлагает простые модели поведения и разъяснение устойчивых жизненных ситуаций, обеспечивая людей готовым руководством к организации собственной жизнедеятельности» [11, с. 73]. Уточним, что в контексте рекламы нигилизм проявляется в отрицании традиционных ценностей, норм и идеалов, а также в утрате веры в объективную истину и моральные принципы. Реклама, опирающаяся на моральный релятивизм, может оправдывать аморальные или противоречивые действия, если они соответствуют интересам рекламодателя или целевой аудитории. Моральный релятивизм в рекламе выражается в отсутствии универсальных моральных норм и зависимости моральной оценки от культурного контекста, личных убеждений или коммерческой выгоды. Нигилизм и моральный релятивизм в рекламе обусловлены следующими факторами.

Разрушение традиционных ценностей и норм. Реклама может высмеивать или подрывать традиционные ценности (семья, религия, патриотизм и др.). При этом утрачиваются ориентиры и чувство принадлежности, что способствует деградации моральных устоев и ослаблению социальных связей. По мнению С.Б. Пашутина, эпатаж – «с одной стороны, это удар по общественной морали, да и просто по хорошему вкусу, а с другой – уникальный эффект воздействия» [12, с. 71]. Так, реклама, изображающая политиков, религиозных лидеров или другие авторитетные фигуры в комичном или уничижительном виде, подрывает доверие к институтам и лидерам, может способствовать цинизму и апатии.

Кейс «Balenciaga “Истории игрушек”, 2022 год». В рекламной кампании «Истории игрушек» бренда Balenciaga дети позировали с плюшевыми игрушками, одетыми в кожаные портупей с шипами, браслеты и цепи. По данным источников, усиливающееся негодование общественности заставило главный офис бренда извиниться за провокационную кампанию и удалить ее из аккаунтов.

При анализе данного кейса целесообразно уточнить, что восприятие традиционных цен-

ностей варьируется в разных культурах и социальных группах. Однако в большинстве культур существует общее убеждение в необходимости защиты детей и уважения их прав. Здесь мы обнаружили нарушение таких традиционных ценностей и норм, как неприкосновенность личного пространства и права ребенка на развитие и свободу от преждевременной сексуализации (защита детства); уважительное отношение к институту семьи (реклама не должна пропагандировать образы, искажающие представление о здоровых семейных отношениях); соблюдение общепринятых норм морали и поведения в отношении детей (социальная пристойность).

Деструкция традиционных ценностей и норм в данном кейсе обусловлена, во-первых, нарушением паттерна детской невинности, т. к. в рекламе тема детства сочетается с атрибутами, ассоциирующимися с определенными извращенными сексуальными практиками (кожаные портупей, шипы, цепи), что вызывает дискомфорт и отторжение у аудитории. Во-вторых, использование детей в качестве моделей для демонстрации таких модных аксессуаров может быть расценено как объективация. Это декодируется как представление детей в качестве объектов для взгляда и потребления, что противоречит восприятию ребенка как личности, требующей защиты и уважения. Таким образом, рекламная кампания Balenciaga с детьми с игрушками в провокационных нарядах представляет собой явное нарушение традиционных ценностей и норм, связанных с защитой детства, семейными ценностями и социальной пристойностью. Использование детских образов в сочетании с подобными атрибутами и объективация детей являются недопустимыми и этически неприемлемыми.

Продвижение циничного мировоззрения. Реклама поощряет эгоизм и пренебрежение интересами других людей, обесценивая нематериальные аспекты жизни, что способствует росту социального неравенства, эксплуатации и коррупции. Так, реклама, нацеленная на людей с низкой самооценкой, неуверенных в себе

или находящихся в трудной жизненной ситуации, предлагает им решения, основанные на потреблении. Данный контент эксплуатирует уязвимость людей, что может приводить к психологическим проблемам и финансовым трудностям.

Кейс «Carl's Jr. "Кормим грудью", 2014 год». Российская сеть ресторанов быстрого питания Carl's Jr. создала провокационную рекламу со слоганом «Кормим грудью», акцентируя внимание потребителей на том, что сэндвичи изготавливаются из натуральной куриной грудки.

Анализ данного кейса целесообразно начать с уточнения понятия «циничное мировоззрение», которое мы определяем как обесценивание общепринятых ценностей, инструментализацию человеческих отношений и эмоций и недоверие к искренности и альтруизму. По мнению исследователей, в большей степени эпатажная реклама «вызывает негативные эмоции и отрицательное впечатление у людей старшего возраста, тогда как у молодежи она провоцирует изумление, вызывает интерес, способствует появлению смеха и желание приобрести товары фастфуда именно из-за оригинального подхода к их позиционированию» [13, с. 170].

В данном кейсе обнаружены следующие признаки циничного мировоззрения: 1) использование образа кормления грудью – символа материнской любви и заботы – для продвижения сэндвичей с курицей, т. е. происходит инструментализация материнства, которое лишается своего сакрального смысла; 2) обесценивание тела женщины и превращение его в объект потребления. Надо отметить, что в целом проникновение циничного мировоззрения в рекламу стало отражением разных тенденций в современной культуре, одной из которых является медиацентричность, т. е. преобладание развлекательного контента и сенсационности, потребность в постоянном удивлении и шокировании для привлечения внимания. Таким образом, рекламная кампания Carl's Jr. со слоганом «Кормим грудью» демонстрирует явные признаки продвижения циничного мировоззре-

ния через инструментализацию материнства, обесценивание телесности и эксплуатацию провокации ради выгоды. Такая реклама оказывает негативное влияние на формирование ценностей у потребителей, особенно у молодежи, способствуя обесцениванию общепринятых моральных принципов.

Использование шокирующих и провокационных образов. Реклама часто транслирует образы, нарушающие общепринятые нормы и табу, что приводит к оскорблению чувств, дискриминации определенных групп населения и распространению ненависти. «Если проанализировать определения понятий “шок”, “эпатаж” и “провокация”, то наиболее краткосрочным и связанным с физиологической реакцией является “шок”, а наиболее комплексным, имеющим отношение к интересам (произвольному вниманию), – “провокация”» [14, с. 82]. Так, реклама, изображающая насилие, секс или другие табуированные темы с целью привлечения внимания, может приводить к десенсибилизации, увеличению уровня насилия и другим негативным последствиям, а также оскорблять чувства определенных групп населения, например верующих.

Кейс «Takoon "Летать стало легко", 2013 год». Компания Takoon, занимающаяся продажей оборудования и аксессуаров для кайтбординга (вид спорта, основой которого является движение под действием силы тяги, развиваемой удерживаемым и управляемым спортсменом воздушным змеем), представила агрессивный и впечатляющий плакат. Реклама со слоганом «Летать стало легко» изображает девушку, в носу у которой застряла чайка.

В данном кейсе обнаружен главный шокирующий элемент – чайка в носу у девушки. Очевидно, что такой образ нарушает нормы физической целостности и вызывает чувство дискомфорта и отвращения, а нелепость ситуации только усиливает шоковый эффект. В качестве провокационного элемента усматривается рекламный контент, который через изображение болезненной ситуации в юмористическом ключе обесценивает страдания

и травмы. Отождествление травмы с легкостью полета вызывает негативную реакцию у людей, переживших физическую или эмоциональную боль.

Функционально шокирующие и провокационные образы в рекламе обусловлены рядом факторов: 1) генерация «вирусности» для узнаваемости бренда, т. к. такая реклама легко распространяется в социальных сетях; 2) формирование ассоциативной связи между шокирующим образом и оборудованием, что декодируется как отражение духа такого экстремального вида спорта, как кайтбординг. Таким образом, в рекламе Такооп использован шокирующий и провокационный образ для привлечения внимания и создания запоминающегося рекламного сообщения. Данное решение явно сопряжено с негативной реакцией и отторжением у части целевой аудитории. По мнению исследователей, «популярное сегодня обращение к шоковой рекламе не всегда оказывается оправданным из-за морально-этических нарушений некоторых приемов, воздействие которых на зрителя/читателя приводит к нарушению их психоэмоционального баланса и другим негативным последствиям» [15, с. 142]. Надо отметить, что успех подобной рекламы возможен лишь при условии сбалансированности шокового эффекта с релевантностью продукту и ценностям бренда.

Заключение

Эпатажная реклама является сложным и противоречивым социокультурным феноменом, который отражает процесс деструкции традиционных ценностей и норм в современном обществе. Мы выяснили, что реклама не может быть представлением реальности, поскольку она активно участвует в формировании и трансляции смыслов, часто используя провокационные образы и нарушая общепринятые правила для привлечения внимания, в т. ч. вызывая когнитивный диссонанс. Люди стремятся уменьшить дискомфорт, вызванный таким состоянием, либо путем адаптации к одному из убеждений, либо через изменение собственных мнений и поступков [16]. В услови-

ях современной информационной перегрузки и фрагментации общества эпатажная реклама часто становится единственным способом привлечь внимание к бренду или продукту. Однако погоня за шоковым эффектом не должна идти в ущерб этическим принципам и социальной ответственности.

Нами рассмотрены следующие ключевые аспекты деконструкции традиционных ценностей в эпатажной рекламе:

- размывание идентичности и чувства принадлежности, т. к. реклама предлагает множественные и противоречивые образы идентичности, основанные на потреблении, что вызывает фрагментацию самосознания и разрыв связи с традиционными формами идентичности;

- нигилизм и моральный релятивизм, поскольку реклама может высмеивать традиционные ценности, подрывать авторитеты и продвигать циничное мировоззрение, что приводит к утрате моральных ориентиров и размыванию границ между добром и злом.

Проанализированные кейсы демонстрируют, что использование эпатажной рекламы может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для общества. С одной стороны, она привлекает внимание к бренду, стимулирует дискуссии и отражает изменения в обществе, а с другой – может оскорблять чувства, усиливать неравенство, продвигать вредные продукты и формировать искаженное представление о морали и нравственности.

Эффективность и этичность эпатажной рекламы зависят от контекста, целевой аудитории и используемых приемов. Важно учитывать культурные особенности, социальные нормы и потенциальное воздействие на общественное сознание. Необходимо уточнить, что социальная ответственность рекламодателей предполагает критическое осмысление целей и методов эпатажной рекламы, а также учет возможных последствий для общества. Следует избегать манипулирования, эксплуатации и продвижения ценностей, противоречащих общественному благу. Все это нужно для более глубокого учета влияния эпатажной рекламы на форми-

рование ценностных ориентаций, идентичности и поведенческих моделей в современном обществе.

Таким образом, анализ эпатажной рекламы в контексте деструкции традиционных ценностей и норм демонстрирует сложную и многогранную картину. С одной стороны, эпатажная реклама выступает как зеркало и катализатор социокультурных изменений, отражая и провоцируя переосмысление устоявшихся убеж-

дений и практик, а с другой – она становится мощным инструментом воздействия на общественное сознание, способным как расширять горизонты мышления, так и манипулировать, эксплуатировать и размывать моральные ориентиры. Важно понимать, что деструкция, будучи критическим осмыслением, может быть и созидательной, и разрушительной, и ее результаты во многом зависят от целей и методов применения.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 703 с.
2. Якоба И.А., Халилов А.Р. Дискурсивный эпатаж в российской рекламе // *Соврем. дискурс-анализ*. 2021. № 1(27). С. 3–14.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 [9] с.
4. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
5. Корниенко Т.А. Эпатажный маркетинг в современном рекламном дискурсе // *Современные СМИ и реклама: тенденции, перспективы развития*: сб. ст. Луганск, 2018. С. 96–100.
6. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. 288 с.
7. Долганов Р.А., Зубкова О.С. Феномен политкорректности в сфере шоу-бизнеса (на материале американских периодических изданий) // *Язык. Образование. Культура*: сб. науч. тр. по материалам XIII Всерос. науч.-практ. электрон. конф. с международ. участием, посвящ. 85-летию КГМУ. Курск: Курск. гос. мед. ун-т, 2019. С. 215–228.
8. Балабанова Д.А. Роль эпатажа в рекламе // *Науч. тр. Сев.-Зап. ин-та упр. РАНХиГС*. 2014. Т. 5, № 1(13). С. 181–184.
9. Ноздренко Е.А., Кайсина А.В. О коммуникативной эффективности использования эпатажа в политической, социальной и коммерческой рекламе // *Маркетинг. коммуникации*. 2014. № 3. С. 162–173.
10. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации: моногр. СПб.: Роза мира. 2008. 268 с.
11. Ряжских Е.А., Астанина И.В. Эпатажные рекламные медиатексты с речевой неоднозначностью и их восприятие потребителем: лингвоэтический аспект // *Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика*. 2020. № 1. С. 71–76.
12. Пащутин С.Б. Непристойность и скабрзность в маркетинговых коммуникациях // *Маркетинг в России и за рубежом*. 2007. № 2. С. 70–79.
13. Горюнова С.А., Мкртумова И.В. Вызывающая реклама, или как рекламодатели привлекают внимание молодежи к продуктам быстрого питания через эпатаж // *Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности*: коллектив. моногр. Чебоксары: Среда, 2024. С. 170–179. <https://doi.org/10.31483/r-109637>
14. Иванова Е.А., Палагина И.В., Прошкин С.С. Шок, эпатаж и провокация в текстах массовых коммуникаций как стереотипы воздействия на целевые аудитории // *Науч. обозрение. Сер. 2: Гуманит. науки*. 2018. № 1. С. 80–94. <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2018-1-08>
15. Тихомирова Л.С., Кыркунова Л.Г., Мяслицина И.П. Шоковая реклама как разновидность социальной рекламы // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2016. № 6. С. 138–143. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.6.138>
16. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М.: Эксмо, 2018. 256 с.

References

1. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, 2001. 703 p.
2. Yakoba I.A., Khalilov A.R. Diskursivnyy epatazh v rossiyskoy reklame [Discourse Shocking in Russian Advertising]. *Sovremennyy diskurs-analiz*, 2021, no. 1, pp. 3–14.

3. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1993. 445 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Bytie i vremya*. Kharkov, 2003. 503 p.).
4. Derrida J. *De la Grammatologie*. Paris, 1967. 448 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *O grammatologii*. Moscow, 2000. 512 p.).
5. Kornienko T.A. Epatazhnyy marketing v sovremennom reklamnom diskurse [Shock Marketing in Modern Advertising Discourse]. *Sovremennyye SMI i reklama: tendentsii, perspektivy razvitiya* [Modern Mass Media and Advertising: Trends and Prospects for Development]. Lugansk, 2018, pp. 96–100.
6. *Sotsioanaliz P'era Burd'e. Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk* [Pierre Bourdieu's Sociological Analysis. Almanac of the Russian-French Centre for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, 2001. 288 p.
7. Dolganov R.A., Zubkova O.S. Fenomen politkorrektnosti v sfere shou-biznesa (na materiale amerikanskikh periodicheskikh izdaniy) [The Phenomenon of Political Correctness in Show Business (Based on American Periodicals)]. *Yazyk. Obrazovanie. Kul'tura* [Language. Education. Culture]. Kursk, 2019, pp. 215–228.
8. Balabanova D.A. Rol' epatazha v reklame [The Role of the Shocking Advertising]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS*, 2014, vol. 5, no. 1, pp. 181–184.
9. Nozdrenko E.A., Kaysina A.V. O kommunikativnoy effektivnosti ispol'zovaniya epatazha v politicheskoy, sotsial'noy i kommercheskoy reklame [On the Communicative Effectiveness of Using Provocation in Political, Social, and Commercial Advertising]. *Marketingovyye kommunikatsii*, 2014, no. 3, pp. 162–173.
10. Stepanov V.N. *Provotsirovanie v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii* [Provocation in Social and Mass Communication]. St. Petersburg, 2008. 268 p.
11. Ryazhskikh E.A., Astanina I.V. Epatazhnye reklamnye mediateksty s rechevoy neodnoznachnost'yu i ikh vospriyatie potrebitel'm: lingvoeticheskiy aspekt [Epatage Advertising Media Texts with Speech Ambiguity and Consumer Perception of These Texts: Linguoethics Aspect]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistsika*, 2020, no. 1, pp. 71–76.
12. Pashutin S.B. Nepriyemnost' i skabreznost' v marketingovykh kommunikatsiyakh [Indecency and Obscenity in Marketing Communications]. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2007, no. 2, pp. 70–79.
13. Goryunova S.A., Mkrtumova I.V. Vyzyvayushchaya reklama, ili kak reklamodateli privlekayut vnimanie molodezhi k produktam bystrogo pitaniya cherez epatazh [Shock Advertising, or How Advertisers Attract Young People's Attention to Fast Food Products Through Provocation]. *Vektory sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii: sovremennyye vyzovy i vozmozhnosti* [Vectors of Russia's Socioeconomic Development: Current Challenges and Opportunities]. Cheboksary, 2024, pp. 170–179. <https://doi.org/10.31483/r-109637>
14. Ivanova E.A., Palagina I.V., Proshkin S.S. Shock, Epatage and Provocation as Stereotypic Methods of Influence in Texts of Mass Communications. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 2. Gumanitarnyye nauki*, 2018, no. 1, pp. 80–94 (in Russ.). <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2018-1-08>
15. Tikhomirova L.S., Kyrkunova L.G., Myalitsina I.P. Shock Advertising as a Type of Social Advertising. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*, 2016, no. 6, pp. 138–143. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2016.6.138>
16. Festinger L. *A Theory of Cognitive Dissonance*. Evanston, 1957. 291 p. (Russ. ed.: Festinger L. *Teoriya kognitivnogo dissonansa*. Moscow, 2018. 256 p.).

Информация об авторе

Е.А. Ноздренко – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета (адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 79).

Information about the author

Elena A. Nozdrenko, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Advertising and Sociocultural Work, Siberian Federal University (address: prosp. Svobodnyy 79, Krasnoyarsk, 660041, Russia).

Поступила в редакцию 11.09.2025
Одобрена после рецензирования 18.12.2025
Принята к публикации 22.12.2025

Submitted 11 September 2025
Approved after reviewing 18 December 2025
Accepted for publication 22 December 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 121–132.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 121–132.

Научная статья
УДК 165.74(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V505

Философские основания метагуманизма: критика проекций постчеловеческого будущего

Эллен Мартин

Лидский университет, Лидс, Великобритания,

e-mail: Ellenmrtn@googlemail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931>

Аннотация. Метагуманизм, несмотря на относительную новизну, становится одним из активных трансляторов идей о постчеловеческом будущем наряду с постгуманизмом и трансгуманизмом. Цель исследования – критический анализ ключевых концептуальных идей метагуманизма и выявление отличительных характеристик метагуманистических проекций постчеловеческого будущего. В статье прослежены философские истоки метагуманизма и его родство с критическим постгуманизмом. Метагуманизм, опираясь на идеи критического постгуманизма, выдвигает радикальные антиантропоцентрические идеи, отличающиеся крайней деструктивностью и предлагающие откровенный проект расчеловечивания. Критикуя человечество за деструктивное отношение к окружающей среде, выступая за «планетарное здоровье», теоретики метагуманизма призывают к радикальной трансформации человечества как биологического вида. Отрицая онтологическую привилегированность человечества, они продвигают радикальные идеи перманентной мутации и симбиотических ценностей, интерпретируют человечество как имманентную часть экосистемы, подчеркивая равноценность и взаимовлияние всех форм существования. Метагуманизм, радикализируя реляционную онтологию постгуманизма, рассматривает человека как локус для перманентных аморфных мутаций, постулирует необходимость развития способностей к изменчивости и симбиозу с нечеловеческим миром, ставит акцент на симбиотическом становлении и экологической этике. На основе критического анализа метагуманистических концепций атрофированного восприятия, радикальной формы реляционной онтологии и симбиотических ценностей автор доказывает несостоятельность и деструктивность метагуманистических претензий на создание универсальных этических ценностей мутирующего состояния. Метагуманизм выходит за рамки постгуманизма, претендуя на установление универсальных «симбиотических» ценностей, основанных на уважении ко всем формам жизни, и предлагает проект деструкции человечества, романтизируя при этом гибридное и мутирующее состояние.

Ключевые слова: метагуманизм, трансгуманизм, постгуманизм, человечество, мутация, постчеловеческое состояние, метачеловек, реляционная онтология

Для цитирования: Мартин, Э. Философские основания метагуманизма: критика проекций постчеловеческого будущего / Э. Мартин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 121-132. DOI: 10.37482/2687-1505-V505

Original article

Philosophical Foundations of Metahumanism: A Critique of Projections of a Posthuman Future

Ellen Martin

University of Leeds, Leeds, United Kingdom,

e-mail: Ellenmrtn@googlemail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931>

Abstract. Despite its recent emergence, metahumanism is actively promoting ideas about a posthuman future alongside transhumanism and posthumanism. The purpose of this study was to conduct a critical analysis of the key conceptual ideas of metahumanism and identify the distinctive features of metahumanist projections of a posthuman future. The article traces the philosophical origins of metahumanism and its affinity with critical posthumanism. Metahumanism, based on the ideas of critical posthumanism, puts forward radical and extremely destructive anti-anthropocentric ideas that offer a blatant project of dehumanisation. Criticising humanity for its destructive attitude towards the environment and advocating for “planetary health”, metahumanist theorists call for a fundamental transformation of humans as a biological species. Refuting the ontological privilege of humanity, metahumanism promotes radical ideas of permanent mutation and symbiotic values and interprets humanity as an immanent part of the ecosystem, emphasising the equivalence and mutual influence of all forms of existence. Radicalising the relational ontology of posthumanism, metahumanism consider man as locus of permanent amorphous mutations, postulates the need to acquire abilities to live in symbiosis with the non-human world, and places emphases on symbiotic developmental ethics. Based on the critical analysis of the metahumanist concepts of atrophied perception, a radical form of relational ontology and symbiotic values, the author proves the inconsistency and destructiveness of metahumanistic claims to create universal ethical values of a mutated state. Metahumanism goes beyond posthumanism, claiming to establish a set of universal “symbiotic” values that are based on respect for all forms of life and proposes a project for the destruction of humanity, whilst romanticising a hybrid mutating state.

Keywords: *metahumanism, transhumanism, posthumanism, humanity, mutation, posthuman condition, metahuman, relational ontology*

For citation: Martin E. Philosophical Foundations of Metahumanism: A Critique of Projections of a Posthuman Future. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 121–132. DOI: 10.37482/2687-1505-V505

Метагуманизм, отрицая гуманистическую модель человека, радикализует постгуманистическую критику гуманизма и антропоцентризма. Гуманизм многолик и многообразен. Но именно гуманистическое мировоззрение, породившее идею мыслящего человека как главной ценности, выдвинуло фундаментальные, непреходящие ценности, на основе которых традиционно строится аксиологическая модель

человеческого бытия. Философским основанием стратегии противодействия концепциям радикальной трансформации антропологической реальности может служить постулат о том, что без обращения к человеку как к единственному существу, обладающему привилегией сознания, невозможно разрешить планетарные проблемы, к которым апеллируют пост- и метагуманисты.

Цель исследования – критический анализ ключевых концептуальных идей метагуманизма и выявление отличительных характеристик метагуманистических проекций постчеловеческого будущего.

Для достижения поставленной цели автором были решены следующие задачи: кратко освещены философские истоки метагуманизма; выполнен сравнительный анализ ключевых концептуальных идей критического постгуманизма, трансгуманизма и метагуманизма; на основе этого анализа обнаружены отличительные характеристики метагуманизма как философского направления. В данном исследовании использованы методы критического и компаративного анализа.

На сегодняшний день сложился значительный корпус работ, посвященных концептуальному анализу и философскому осмыслению трансгуманизма и постгуманизма. Среди ведущих западных исследователей следует отметить Р. Брайдотти, К. Барад, Р. Пепперелла, К. Вулф, С.Л. Зоргнера, Дж. Беннетт, Ф. Феррандо, Х. дель Вала, Н. Бострома и др. Непосредственно вопросу постчеловеческого состояния посвящены работы Р. Пепперелла [1] и Р. Брайдотти [2; 3]. В российской философии анализ и критика трансгуманизма и постгуманизма нашли отражение в трудах Н.Н. Ростовой [4], В.А. Кутырева [5], С.А. Смирнова [6], В.Н. Катасонова¹, П.Д. Тищенко [7] и др. По сравнению с западными коллегами, российские исследователи относятся к постгуманизму и трансгуманизму более критично и с совершенно оправданным скептицизмом. Н.Н. Ростова утверждает, что постгуманистические концепты неприемлемы для русской культуры [4]. В.А. Кутырев определяет философию трансгуманизма как идеологию «фальшизма» [5]. С.А. Смирнов считает, что трансгуманизм, игнорируя духовную составляющую, редуцирует человека к особи [6]. На данный момент в рос-

сийской философии не существует отдельных исследований, посвященных метагуманизму.

Его главные теоретики, Х. дель Вал и С.Л. Зоргнер, изложили основные положения в манифестах. Х. дель Вал детально описал философию данного направления постгуманистической мысли и свое видение метачеловечества в работе «Онтохакеры: философия радикального движения в эпоху вымирания и алгоритма» [8]. Он предложил отказаться не только от идеи человеческого превосходства, но и от человеческого образа жизни, призывая двигаться вместе с миром в симбиотической мутации к беспрецедентным эволюционным вариациям. С точки зрения Зоргнера, метагуманизм – это концепция, предназначенная для преодоления разрыва между трансгуманизмом и критическим постгуманизмом, базирующаяся на таких идеях, как техническое «усовершенствование» (enhancing) человечества, преодоление онтологических иерархий и антропологическая трансформация.

Среди других авторов следует отметить Г. Стока и Д. Чопру. Г. Сток предложил свою версию метачеловечества, согласно которой это планетарный суперорганизм, возникающий по мере того, как люди и их системы составляют новый гиперсвязанный тип тела. В постчеловеческой цивилизации национально-культурные традиции мутируют вследствие культурного смешения на глобальном уровне и в конечном итоге сольются в одну мировую культуру [9, с. 22–23]. Чопра определяет «метачеловека» как человека, преодолевшего ограничения повседневного существования [10]. Жизнь большинства людей протекает на автопилоте, управляется психологическими и социальными установками, а также бессознательными привычками. Чопра утверждает, что стать метачеловеком – значит освободиться от этих ограничений и осознать безграничность человеческого потенциала. Х. дель Вал поясняет, что метагу-

¹Профессор Владимир Катасонов: Трансгуманизм как новая цивилизационная угроза человечеству // Православ. взгляд. 2014. 12 дек. URL: <https://orthoview.ru/professor-vladimir-katasonov-transgumanizm-kak-novaya-civilizatsionnaya-ugroza-chelovechestvu/> (дата обращения: 20.06.2025).

манизм лишь отчасти перекликается с концептом «метачеловека», предложенным Чопрой. Х. дель Вал соглашается с идеей о необходимости раскрытия человеческого потенциала посредством преодоления ограничений, налагаемых рациональным сознанием, но решительно отвергает мистический, духовный аспект «метачеловека».

Несмотря на обилие манифестов и статей, постулирующих идею метачеловеческого состояния, вопрос о том, что же именно предлагает метагуманизм, остается непроясненным. Новизна и значимость данного исследования объясняется тем, что оно частично восполняет этот пробел. В работе философски осмысливаются ключевые идеи метагуманизма, его отличительные особенности в сравнении с трансгуманизмом и постгуманизмом. Впервые проанализированы основные концепции теоретиков метагуманизма, которые под эгидой благих намерений постулируют новую аксиологическую систему. Данное исследование позволяет более глубоко осмыслить проекты, направленные на беспредельные трансформации человечества, проектируемые в постчеловеческом дискурсе, обозначив проблему откровенной девальвации человечества на фоне необоснованной идеализации нечеловеческого мира и гипертрофированной заботы об экологическом благополучии за счет отказа от идеи человека, которая на сегодняшний день становится критической. Практическая значимость работы объясняется возможностью разработки новых направлений, способных противостоять планам расчеловечивания и постулированию нечеловеческих ценностей, бросающих вызов гуманистическому мировоззрению.

Философские истоки метагуманизма

Метагуманизм сегодня стал одним из направлений в рамках постчеловеческого поворота в западной философии, вызванного сближением антигуманизма с одной стороны и критического постгуманизма с другой. Антигуманизм фокусируется на критике гуманистического идеала человека, в то время как постгуманизм критикует иерархию видов, отвергая

антропоцентризм, отрицая человеческую исключительность и продвигая идею равноценности всех живых существ, человеческих и нечеловеческих.

Постгуманизм зародился в недрах постмодернизма и постструктурализма. Идейной базой постгуманизма (и метагуманизма) являются квір-теория, биополитика М. Фуко, теория деконструкции Ж. Деррида, философские воззрения Ж. Делеза и Ф. Гваттари, а позднее Б. Массуми и Э. Мэннинг. По словам Ф. Феррандо, метагуманизм имеет тесную связь с философским наследием Делеза [11, с. 32]. Его трансцендентальный эмпиризм, связанный с утверждением о том, что в нашем самосознании нет ничего трансцендентного, и концепция тел как динамических композиций обеспечили богатую основу для преодоления антропоцентризма и переосмысления человеческого и нечеловеческого в контексте их возможного симбиоза.

Ключевую роль в реализации постчеловеческого поворота сыграл феминистский постструктурализм в области литературной критики в 1990-х годах – то, что позже было определено как критический постгуманизм. В исследованиях феминистских постструктуралистов субъект не является целостным, фиксированным и все время находится в состоянии становления [12, с. 62]. Если феминистские постструктуралистские исследования сосредоточены на возможности выхода за пределы традиционного и понятного, в т. ч. отрицают гендерный бинаризм, то постгуманизм приходит к отрицанию человекоцентричности смещая фокус с человека на нечеловеческий мир.

Метагуманизм зародился в условиях активного интереса к нечеловеческому. Как философское направление он разрабатывался с начала 2000-х годов Х. дель Валом. Ключевые идеи этого направления были кратко изложены им в соавторстве с С.Л. Зоргнером в «Манифесте метагуманизма» [13]. Расширенный вариант данного манифеста, опубликованный в 2022 году, явно демонстрирует тесную связь метагуманизма с критическим постгуманизмом [14], несмотря на мнение Зоргнера о том, что мета-

гуманизм «имеет относительные связи со всеми другими движениями» [15, с. 21].

Трансгуманизм, постгуманизм и метагуманизм

Несмотря на концептуальные различия и разницу в теоретико-методологических подходах, общим для всех направлений является стремление к достижению постчеловеческого состояния. Трансгуманизм, делая акцент на необходимости преодолеть естественные человеческие ограничения с помощью науки и техники, предлагает техномодифицированную гипотетическую модель трансчеловеческого состояния как переходный этап к постчеловечеству [16, с. 135]. Постгуманизм, базируясь на идеях тотальной инклюзивности, онтологической открытости и преодоления антропологической границы, проецирует модель гибридного постчеловечества. Метагуманизм, усиливая акцент на постгуманистических идеях мутации и гибридизации, рассматривает человека как локус перманентных аморфных мутаций.

Зоргнер описывает гипотетический метагуманистический образ постчеловека как «дальнейшее развитие постгуманистической концепции постчеловека» [17, с. 41]. В отличие от трансгуманизма, метагуманизм выступает против трансформаций, подразумевающих дорогостоящие технологии [18, с. 105], но вместе с тем подчеркивает, что дигитальные технологии могут «улучшить» нашу жизнь, но необходимо применять их так, чтобы техника не представляла контролируемую или доминирующую силу, ибо метагуманизм выступает против любой формы доминирования. По мнению Зоргнера: «Мы стали людьми, интегрировав технологии в нашу жизнь... Однако нам необходимо разработать правильное демократическое использование новых технологий, чтобы способствовать личному процветанию» [19, с. 14]. Это означает, что и технология, и природа должны стать частью нас самих.

Следует отметить, что взгляды С.Л. Зоргнера и Х. дель Вала относительно технологий разнятся. Х. дель Вал дистанцирует метагуманизм от трансгуманизма, объясняя, что метагумани-

стическое «принятие аморфности и неопределенности движущегося тела, реляционной онтологии» противоречит трансгуманизму, продвигающему идею технологического доминирования [20]. Однако это различие во взглядах является лишь поверхностным, поскольку Зоргнер и Х. дель Вал сходятся в том, что человечество онтологически родственно нечеловеческим существам.

Метагуманизм радикализует постгуманистическую идею онтологической открытости, выступая за будущее, в котором люди вступят в более взаимосвязанные и динамичные отношения с нечеловеческим миром таким образом, что не будет никакого доминирования. В метагуманистическом видении «взаимосвязанные и динамичные отношения с миром» означают не только отсутствие иерархий, но и беспрепятственный и перманентный симбиоз между всеми существами, что непременно приведет к различным эволюциям. Метагуманизм делает акцент на мутации как онтолого-эпистемологическом инструменте, обеспечивающем перманентный процесс изменения и исключаящем какие-либо фиксированные формы.

Следует отметить, что и постгуманизм, и метагуманизм концептуально включают идею тотальной инклюзивности. В метафизическом смысле инклюзивность в постгуманизме следует понимать как радикальную онтологическую открытость. Однако метагуманизм радикализует идею тотальной инклюзивности, постулируя симбиотическую открытость, отрицающую не только онтологические иерархии, но и любые различия между видами в силу перманентной мутации и взаимодействия.

Если критический постгуманизм рассматривает постчеловеческое состояние как конвергенцию *zoe* (жизнь всего живого), *bios* (жизнь людей, организованных в социуме) и технологий [3, с. 11], то метагуманизм стремится избежать любых дуализмов, включая *bios* и *zoe*, продвигая радикальную философию движения, преодолевающую метафизику бытия [8, с. 140]. Критический постгуманизм, по словам Р. Брайдотти, стремится привести понимание человека в

равновесие с остальным миром, показать, что он является имманентной частью природы и технологий, не отвергая при этом саму идею человека [21]. Постчеловек – это номад (кочевник) – субъект постоянного становления, отличающийся амбивалентностью, гибридной идентичностью. Метагуманизм, планируя окончательно покончить с любыми дуализмами, предлагает взгляд на тело как «на поле взаимодействующих сил в движении и на реальность как на имманентный воплощенный процесс становления, который не приводит к определенным формам или идентичностям, но может разворачиваться в бесконечный аморфогенез» [22, с. 1]. «Метачеловек – это симбиотический мутант» [18, с. 104], лишенный способности воспринимать какие-либо идентичности. Х. дель Вал заявляет: «Понятие “человек” – это ненужная онтологическая химера, единственной целью которой является господство. То же самое относится и к понятию вида: поскольку виды – это непрерывные процессы мутации, определяемые их отношениями с другими видами, со-составляющими реляционные силы экосистем» [23, с. 88]. Метачеловек олицетворяет взаимосвязь существ и всей экосистемы в силу радикальной онтологической открытости и беспрепятственных возможностей к «межвидовому родству» [24].

Концептуальный анализ метагуманизма.

Онтокинэтика

Метагуманизм радикализует реляционную онтологию критического постгуманизма, предлагая «онтологию-этику реляционной неопределенности» [25], претендующую на новую универсальную этическую модель метагуманистического существования, которую Х. дель Вал определил как онтокинэтику: «Онтокинэтика... переворачивает традиционный приоритет идентичности над изменением, в соответствии с которым традиционно идентичность служила цели установления универсалистских наборов ценностей и концепций Добра» [26, с. 29].

Онтокинэтика – это не бытие в смысле нечто или ничто. Она не отсылает ни к Богу, ни к духам, ни к космогонии, ни к какой-либо экзи-

стенциальной перспективе. Концепт онтокинэтики зиждется на идее разнообразного и беспрепятственного взаимодействия между всеми живыми существами и технологией. Онтокинэтика, по мнению Х. дель Вала, позволит учитывать интересы всех живых существ, за вычетом человека, т. е. породит и утвердит так называемые симбиотические ценности. Х. дель Вал прямо говорит, что метагуманизм подразумевает прекращение человеческого существования, мутацию человека как вида [25]. Применение понятия «симбиотические ценности» по отношению к мутирующему метачеловеку бессмысленно, потому что мутация и гибридизация как способы существования полностью исключают какие-либо ценности, поскольку наличие этических ценностей было бы препятствием к гибридизации с неподобными. Онтокинэтика как радикальная версия постгуманистической реляционной онтологии позволяет перманентно переопределять человека в качестве постоянно мутирующего симбиоза. Реляционность признает не только психосоматические и бессознательные силы, но и симбиоз того, что с точки зрения традиционного человеческого восприятия является несовместимым. Х. дель Вал поясняет, что онтокинэтика подразумевает не только признание симбиотических ценностей, но и «эпистемологию, поскольку она объясняет, как сознание формируется в результате отношений движения» [26, с. 29].

Метагуманистов интересует момент аномальности, потому что все традиционно человеческое, по их мнению, дискредитировало себя. Необходимо внести нечеловеческий аспект в понимание бытия, чтобы предать забвению исключительность человеческого существования. Элиминация человеческой исключительности решается в метагуманизме посредством преодоления онтологических иерархий и разрушения антропологической границы, что позволяет беспрепятственную гибридизацию. Однако этого недостаточно для обеспечения беспрепятственной межвидовой трансгрессии, к которой стремится метагуманизм [23, с. 87]. Трансгрессия создает то, что воспринимается как ано-

малия. Этот вопрос метагуманисты предлагают разрешить с помощью атрофии человеческого восприятия.

Атрофированное восприятие

Речь идет о кардинальной трансформации человеческого мышления таким образом, что реальность воспринимается как чистый поток, свободный от фиксированных сущностей [23, с. 87–88]. Метагуманизм утверждает, что человеческий способ восприятия привел к сокращению человеческого потенциала и пренебрежению телом, к утрате взаимосвязи с миром. Под «человеческим потенциалом» понимается обращенность к организму. Духовная составляющая человека метагуманистов не интересует. Метагуманизм стремится освободиться от человеческого способа мышления, основанного на вере в человеческое превосходство обуславливающего сенсориум человеческого восприятия. Достичь этого возможно, по мнению метагуманистов, посредством атрофии восприятия. В метагуманизме «атрофия человеческого восприятия» подразумевает критику предубеждений и символизма, присущих человеческому восприятию, отказ от социокультурных традиций и ценностных парадигм. Иными словами, нас призывают избавиться от человеческой субъективности, от человеческого сознания, которое упорядочивает поток жизненных переживаний.

Взамен человеческого восприятия метагуманизм предлагает проприоцепцию (способность тела воспринимать собственное положение в пространстве) и невербальную коммуникацию [20, 24]. Именно человеческий способ восприятия, по мнению метагуманистов, мешает нам полноценно взаимодействовать с миром, реализовывать свой потенциал как многообразных, симбиотических существ, и осознавать окружающее как чистую реальность, свободную от фиксированных сущностей, как перманентный процесс мутации и гибридизации.

Здесь возникает вопрос к метагуманистам: каким образом можно добиться «атрофированного восприятия чистой реальности», если

реальность не возникает, пока она не осознана человеком? Восприятие как целостный процесс отражения мира помогает человеку ориентироваться в пространстве и мире. Помимо бессознательных структур, которые присущи человеческой биологической природе, у нас есть антропологическая данность, благодаря которой наш поток ощущений структурируется, и мы осознаем себя в определенном месте и времени. Человек живет во времени, а не в пространстве. В наш процесс восприятия вовлечена не только перцепция, но и субъективный опыт, обусловленный нашим внутренним миром. Согласно И. Канту, когда мы воспринимаем мир, мы не просто получаем данные от своих чувств. Разум организует и обрабатывает этот сенсорный ввод, используя априорные категории, существующие до любого опыта. Эти априорные категории, являющиеся частью внутренней структуры разума, имеют важное значение для формирования того, как мы воспринимаем не только объекты и события, но даже время и пространство.

Отказ от человеческого восприятия в пользу «телесного интеллекта», по мнению метагуманистов, позволяет вписаться в мир природы и пространства подобно животным ради полной гармонии на Земле. «Необходим полный пересмотр ценностей и восприятия: это самый глубокий вызов человечеству и самый большой эволюционный вызов в истории Земли» [25]. Опираясь на концепцию радикальной онтологической открытости, метагуманизм выходит за рамки бинарной оппозиции не только человеческого и нечеловеческого, но и любой другой, включая жизнь и смерть, постулируя постоянно мутирующее состояние, лишённое сущности. Метачеловеческий мутирующий гибрид уже не будет осознавать конечность своего существования. В этом отношении метагуманисты апеллируют к концепции «природа-культура» Д. Харауэй [27] и ее идее отождествления человека и компоста. Харауэй использует «компост» как метафору для описания постгуманистического, взаимосвязанного способа мышления о жизни и смерти, подчеркивая переплетение

людей с природным миром и другими живыми существами. Она выступает против концепции отдельного, высшего «постчеловека» и вместо этого предполагает, что люди являются частью более крупной, постоянно трансформирующейся компостной кучи [28]. Метагуманизм наследует неоматериалистическую идею постгуманизма, согласно которой полностью элиминируется метафизическая составляющая человека, обуславливающая его внутренний, духовный мир, его субъективную «ктойность», вписывая человека в природу. Мутация как эпистемологический инструмент атрофирует восприятие, «...чтобы заново научиться двигаться вместе с миром, а не против него, принимая неопределенность, взаимопомощь, сочувствие и заботу...» [24].

Каким образом метачеловеческое существо может проявлять «взаимопомощь, сочувствие и заботу», если оно лишено критического мышления, не различает себя и внешний мир, если его восприятие атрофировано? Метагуманисты, отрицая человеческие атрибуты, приписывают человеческую логику нечеловеческому миру.

Что предлагает метагуманизм?

Метагуманизм предлагает «...метачеловеческий поворот: радикальную философию движения и прагматику, которая учитывает бесконечные способы развития жизни, такие как симбиоз и вариация, <...> метачеловеческую мутацию атрофированного доминантного вида...» и выступает за «освобождение всех форм жизни от человеческого господства» [18, с. 103]. По аналогии с постгуманистами, метагуманисты считают антропоцентризм ответственным за неспособность учитывать интересы других живых существ, за экологический кризис и проблемы, связанные с техногенным ростом. Они утверждают, что вера в отличие и превосходство человека лежит в основе нашего текущего токсичного и разрушительного образа жизни и перенаселения. Метагуманисты призывают нас остановить «голоко́ст животных» и стать вегетарианцами, «переосмыслить пол как мутацию...», пропагандировать нудизм,

а тело как сенсор» [29]. Модель метагуманистического понимания человека обусловлена натурализмом и игнорированием внутреннего мира человека, особенностей человеческого восприятия себя и окружающего мира.

Метагуманизм постулирует необходимость решения экологической проблемы посредством полной девальвации любых религиозных, национальных, культурных, моральных ценностей, традиций и даже самого человечества. Сторонники этого направления предлагают принять такие понятия, как «планетарные права» и «достойная жизнь экосистемы», вместо прав человека, тем самым кардинально пересматривая саму суть понятия человеческой этики. В дискурсе метагуманизма она рассматривается как часть новой инклюзивной этики для экосистемы, а не только общества. С этико-экологических позиций метагуманизм развивает такое ценностное видение мира, где человек не только лишается своей исключительной роли, но и добровольно деградирует. Экологическую проблему невозможно решить без обращения к духовно-нравственной природе человека.

Метагуманизм уравнивает человека и живое нечеловеческое существо, природу и мир человека в еще большей степени, чем постгуманизм, стремясь разрушить метафизическую составляющую человека. Метагуманисты апеллируют к философии Ф. Ницше. Идея немецкого философа о том, что «человеческое слишком человечно», близка метагуманистам в том смысле, что они пытаются выйти за пределы человеческого бытия, чтобы преодолеть человеческие атрибуты. Х. дель Вал пишет: «Подобно Сверхчеловеку Ницше, Метачеловек стремится к формированию новой чувствительности, стремящийся к обретению ценностей симбиотической Природы» [18, с. 104]. Ведь если мы перестанем быть людьми, мы станем частью окружающей среды. Метагуманисты явно не осознают тот факт, что можно передать свои права, но нельзя передать свою сущность. Человек не принадлежит миру наличного. Мир человека – это не природа и не объекти-

вируемый мир, а пространство идеального. Такие понятия, как этические ценности, право на достойную жизнь, подразумевают ценностные категории добра и зла в контексте человеческих отношений и человеческого бытия, где доминирует «чтойность» как человеческая субъективная составляющая. Метагуманисты разрушают «чтойность» в пользу мутирующей «чтойности». Создание новых ценностей предполагает присутствие критического мышления, требующего способности различать, что подразумевает наличие субъективного «я», однако метагуманизм решительно отвергает личностную субъективность, поскольку это чисто антропологический атрибут, обуславливающий человеческую исключительность, которую он и стремится преодолеть.

Человечество, по мнению Х. дель Вала, присвоив себе превосходящее положение, актуализирует право поработать и приводить к вымиранию другие виды, в т. ч. и себя. По этой причине рост численности населения на глобальном уровне представляет угрозу «планетарного коллапса» [25]. Метагуманисты озабочены тем, что человечество превращается в серьезную проблему, разрушающую благополучие планеты. Поэтому, по их мнению, необходима политика «поощрения добровольного прекращения воспроизводства, принятия программы заботы друг о друге и о Земле» [14, с. 15]. Метагуманисты предлагают межвидовое родство, которое приведет к «мутации, а не к человеческому воспроизводству...» [14, с. 44]. Х. дель Вал считает, что для восстановления здоровья планеты и всех ее форм жизни требуется «радикальное сокращение населения (путем прекращения размножения и поощрения нерепродуктивной сексуальности) и радикальное изменение образа жизни...» [30, с. 3]. Проблема перенаселения, как и любые демографические проблемы, тесно связана с вопросами морали, понятиями добра и зла, которые относятся к человеческому бытию и подразумевают наличие сознания. Вопрос о выяснении ценностных мерил метачеловека становится практически невозможным. В рамках метагуманистической проекции постчеловечества такие понятия, как уважение прав всех живых существ и универсальные ценности, являются по сути бессмысленными, ибо какие права и этические ценности могут иметь аморфные существа, лишённые сознания, идентичности и даже фиксированной формы.

Заключение

В концептуальном отношении метагуманизм опирается на ключевые идеи критического постгуманизма, такие как антиантропоцентризм, тотальная инклюзивность, гибридизация, онтологическая открытость, но во многом радикализует их. Метагуманизм предлагает модель мутирующего межвидового существования, представляя мутацию и гибридизацию как фундаментальные аспекты постчеловеческого состояния и эпистемологические инструменты, обеспечивающие способность всех существ меняться и адаптироваться. Способность видоизменяться рассматривается метагуманистами как ключ к выживанию и процветанию всех форм жизни, за исключением человеческого бытия.

Претендуя на установление симбиотических ценностей, основанных на уважении всех существующих форм жизни, метагуманисты при этом проявляют решимость полностью разрушить не только человеческие ценности, но и человечество как биологический вид. Вследствие элиминации иерархий и перманентного взаимодействия человеческий мир не только переплетается с нечеловеческим (как в постгуманизме), но и растворяется в нечеловеческом мире посредством мутации и гибридизации.

Понятие «симбиотические ценности» в метагуманизме бессмысленно, ибо у природы нет ценностей. Метагуманисты путают ценности и целенаправленность природы. Метагуманистическая трактовка понятия «планетарные права» весьма сомнительна. Права есть у тех, кто осознает ответственность и руководствуется духовно-нравственными императивами, что относится к сущностным свойствам человека. Можно попробовать передать свои права, но

нельзя передать свою сущность или принять сущность другого, но именно к этому и стремится метагуманизм, постулируя симбиотического мутанта как образ постчеловеческого состояния. Метагуманизм свидетельствует о появлении радикального направления, претендующего на создание новой аксиологической модели уже не постчеловеческого, а откровен-

но античеловеческого существования. Осмысление метагуманизма становится сегодня критической задачей, поскольку оно расширяет дискуссию о рисках, связанных с проекциями постчеловеческого будущего, в рамках которых активно постулируются идеи девальвации человечества на фоне заботы об окружающей среде и романтизации аномальных гибридных,

Список литературы

1. *Pepperell R.* The Posthuman Condition: Consciousness Beyond the Brain. Bristol: Intellect Ltd, 2009. 224 p.
2. *Braidotti R.* The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 237 p.
3. *Braidotti R.* Posthuman Knowledge. Cambridge: Polity Press, 2019. 210 p.
4. *Ростова Н.Н.* Мягкая сила постгуманизма: что нам мешает мыслить по-русски? М.: Проспект, 2022. 184 с.
5. *Кутырев В.А.* Человечество технологий – цивилизация фальшизма. СПб: Алетейя, 2022. 288 с.
6. *Смирнов С.А.* Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 61–79.
7. *Тищенко П.Д.* Россия 2045: котлован для аватара (Размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») // Вопр. философии. 2014. № 8. С. 181–187.
8. *Val D.J.* Ontohackers: Radical Movement Philosophy in the Age of Extinction and Algorithms. Part 1: Radical Movement Philosophy and the Body Intelligence R/Evolution. Voorburg: Punctum Books, 2024. 266 p.
9. *Stock G.* Metaman: The Merging of Humans and Machines into a Global Superorganism. N. Y.: Simon and Schuster, 1993. 365 p.
10. *Chopra D.* Metahuman: Unleashing Your Infinite Potential. N. Y.: Penguin Random House, 2019. 368 p.
11. *Ferrando F.* Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms Differences and Relations // Existenz. 2014. Vol. 8, № 2. P. 26–32.
12. *Braidotti R.* Metamorphoses: Towards a Materialist Theory of Becoming. Cambridge: Polity, 2002. 328 p.
13. *Val D.J., Sorgner S.L.* A Metahumanist Manifesto. URL: <https://www.reverso.org/texts/DelVal-2010-Metahumanist-manifesto--Metabody-Journal.pdf> (дата обращения: 19.06.2025).
14. Metahuman Futures Manifesto // J. Posthumanism. 2023. Vol. 3, № 2. P. 125–129. <https://doi.org/10.33182/joph.v3i2.3089>
15. *Sorgner S.L.* Philosophy of Posthuman Art. Basel: Schwabe Verlag, 2023. 144 p.
16. *Мартин Э.* Критический анализ гипотетических представлений о постчеловечестве в трансгуманизме и постгуманизме // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2024. Т. 24, № 5. С. 128–137. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V381>
17. *Sorgner S.L.* On Transhumanism. Philadelphia: Pennsylvania State University Press, 2020. 160 p.
18. *Val D.J.* Metahuman Studies, Choral Ontopolitics and Earth Liberation // J. Posthumanism. 2023. Vol. 3, № 2. P. 103–124. <https://doi.org/10.33182/joph.v3i2.3097>
19. *Sorgner S.L.* We Have Always Been Cyborgs: Digital Data, Gene Technologies, and an Ethics of Transhumanism. Bristol: Bristol University Press, 2021. 224 p.
20. Clarifying Metahumanism. URL: <https://metabody.eu/clarifying-metahumanism/> (дата обращения: 19.06.2025).
21. *Braidotti R.* Transpositions: On Nomadic Ethics. Cambridge: Polity, 2006. 320 p.
22. *Val D.J., Sorgner S.L.* A Metahumanist Manifesto // The Agonist. 2011. Vol. 4, № 2. URL: <https://www.nietzschecircle.com/agonist-archive> (дата обращения: 19.06.2025).
23. *Val D.J., Dedeoğlu, Ç.* Introduction: Metahuman Futures Forum and Ontological Therapies // J. Posthumanism. 2023. Vol. 3, № 2. P. 85–102. <https://doi.org/10.33182/joph.v3i2.3096>

24. Metahuman Futures Manifesto. URL: <https://metabody.eu/metahuman-futures-manifesto/> (дата обращения: 03.07.2025).
25. Metahumanism. What Is Metahumanism. URL: <https://metabody.eu/metahumanism/> (дата обращения: 25.07.2025).
26. Val J.D. Ontokinethics: Metapolitics of Becoming in Affective Hypercapital // Metabody. 2015. Vol. 1. P. 28–30. URL: <https://www.reverso.org/texts/DelVal-2015-Ontokinethics--Metabody-Journal--p.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).
27. Haraway J.D. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2023. 100 p.
28. Haraway D.J. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene. Durham: Duke University Press, 2016. 312 p.
29. Metahuman R/Evolution. URL: <https://metabody.eu/metahuman-futures/> (дата обращения: 25.07.2025).
30. Val D.J. Trash-Human Unhancement and Planetary Health. Undoing the Planetary Holocaust by Reinventing Movement and the Body: A Manifesto for Cosmic Response-Ability and the Future of Life // J. Posthumanism. 2022. Vol. 2, № 1. P. 3–30.

References

1. Pepperell R. *The Posthuman Condition: Consciousness Beyond the Brain*. Bristol, 2009. 224 p.
2. Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge, 2013. 237 p.
3. Braidotti R. *Posthuman Knowledge*. Cambridge, 2019. 210 p.
4. Rostova N.N. *Myagkaya sila postgumanizma: chto nam meshaet myslit' po-russki?* [The Soft Power of Posthumanism: What Prevents Us from Thinking in Russian?]. Moscow, 2022. 184 p.
5. Kutyrev V.A. *Chelo-vek tekhnologiy – tsivilizatsiya fal'shizma* [Technological Man and Age. The Philosophy of Falsehood]. St. Petersburg, 2022. 288 p.
6. Smirnov S.A. Smirnov S.A. Our Inhuman Future or Tricks of Transhumanism. *Chelovek*, vol. 33, no. 1, pp. 61–79.
7. Tishchenko P.D. Rossiya 2045: kotlovan dlya avatara (Razmyshleniya v svyazi s knigoy “Global’noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya”) [Russia 2045: A Pit for the Avatar (Reflections on the Book *Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution*)]. *Voprosy filosofii*, 2014, no. 8, pp. 181–187.
8. Val D.J. *Ontohackers: Radical Movement Philosophy in the Age of Extinction and Algorithms. Part I: Radical Movement Philosophy and the Body Intelligence R/Evolution*. Voorburg, 2024. 266 p.
9. Stock G. *Metaman: The Merging of Humans and Machines into a Global Superorganism*. New York, 1993. 365 p.
10. Chopra D. *Metahuman: Unleashing Your Infinite Potential*. New York, 2019. 368 p.
11. Ferrando F. Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations. *Existenz*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 26–32.
12. Braidotti R. *Metamorphoses: Towards a Materialist Theory of Becoming*. Cambridge, 2002. 328 p.
13. Val D.J., Sorgner S.L. *A Metahumanist Manifesto*. Available at: <https://www.reverso.org/texts/DelVal-2010-Metahumanist-manifesto--Metabody-Journal.pdf> (accessed: 19 June 2025).
14. Metahuman Futures Manifesto. *J. Posthumanism*, 2023, vol. 3, no. 2, pp. 125–129. <https://doi.org/10.33182/joph.v3i2.3089>
15. Sorgner S.L. *Philosophy of Posthuman Art*. Basel, 2023. 144 p.
16. Martin E. Critical Analysis of Hypothetical Ideas About Posthumanity in Transhumanism and Posthumanism. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 128–137. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V381>
17. Sorgner S.L. *On Transhumanism*. Philadelphia, 2020. 160 p.
18. Val D.J. Metahuman Studies, Choral Ontopolitics and Earth Liberation. *J. Posthumanism*, 2023, vol. 3, no. 2, pp. 103–124. <https://doi.org/10.33182/joph.v3i2.3097>
19. Sorgner S.L. *We Have Always Been Cyborgs: Digital Data, Gene Technologies, and an Ethics of Transhumanism*. Bristol, 2021. 224 p.
20. *Clarifying Metahumanism*. Available at: <https://metabody.eu/clarifying-metahumanism/> (accessed: 19 June 2025).
21. Braidotti R. *Transpositions: On Nomadic Ethics*. Cambridge: Polity, 2006. 320 p.

Мартин Э.

Философские основания метагуманизма: критика проекций постчеловеческого будущего

22. Val D.J., Sorgner S.L. A Metahumanist Manifesto. *The Agonist*, 2011, vol. 4, no. 2. Available at: <https://www.nietzschecircle.com/agonist-archive> (accessed: 19 June 2025).

23. Val D.J., Dedeoğlu, Ç. Introduction: Metahuman Futures Forum and Ontological Therapies. *J. Posthumanism*, 2023, vol. 3, no. 2, pp. 85–102. <https://doi.org/10.33182/joph.v3i2.3096>

24. *Metahuman Futures Manifesto*. Available at: <https://metabody.eu/metahuman-futures-manifesto/> (accessed: 3 July 2025).

25. *Metahumanism. What Is Metahumanism*. Available at: <https://metabody.eu/metahumanism/> (accessed: 25 July 2025).

26. Val J.D. Ontokinethics: Metapolitics of Becoming in Affective Hypercapital. *Metabody*, 2015, vol. 1, pp. 28–30. Available at: <https://www.reverso.org/texts/DelVal-2015-Ontokinethics--Metabody-Journal--p.pdf> (accessed: 20 June 2025).

27. Haraway D.J. *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago, 2023. 100 p.

28. Haraway D.J. *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham, 2016. 312 p.

29. *Metahuman R/Evolution*. Available at: <https://metabody.eu/metahuman-futures/> (accessed: 25 July 2025).

30. Val D.J. Trash-Human Unhancement and Planetary Health. Undoing the Planetary Holocaust by Reinventing Movement and the Body: A Manifesto for Cosmic Response-Ability and the Future of Life. *J. Posthumanism*, 2022, vol. 2, no. 1, pp. 3–30.

Информация об авторе

Э. Мартин – PhD, научный сотрудник Лидсского университета (адрес: Woodhouse Lane, Leeds, LS2 9JT, United Kingdom).

Information about the author

Ellen Martin, PhD, Research Associate, University of Leeds (address: Woodhouse Lane, Leeds, LS2 9JT, United Kingdom).

Поступила в редакцию 25.07.2025

Одобрена после рецензирования 24.11.2025

Принята к публикации 25.11.2025

Submitted 25 July 2025

Approved after reviewing 24 November 2025

Accepted for publication 25 November 2025

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 133–144.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 133–144.

Научная статья
УДК [008:341.232.7](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V506

Подходы к изучению феномена культурного наследия и его влияния на международные отношения

Зайков Константин Сергеевич¹
Теребихин Николай Михайлович²
Шапаров Александр Евгеньевич³
Макулин Артем Владимирович⁴✉

^{1,2,3,4}Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск,
Россия,

¹e-mail: k.zaikov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6479-416X>

²e-mail: n.terebihin@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

³e-mail: a.shaparov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

⁴e-mail: a.makulin@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-9650>

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению ключевых понятий, лежащих в основе современных исследований культуры и международных отношений. В условиях усиления геополитических противоречий и роста значимости «мягкой силы» вопросы сохранения культурной идентичности и развития межкультурного диалога приобретают особую актуальность. Цель работы – комплексный анализ подходов к определению сущности и структуры культурного наследия, а также исследование феномена международного культурного сотрудничества как инструмента взаимодействия на глобальной арене. Научная значимость работы заключается в систематизации широкого спектра теоретических взглядов (от философских и культурологических до правовых и политологических), которая помогает представить целостную картину изучаемых явлений. Методологическую базу составили анализ научной литературы, сравнительно-правовой метод, а также элементы междисциплинарного подхода, позволившие обобщить положения, изложенные в национальных и международных документах, а также в работах российских и зарубежных исследователей. В статье предложено авторское определение культурного наследия как динамичной системы материальных и нематериальных ценностей, обеспечивающей связь поколений. Выявлена многокомпонентная структура наследия, рассмотрены различные типологии (по объектному составу, уровню значимости, функциональному использованию и др.). Проанализирована эволюция подходов к международному сотрудничеству в контексте основных теорий международных отношений (реализм, марксизм, неолиберализм), а также систематизированы виды и формы культурного взаимодействия. Ценность работы состоит в интеграции двух проблемных полей, что создает теоретическую базу для даль-

нейшего изучения роли культурного наследия как ресурса международного сотрудничества. Выводы и представленные классификации могут иметь практическое значение для специалистов в сфере культурной политики, международных отношений и сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, международное культурное сотрудничество, культурная идентичность, объекты культурного наследия, нематериальное наследие, ЮНЕСКО, теории международных отношений, межкультурный диалог

Для цитирования: Зайков, К. С. Подходы к изучению феномена культурного наследия и его влияния на международные отношения / К. С. Зайков, Н. М. Теребихин, А. Е. Шапаров, А. В. Макулин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 133-144. DOI: 10.37482/2687-1505-V506

Original article

Approaches to Studying the Phenomenon of Cultural Heritage and Its Impact on International Relations

Konstantin S. Zaikov¹

Nikolay M. Terebikhin²

Aleksandr E. Shaparov³

Artem V. Makulin⁴✉

^{1, 2, 3, 4}Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

¹e-mail: k.zaikov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6479-416X>

²e-mail: n.terebikhin@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

³e-mail: a.shaparov@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

⁴e-mail: a.makulin@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-9650>

Abstract. The article dwells on the theoretical understanding of key concepts underlying modern research in culture and international relations. In the context of escalating geopolitical contradictions and the growing importance of soft power, the issues of preserving cultural identity and facilitating intercultural dialogue are becoming particularly relevant. The paper aimed to conduct a comprehensive analysis of approaches to defining the essence and structure of cultural heritage as well as to investigate the phenomenon of international cultural cooperation as a tool for interaction on the global stage. The scientific significance of the research lies in the systematization of a wide range of theoretical perspectives – from philosophical and culturological to legal and politological – which allows us to present a holistic picture of the phenomena under study. The methodological framework is based on an analysis of scientific literature, a comparative legal method and elements of an interdisciplinary approach, which made it possible to synthesize the provisions of national and international documents and propositions of Russian and foreign researchers. The paper presents the authors' definition of cultural heritage as a dynamic system of tangible and intangible values ensuring the connection between generations. A multicomponent structure of heritage, encompassing various typologies (by object composition, level of significance, functional use, etc.), was identified. The evolution of approaches to international cooperation was analysed in the context of the main theories of international relations (realism, Marxism, neoliberalism), and the types and forms of cultural interaction

were systematized. The value of the article lies in the integration of two problem fields, creating a theoretical basis for further study into the role of cultural heritage as a resource for international cooperation. The conclusions and classifications presented can have practical significance for specialists in the fields of cultural policy, international relations, and cultural heritage preservation.

Keywords: *cultural heritage, international cultural cooperation, cultural identity, cultural heritage sites, intangible heritage, UNESCO, international relations theories, intercultural dialogue*

For citation: Zaikov K.S., Terebikhin N.M., Shaparov A.E., Makulin A.V. Approaches to Studying the Phenomenon of Cultural Heritage and Its Impact on International Relations. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 133–144. DOI: 10.37482/2687-1505-V506

Культурное наследие является ключевым элементом, влияющим на развитие личности в интеллектуальной, духовной и нравственной сферах. В условиях современности особенно заметно усиление противостояния между культурными моделями Запада и Востока, которое может стать основой для различных идеологических манипуляций, а также актуализировать вопросы, связанные с культурным наследием. Для общественного сознания рассматриваемый феномен имеет особое значение, поскольку он не только отражает многовековую культуру предыдущих поколений, но и выполняет функцию сохранения и распространения накопленного культурного опыта.

Подходы к пониманию термина «культурное наследие»

Термин «культурное наследие» не имеет универсального, общепринятого определения. Это связано с междисциплинарной природой данного явления, охватывающей такие области, как философия, культурология, педагогика и юриспруденция.

Понятия «культурное наследие» и «природное наследие» получили всемирную известность в 1972 году благодаря принятию «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая подчеркнула необходимость защиты об-

разцов культурной ценности или природной среды, предупреждая о разрушительных последствиях их утраты или повреждения для мировой культуры. Согласно тексту документа, под культурным наследием понимаются созданные человеком объекты, которые подразделяются на памятники (произведения архитектуры, скульптуры и живопись и др.), архитектурные ансамбли и достопримечательные места, а к природному наследию относятся природные памятники и достопримечательности, а также территории, обладающие исключительной ценностью для истории, искусства и науки¹.

На протяжении XX и начала XXI века научный интерес к проблемам культурного наследия неуклонно рос. Французский социолог и историк П. Нора связывал феномен культурного наследия с понятием культурной памяти, в свою очередь этнолог Р.Ф. Бендикс акцентировала внимание на его «чувственных» аспектах. В работе «Сама жизнь: эссе о чувственности и цели создания наследия» она исследовала «чувственную» природу наследия и подчеркивала роль эмоционального восприятия в формировании культурного наследия, а также выделяла дихотомию между объективным и субъективным подходами. Ее подход дополняет современные интерпретации культурного наследия, связывая его с эстетическими и эмоциональными компонентами [1].

¹Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединенных Наций: [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 04.04.2025).

Американский историк Д. Лоуэнталь утверждал, что культурное наследие нацелено на извлечение пользы из настоящего ради обеспечения будущего. Он также подчеркивал, что сохранение прошлого важно, поскольку утрата наследия, играющего ключевую роль в формировании идентичности, ведет к разрушительным последствиям для общества [2].

Л. Смит в статье «Все наследие является нематериальным: Критические исследования наследия и музеев» оспаривала разделение наследия на материальное, природное и нематериальное, которое было предложено в Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (1972). Автор характеризует культурное наследие не как статичный объект, а как процесс, связанный с созданием и обновлением культурных и социальных ценностей [3]. Б. Киршенблат-Гимблет в статье «Нематериальное наследие как метакультурное производство» подчеркивает взаимосвязь материального и нематериального аспектов наследия [4]. В этом плане ее точка зрения согласуется с выводами Л. Смита. Важное значение для исследования культурного наследия также имеет работа В.Тр. Хафштейна и М. Скрыдструпа «Наследие против собственности». В ней авторы описали культурную собственность как технологию, укрепляющую суверенитет. Их концепция перекликается с идеями Л. Смита, Б. Киршенблат-Гимблет и Р.Ф. Бендикса [5]. В работах отечественных ученых также представлено множество интересных подходов. Так, культуролог, историк и филолог Д.С. Лихачев рассматривал культурное наследие как феномен, включающий в себя язык, традиции, обычаи, фольклор, народные промыслы и многое другое, что несет историко-культурную ценность [6].

Д.Н. Замятин в книге «Образ наследия в культуре» описал культурное наследие как своеобразный слой, являющийся «кожей» культуры конкретного общества, сравнив его с «корой дерева», которая выполняет защитные функции для «дерева-культуры». В рамках этого подхода наследие понимается как духовно-материальный слой, обеспечивающий устойчивое разви-

тие и воспроизводство культуры. Замятин также отмечал, что развитие культурного наследия идет параллельно с развитием самой культуры [7]. Подобное сравнение подчеркивает роль культурного наследия в воспроизведении и развитии общества.

Прикладной подход к изучению рассматриваемого феномена был представлен в коллективной монографии «Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия». В ней авторы активно используют понятия «культурный ландшафт» и «жизненная среда» [8].

Ю.А. Веденин проводит параллели между природой культурного наследия и концепциями времени. Поддерживая идею рассмотрения культуры как синтеза деятельности человека и природы, он добавляет в структуру наследия такие элементы, как традиционные формы хозяйствования, технологии, произведения искусства, а также объекты живой и неживой природы [9].

Историк Е.Н. Мастеница понимает культурное наследие как сложную социокультурную систему. В этом контексте наследие становится важным элементом, поддерживающим развитие культуры и ее адаптацию к современным реалиям [10].

Историк и этнолог В.А. Шнирельман выделял роль культурного наследия в межкультурных и политических диалогах. Он акцентировал внимание на попытках манипуляции общественным мнением через контроль над историко-культурным наследием, осуществляемый различными методами, например с помощью грабежа, борьбы с нежелательной идентичностью и уничтожения символов, значимых для определенных культурных групп. По мнению В.А. Шнирельмана, это свидетельствует о значении наследия не только как символа культурной идентичности, но и как средства борьбы за власть и влияние [11].

После обзора имеющихся точек зрения предлагаем следующее определение: культурное наследие – это сложное явление, включающее в себя совокупность материальных и нематериальных ценностей, переданных от предыдущих поколений.

Стоит отметить, что все перечисленные выше подходы не раскрывают многогранной сущности культурного наследия. На практике классификации и интерпретации часто размыты, что осложняет осмысление данного феномена. Однако культурное наследие остается важным элементом, связывающим прошлое, настоящее и будущее и формирующим основу для духовного, интеллектуального и нравственного развития общества.

Классификации объектов культурного наследия

Теперь обратимся к рассмотрению имеющихся классификаций объектов культурного наследия, изложенных в нормативных документах и исследовательских работах.

Согласно Федеральному закону № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», выделяются такие виды объектов культурного наследия, как памятники, ансамбли и достопримечательные места. Памятники – исторические здания, сооружения или объекты науки и техники, связанные с определенными эпохами. Ансамбли состоят из группы памятников, расположенных на исторически значимых территориях, к ним также относятся произведения садово-паркового искусства. Достопримечательные места объединяют творения человека и природы, связанные с ключевыми событиями истории народов². Данное деление схоже с тем, которое было предложено в Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (1972).

Подходы, представленные в международном законодательстве, в частности в Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (2003), акцентируют внимание на нематериальных аспектах наследия³.

Д.С. Лихачев в «Декларации прав культуры» выделил компоненты культурного наследия. В его работах оно подразделяется на духовное, включающее язык, идеалы, традиции, обряды, фольклор и другие нематериальные аспекты, и материальное, состоящее из памятников архитектуры, искусства, библиотечных и музейных фондов, памятных мест и других объектов, имеющих историческую ценность [12].

Некоторые исследователи предлагают учитывать не только объектную природу наследия, но и субъекты его использования. Так, В.А. Квартальнов выделяет три категории: достояние туристов; объекты смешанного использования; локальные достояния [13].

И.А. Петрова включает природные объекты в состав культурного наследия, рассматривая их в качестве неотъемлемой части общего наследия человечества. Она выделяет следующие категории: природные памятники, культурно-природные памятники, исторические поселения, архитектурные памятники, исторические места [14].

Культурное наследие также принято классифицировать по уровню значимости. Согласно А.И. Кравченко, оно делится на объекты мирового значения (ЮНЕСКО); объекты национального и регионального значения; объекты местного значения [15].

Таким образом, культурное наследие представляет собой многогранную систему, включающую в себя как материальные, так и духовные элементы, а также природные объекты. Оно может классифицироваться по типам: памятники, ансамбли, достопримечательные места; уровню значимости: мировое, национальное, местное; функциональному использованию: туристическое, смешанное, локальное; уровню взаимодей-

²Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон № 73-ФЗ от 25.06.2002 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 04.04.2025).

³Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия: принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединенных Наций: [офиц. сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 04.04.2025).

ствия с природной средой: природные памятники, культурно-природные памятники, исторические поселения, архитектурные памятники, исторические места. Все рассмотренные подходы подчеркивают важность каждого из компонентов наследия и его роль в сохранении культурной идентичности и преемственности традиций конкретных обществ.

Приведем несколько примеров объектов культурного наследия, которые в той или иной степени отражают рассмотренные ранее подходы:

- исторический центр Санкт-Петербурга. Он включен в список наследия ЮНЕСКО в 1990 году за уникальный архитектурный ансамбль, включающий в себя такие памятники, как Исаакиевский собор, Зимний дворец, Эрмитаж и Петропавловская крепость. Исходя из предложенной структуры, его можно классифицировать как объект материального культурного наследия, являющийся архитектурным ансамблем смешанного функционального использования, т. е. актуального как для туристов, так и для местного населения;

- наскальные рисунки в Альте (Норвегия). По аналогии с историческим центром Санкт-Петербурга, данный объект, включенный в список ЮНЕСКО в 1985 году, можно классифицировать как материальное культурное наследие, являющееся археологическим памятником наскального искусства, имеющее мировую историческую ценность. В отличие от городского архитектурного ансамбля, рисунки в Альте не являются средой постоянного обитания, т. е. актуальны преимущественно для туристов и исследователей, а не для местного населения, что сближает их с музейным, а не с жилым типом наследия;

- земля народности батамариба (Того). Объект представляет собой продолжение культурного ландшафта Кутаммаку, расположенного на северо-востоке Тоголезской Республики, где проживает народ батамариба. Исходя из

той же логики, что и для приведенных выше примеров, его следует отнести к материальному культурному наследию, но не как архитектурный ансамбль, а как культурный ландшафт живого типа (критерии V и VI, включение в 2004 году). Он имеет мировую ценность благодаря уникальным глинобитным башням *такьента* и, в отличие от Альты, актуален одновременно и для туристов, и для местного населения, поскольку люди там продолжают жить и проводить обряды.

Международное культурное сотрудничество

После полноценного ознакомления с феноменом культурного наследия необходимо также рассмотреть такое явление, как международное культурное сотрудничество. В широком смысле оно представляет собой сложное взаимодействие субъектов международных отношений, направленное на достижение общих целей и решение общих задач.

Принципы международного сотрудничества были законодательно закреплены в Уставе ООН. В документе подчеркивается, что оно должно осуществляться независимо от различий в политическом и идеологическом устройстве, экономическом или социальном состоянии государств. Устав ООН закрепляет обязательства акторов, а именно содействовать решению международных вопросов экономического, культурного и гуманитарного характера, а также принимать коллективные меры, направленные на поддержание мира и обеспечение безопасности⁴.

Позднее эти положения были уточнены в «Декларации о принципах международного права» ООН 1970 года. В соответствии с данным документом, страны должны прилагать совместные усилия для поддержания мира и безопасности, обеспечивать уважение и соблюдение прав человека, бороться с расовой дискриминацией и религиозной нетерпимостью, а также координировать свои действия, направленные на развитие экономической, социальной, куль-

⁴Устав ООН // Организация Объединенных Наций: [офиц. сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 04.04.2025).

турной и технологической сфер⁵. Принципы сотрудничества получили развитие и на региональном уровне. Например, Хельсинский заключительный акт 1975 года подчеркивает важность взаимопонимания, доверия и добрососедских отношений между государствами, согласия в вопросах обеспечения прав человека, разработки совместных мер в военной области, согласования основных мер сотрудничества в рамках экономической сферы и защиты окружающей среды⁶.

Некоторые документы национального уровня, например Концепция внешней политики Российской Федерации (2023), также выделяют развитие международного сотрудничества в качестве одного из ключевых приоритетов внешней политики. В данном документе основное внимание уделяется вопросам поддержания мира на региональном и глобальном уровнях, признанию и уважению норм международного права, сотрудничеству, направленному на достижение общих целей и решение общих задач⁷.

Международное сотрудничество понимается как совокупность совместных действий субъектов международных отношений, основанных на нормах международного права и наличии общих интересов. Ему отведена роль важного инструмента для решения совместных вопросов, укрепления доверия и построения стабильной и безопасной системы международных отношений.

Важно отметить, что международное сотрудничество может охватывать широкий спектр направлений, будь то экономика, культура, безопасность, экология или социальная сфера.

В международных правовых актах часто оговариваются основные направления сотрудничества (например, создание механизмов двустороннего и многостороннего взаимодействия, разработка и реализация мер для установления добрососедских связей между государствами отдельных регионов доверия).

Международное сотрудничество может выражаться в заключении формальных соглашений, неявном сотрудничестве, возникающем на почве совпадающих интересов акторов, или даже навязанном сотрудничестве, когда более сильная сторона оказывает влияние на менее сильную, побуждая ее к взаимодействию.

Подходы к пониманию феномена международных отношений

Стоит отметить, что с точки зрения различных теорий международных отношений международное сотрудничество понимается по-разному.

В рамках реалистской парадигмы оно рассматривается только в качестве одного из способов достижения баланса сил на международной арене. Реалисты трактуют сотрудничество через противопоставление общего интереса национальному, коллективной безопасности – значимости внешней угрозы, правового регулирования международных отношений – балансу сил. В рамках данного подхода международное сотрудничество анализируется только в контексте военных и военно-политических союзов. Они также иногда понимаются как скрытые военные объединения акторов, основанные на совместном противостоянии «третьей силе» – реальной или гипотетической угрозе. Однако отмечается, что такие союзы обычно носят

⁵Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года // Организация Объединенных Наций: [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 04.04.2025).

⁶Хельсинский заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. // КонтурНорматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30039> (дата обращения: 04.04.2025).

⁷Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. указом Президента Российской Федерации № 229 от 31.03.2023 // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 04.04.2025).

временный и ограниченный характер. Таким образом, реалисты обозначают, что благоприятное окружение является важным элементом национального интереса любого государства на международной арене [14].

Сторонники неореалистской теории полагают, что на международное сотрудничество влияет распределение возможностей государств. Опасения одних стран, вызываемые преимуществами других и гипотетическим возникновением зависимости, негативно влияют на процесс построения сотрудничества между ними. Однако неореалисты ввели принцип «поддержки победителя», согласно которому государства, неспособные самостоятельно обеспечить собственную безопасность, присоединяются к более сильным альянсам для защиты своих интересов [16].

Марксистский подход акцентирует внимание на экономическом взаимодействии. Марксисты определяют международное сотрудничество как связь между субъектами мировой экономики, базирующуюся на принципах разделения труда. Оно ограничивается взаимным отчуждением результатов труда через соглашения или договоры. Согласно марксистской теории, мировая политика могла возникнуть только с формированием мирового рынка. Буржуазия отдельных стран через контроль над данным рынком становится глобальной силой, которая доминирует на международной арене. Одновременно с этим ее социальный антипод – пролетариат – выступает в роли общности без выраженной национальной идентичности, но с общими классовыми интересами. Также рассматривается концепция глобальной гегемонии, согласно которой мировая доминация обеспечивается через тесное взаимодействие элит могущественных стран внутри ключевых регионов и за их пределами. Таким образом, в рамках марксистской теории международных отношений международное сотрудничество выражается во взаимодействии буржуазных

элит, направленном на осуществление контроля за мировым рынком, для обеспечения доминанции на международной арене.

В модернистской теории международное сотрудничество рассматривается с точки зрения транснационализма: международные отношения выходят за рамки традиционного взаимодействия государств, основанного на национальных интересах и борьбе за гегемонию. В международные процессы активно начинают вовлекаться негосударственные акторы, такие как компании, международные организации и другие объединения, и даже отдельные индивиды. Кроме того, модернистский подход подчеркивает разнообразие участников и форм взаимодействия, включая культурное, научное, экономическое и множество других направлений сотрудничества.

В контексте международного сотрудничества в постмодернизме признается существование так называемых постсовременных государств, ориентированных на диалог и сотрудничество. Также постмодернистские подходы призывают к формированию многосторонних коалиций на основе общих интересов. Например, Р. Харви настаивает на необходимости создания альянса «во имя блага» (США, Европа, Япония, Россия) в качестве инструмента ликвидации «глобального беспорядка».

Либерализм и неолиберализм сосредоточены на построении сотрудничества между государствами в рамках международной системы права, в т. ч. и в вопросах культурного взаимодействия. Тем не менее неолиберализм включает в себя большее число задействованных в международных отношениях акторов. Неолиберальная теория рассматривает культурное наследие как гибкий инструмент самовоспроизводства, самоуправления и саморегулирования культур с целью нахождения консенсуса, совместного сосуществования и накопления как частного, так и общественного блага. Кроме того, культурное наследие может расцениваться в качестве источника «мягкой силы»⁸.

⁸Заморозка сотрудничества в АС лишила ряд стран российских компетенций // РИА Новости. 2023. 22 марта. URL: <https://ria.ru/20230322/sotrudnichestvo-1859813443.html> (дата обращения: 05.04.2025).

Как показано выше, культурное сотрудничество рассматривается в некоторых из вышеупомянутых теорий. Однако авторы статьи опираются на принципы, заложенные в концепции неолиберализма. Выбор обусловлен тем, что данная концепция фокусируется на преобладании норм международного права, лежащих в основе работы международных организаций, в т. ч. и ответственных за культурное взаимодействие, и представляет в качестве акторов негосударственные объединения, которые также могут играть немаловажную роль в вопросах, связанных с культурным наследием.

Говоря про международное культурное сотрудничество, также стоит отметить, что интерпретация этого термина зависит от конкретного исследования. Согласно мнению зарубежного ученого Дж. Ло Порто, международное культурное сотрудничество играет ключевую роль в обеспечении прогресса во всех сферах общественной жизни путем приложения совместных усилий акторов в рамках реализации единой политики в культурной сфере [17]. А.А. Александров выделяет множество аспектов такого взаимодействия: сотрудничество государств в области науки, искусства, образования, а также средств массовой информации, в музейном и архивном делах, проведение мероприятий, направленных на культурный обмен (например, совместные спортивные и туристические мероприятия) [18]. Российские исследователи Г.В. Головина и И.А. Савина считают, что культурное сотрудничество охватывает действия государств в области культуры как на национальном, так и на международном уровне. При этом такие действия направлены на взаимную передачу знаний, навыков, культурных ценностей [19].

Исторически международное культурное сотрудничество развивалось как процесс, идущий снизу вверх благодаря инициативам отдельных людей и неправительственных организаций. В ранние периоды деятели религии, образования и бизнеса играли ведущую роль в установлении культурных связей между государствами. Однако с течением времени культурное

сотрудничество стало важным элементом внешней политики государств, активно используемым в рамках «мягкой силы». До середины XX века культурная дипломатия оставалась необязательной и фрагментарно представленной частью внешнеполитических связей. В последние десятилетия наблюдается рост ее актуальности в качестве инструмента внешней политики. Культурное сотрудничество становится важным элементом внешнеполитической стратегии многих стран. Оно способствует созданию доверительных отношений и формированию общей картины будущего.

Современная динамика развития международного культурного сотрудничества обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, государства признают, что углубление культурных связей способствует установлению международной стабильности и безопасности путем укрепления доверия между акторами. Во-вторых, признается значимость культурного сотрудничества как инструмента миротворчества, особенно в условиях конфликтных и кризисных ситуаций.

Немаловажным аспектом является роль негосударственных акторов в вопросах формирования культурного сотрудничества: неправительственные организации, частные фонды, образовательные учреждения, а иногда и отдельные индивиды активно способствуют развитию культурных связей. Подобный подход, известный как «people-to-people» взаимодействие, позволяет устанавливать устойчивые связи между представителями отдельных групп из разных стран, культур или обществ с целью содействия развитию взаимопонимания и сотрудничества. При этом связи, сформированные в ходе реализации подобного подхода, часто в меньшей степени зависят от изменений в геополитической ситуации на международной арене.

Таким образом, на основе существующих определений международное культурное сотрудничество можно охарактеризовать как совместные действия акторов в культурной сфере.

Заключение

Теоретический анализ культурного наследия как феномена и его роли в системе международных отношений позволяет сформулировать следующие концептуальные выводы.

Культурное наследие не является статичным набором артефактов прошлого, а представляет собой сложную, динамично развивающуюся систему материальных и нематериальных ценностей. Многокомпонентная структура наследия (памятники, ансамбли, достопримечательные места, традиции, языки) требует комплексных междисциплинарных подходов к его изучению и сохранению, учитывающих как объектную природу, так и субъекты его использования.

От реалистского понимания культуры как второстепенного элемента баланса сил и марксистской трактовки ее как инструмента классовой борьбы современная наука (в русле неолитерализма и постмодернизма) приходит к признанию культуры ключевым ресурсом «мягкой силы» и самостоятельным фактором международных отношений.

Эффективность межкультурного диалога обеспечивается многообразием практических форм взаимодействия: от академических обменов и языковых программ до крупных международных фестивалей (сезонов культуры) и совместных научно-исследовательских проектов. Особую роль играет подход «people-to-people», формирующий устойчивые горизонтальные связи, менее подверженные геополитической конъюнктуре.

В эпоху нарастания геополитических противоречий и попыток манипуляции историческим сознанием конструктивное международное сотрудничество в сфере охраны и популяризации наследия становится важным инструментом укрепления доверия, миротворчества и формирования общей картины будущего.

Ценность проведенного исследования заключается в интеграции двух проблемных полей, что создает теоретическую базу для дальнейшего изучения культурного наследия как стратегического ресурса международных отношений и устойчивого развития.

Список литературы

1. *Bendix R.F.* Life Itself: An Essay on the Sensory and the (Potential) End of Heritage Making // *Traditiones*. 2022. Vol. 50, № 1. P. 43–51. <https://doi.org/10.3986/Traditio2021500104>
2. *Лоуэнгаль Д.* Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 624 с.
3. *Smith L.* All Heritage Is Intangible: Critical Heritage Studies and Museums. Amsterdam: Reinwardt Academy. 2012. 48 p. URL: https://www.ahk.nl/fileadmin/download/reinwardt/lectoraat/All_heritage_is_intangible.pdf (дата обращения: 05.04.2025).
4. *Кириенблат-Гимблет Б.* Нематериальное наследие как метакультурное производство // *Вопр. музеологии*. 2013. № 2(8). С. 3–16.
5. *Hafstein V.T., Skrydstrup M.* Heritage vs. Property: Contrasting Regimes and Rationalities in the Patrimonial Field // *The Routledge Companion to Cultural Property* / ed. by J. Anderson, H. Geismar. Routledge, 2017. P. 38–53.
6. *Лихачев Д.С.* Память преодолевает время // *Наше наследие*. 1988. № 1. С. 1–4.
7. *Замятин Д.Н.* Образ наследия в культуре. Методологические подходы к изучению понятия наследия // *Социол. исследования*. 2010. № 2(310). С. 75–82.
8. *Петрова И.А., Кибасова Г.П., Назаров А.А.* Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия // *Электрон. науч.-образоват. журн. ВГПУ «Грани познания»*. 2010. № 4 (9). URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/202_st.pdf (дата обращения: 05.04.2025).
9. *Веденин Ю.А.* Базовые принципы культурно-ландшафтного подхода к изучению и сохранению наследия // *Наследие и современность*. 2020. Т. 3, № 2. С. 7–20.
10. *Мастеница Е.Н.* Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематики // *Тр. С.-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств*. 2008. Т. 180. С. 252–262.

11. Шнирельман В.А. Археология, культурное наследие, вандализм и вооруженные конфликты // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2020. № 68. С. 79–88. <https://doi.org/10.17223/19988613/68/11>
12. Лихачев Д.С. Декларация прав культуры // Культурное наследие российского государства: сб. ст. СПб.: ИПК «Вести». 1998. С. 20–23.
13. Квартальнов В.А. Туризм, экскурсии, обмены: современная практика. М.: Наука, 1993. 416 с.
14. Медведева Н.В., Стонялова А.С. Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению // Материалы Афанасьев. чтений. 2016. № 3(16). С. 138–143.
15. Кравченко А.В. Природное окружение объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО «Петроглифы Онежского озера и Белого моря»: сосудистые растения // Тр. КарНЦ РАН. 2021. № 4. С. 31–45.
16. Bogolyubova N., Nikolaeva Yu., Portnyagina M., Elts E. International Cooperation in the Arctic as a Way to Preserve the Natural and Cultural Heritage // IOP Conf. Ser. Earth Environ. Sci. 2019. Vol. 302. Art. № 012054. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/302/1/012054>
17. Янович М.В. Правовая охрана культурного наследия Арктики // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2014. № 4. С. 120–126.
18. Александров А.А. Международное культурное сотрудничество: государственная стратегия Российской Федерации // Право и управление. XXI век. 2010. № 4(17). С. 70–72.
19. Головина Г.В., Савина И.А. Международное культурное сотрудничество: аспекты социально-культурного и правового регулирования // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 4(148). С. 162–169.

References

1. Bendix R.F. Life Itself: An Essay on the Sensory and the (Potential) End of Heritage Making. *Traditiones*, 2022, vol. 50, no. 1, pp. 43–51. <https://doi.org/10.3986/Traditio2021500104>
2. Lowenthal D. *The Past Is a Foreign Country*. N. Y., 1985. 489 p. (Russ. ed.: Louental' D. *Proshloe – chuzhaya strana*. St. Petersburg, 2004. 624 p.).
3. Smith L. *All Heritage Is Intangible: Critical Heritage Studies and Museums*. Amsterdam, 2012. 48 p. Available at: https://www.ahk.nl/fileadmin/download/reinwardt/lectoraat/All_heritage_is_intangible.pdf (accessed: 5 April 2025).
4. Kirshenblatt-Gimblett B. Intangible Heritage as Metacultural Production. *Voprosy muzeologii*, 2013, no. 2, pp. 3–16 (in Russ.).
5. Hafstein V.T., Skrydstrup M. Heritage vs. Property: Contrasting Regimes and Rationalities in the Patrimonial Field. Anderson J., Geismar H. (eds.). *The Routledge Companion to Cultural Property*. Routledge, 2017, pp. 38–53.
6. Likhachev D.S. Pamyat' preodolevaet vremya [Memory Overcomes Time]. *Nashe nasledie*, 1988, no. 1, pp. 1–4.
7. Zamyatin D.N. Obraz naslediya v kul'ture. Metodologicheskie podkhody k izucheniyu ponyatiya naslediya [Heritage Image in Culture. Methodological Approaches to Studying the Notion of Heritage]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, no. 2, pp. 75–82.
8. Petrova I.A., Kibasova G.P., Nazarov A.A. Kul'turno-istoricheskoe nasledie: sovremennye traktovki ponyatiya [Cultural and Historical Heritage: Modern Interpretations of the Notion]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal VGPU "Grani poznaniya"*, 2010, no. 4. Available at: http://grani.vspu.ru/files/publics/202_st.pdf (accessed: 5 April 2025).
9. Vedenin Yu. Basic Principles of Cultural and Landscape Approach to Investigation and Preservation of Heritage. *Herit. Mod. Times*, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 7–20 (in Russ.).
10. Mastenitsa E.N. Kul'turnoe nasledie v sovremennom mire: kontseptualizatsiya ponyatiya i problematiki [Cultural Heritage in the Contemporary World: Conceptualization of the Concept and Problematics]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2008, vol. 180, pp. 252–262.
11. Shnirel'man V.A. Arkheologiya, kul'turnoe nasledie, vandalizm i vooruzhennyye konflikty [Archaeology, Culture Heritage, Vandalism and Armed Conflicts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020, no. 68, pp. 79–88. <https://doi.org/10.17223/19988613/68/11>
12. Likhachev D.S. Deklaratsiya prav kul'tury [Declaration of the Rights of Culture]. *Kul'turnoe nasledie rossiyskogo gosudarstva* [Cultural Heritage of the Russian State]. St. Petersburg, 1998, pp. 20–23.

13. Kvar'tal'nov V.A. *Turizm, ekskursii, obmeny: sovremennaya praktika* [Tourism, Excursions, Exchanges: Modern Practice]. Moscow, 1993. 416 p.

14. Medvedeva N.V., Stonalova A.S. Ponyatie "kul'turnoe nasledie" i osnovnye teoreticheskie podkhody k ego izucheniyu [The Concept of Cultural Heritage and the Main Theoretical Approaches to Studying It]. *Materialy Afanas'evskikh chteniy*, 2016, no. 3, pp. 138–143.

15. Kravchenko A.V. Prirodnoe okruzhenie ob'ekta Vsemirnogo naslediya YUNESKO «Petroglyfy Onezhskogo ozera i Belogo morya»: sosudistye rasteniya [Natural environment of the UNESCO World Heritage Site "Petroglyphs of Lake Onega and the White Sea": vascular plants]. *Tr. KarNC RAN*, 2021, no. 4, pp. 31–45.

16. Bogolyubova N., Nikolaeva Yu., Portnyagina M., Elts E. International Cooperation in the Arctic as a Way to Preserve the Natural and Cultural Heritage. *IOP Conf. Ser. Earth Environ. Sci.*, 2019, vol. 302. Art. no. 012054. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/302/1/012054>

17. Yanovich M.V. Pravovaya okhrana kul'turnogo naslediya Arktiki [Legal Protection of Cultural Heritage in the Arctic]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2014, no. 4, pp. 120–126.

18. Aleksandrov A.A. Mezhdunarodnoe kul'turnoe sotrudnichestvo: gosudarstvennaya strategiya Rossiyskoy Federatsii [International Cultural Cooperation: State Strategy of the Russian Federation]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2010, no. 4, pp. 70–72.

19. Golovina G.V., Savina I.A. Mezhdunarodnoe kul'turnoe sotrudnichestvo: aspekty sotsial'no-kul'turnogo i pravovogo regulirovaniya [International Cultural Cooperation: Aspects of Social, Cultural and Legal Regulation]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 2014, no. 4, pp. 162–169.

Информация об авторах

К.С. Зайков – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Н.М. Теребихин – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

А.Е. Шапаров – доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

А.В. Макулин – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the authors

Konstantin S. Zaikov, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Head of the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Nikolay M. Terebikhin, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. at the Department of Cultural and Religious Studies, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Aleksandr E. Shaparov, Dr. Sci. (Polit.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Artem V. Makulin, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 16.02.2026
Одобрена после рецензирования 05.03.2026
Принята к публикации 11.03.2026

Submitted 16 February 2026
Approved after reviewing 05 March 2026
Accepted for publication 11 March 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 145–148.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 145–148.

Рецензия на книгу
УДК 94(470)«1917/1922»(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V507

О мемуарах генерал-майора С.А. Щепихина

Рецензия на книгу: Щепихин С.А. Воспоминания 1918–1920 гг. / под науч. ред. д-ра ист. наук А.В. Ганина. М.: Фонд «Связь Эпох», 2024. 976 с., 8 л. ил. ISBN 978-5-907396-34-0

Юрий Алексеевич Угольников,

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
e-mail: to-iurij@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8812-1265>

Аннотация. В данной рецензии рассказывается о публикации сборника мемуаров видного деятеля антибольшевистского движения, участника Гражданской войны на востоке России генерал-майора С.А. Щепихина. В рецензии характеризуются не только особенности мемуаров Сергея Арефьевича и сложность их использования как исторического источника, но и специфика самого Щепихина как мемуариста и условий его работы над воспоминаниями. Также некоторое внимание в рецензии уделено работе редактора и комментатора, готовившего издание.

Ключевые слова: С.А. Щепихин, Гражданская война в России, мемуары, Белое дело, антибольшевистское движение Сибири, КОМУЧ, Омское правительство, белое офицерство

Для цитирования: Угольников, Ю. А. О мемуарах генерал-майора С.А. Щепихина / Ю. А. Угольников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 145-148. – DOI 10.37482/2687-1505-V507.

Book review

On the Memoirs of Major General S.A. Shchepikhin

Review of the book: Shchepikhin S.A. *Memoirs of 1918–1920*. Moscow, 2024. 976 p. ISBN 978-5-907396-34-0 (in Russ.).

Yuri A. Ugolnikov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
e-mail: to-iurij@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8812-1265>

© Угольников Ю.А., 2026

Abstract. This paper dwells on the memoirs of Major General S.A. Shchepikhin, a prominent figure in the anti-Bolshevik movement and participant in the Civil War in eastern Russia. The review describes not only the memoirs and their problematic use as a historical source, but also Shchepikhin himself as a memoirist and his writing process. In addition, the paper devotes some attention to the work of the book's editor and commentator.

Keywords: S.A. Shchepikhin, Russian Civil War, memoirs, White movement, anti-Bolshevik movement in Siberia, Committee of Members of the Constituent Assembly, Omsk government, White officers

For citation: Ugolnikov Yu.A. On the Memoirs of Major General S.A. Shchepikhin. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 145–148. DOI: 10.37482/2687-1505-V507

Мы, как это ни парадоксально, еще недостаточно знаем о Гражданской войне и ее главных действующих лицах, а материалы и документы, относящиеся к этому периоду и существенно корректирующие и уточняющие наши представления как о происходивших событиях, так и об участвовавших в них людях, по-прежнему продолжают активно публиковаться. Например, в 2025 году вышел колоссальный пятитомник следственных дел легендарного советского военачальника Г.И. Котовского [1], ставший настоящим прорывом в изучении столь значимой для истории Гражданской войны фигуры. И это только вершина айсберга.

К сожалению, многие издания остаются практически незамеченными даже в научной среде, не говоря о средствах массовой информации. К таковым можно отнести и выпедший в 2024 году сборник мемуаров видного деятеля антибольшевистского движения на востоке России генерал-майора Сергея Арефьевича Щепихина под редакцией Андрея Владиславовича Ганина. В книгу объемом около тысячи страниц вошли несколько мемуарных текстов, почти полностью охвативших период Гражданской войны, т. е. события с лета 1918 по весну 1920 года («Сибирь при Колчаке», «Конец

Белого движения в Сибири» и «Семеновщина»). Публикация мемуаров потребовала от составителя, редактора и комментатора рукописей А.В. Ганина значительной и кропотливой работы. Эта работа по-хорошему впечатляет, что ожидаемо – Андрей Владиславович один из крупнейших специалистов по истории Гражданской войны, а его двухтомная монография «Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России, 1917–1922 гг.» [2] была удостоена в 2025 году Макариевской премии 1-й степени¹.

Мемуары С.А. Щепихина исключительны по своей ценности. Он описал не только боевые действия и военные совещания, на которых принимались важнейшие решения, но и политические события, непростые взаимоотношения белого командования с союзниками, проблемы взаимодействия с Чехословацким корпусом, деятельность различных атаманов и, конечно, нарисовал ярчайшие портреты участников событий.

Сложно согласиться с М. Андреевым – автором рецензии в «Независимой газете», который видит в Щепихине буквально новое воплощение Собакевича, отличающееся от литературного прототипа разве что наличием погон². Увы, разоблачая щепихинские пристрастия, Андреев и сам пристрастен. Да, безусловно,

¹Святейший Патриарх Кирилл возглавил церемонию вручения премий памяти митрополита Московского Макария (Булгакова) в области гуманитарных наук за 2025 год // Русская Православная Церковь: офиц. сайт Московского Патриархата. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/118524> (дата обращения: 27.12.2025).

²Андреев М. Гоголевский персонаж среди колчаковцев // Незав. газ. 2025. 30 июля. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2025-07-30/15_1281_general.html?ysclid=mdve5f7zpt854202167 (дата обращения: 27.12.2025).

Щепихин в высшей степени субъективен, его симпатии и антипатии более чем прозрачны. Если генерал В.О. Каппель для него – абсолютный герой, то атаман А.И. Дутов – абсолютный антигерой, некомпетентный выскочка-самодур (это при том, что сам Дутов Щепихину вполне симпатизировал). Насколько разительно из-за такой пристрастности рисуемая Щепихиным картина может отличаться от происходившего в реальности, видно, например, в том, как он описывает взаимоотношения белого генералитета с башкирским лидером Ахмед-Заки Валидовым (А.-З. Валиди). Согласно мемуарам Щепихина, главным и чуть ли не единственным виновником перехода Валиди к большевикам являлся лично Дутов, не обеспечивший нормальное снабжение башкирских войск, а вспышку гнева адмирала А.В. Колчака, потребовавшего у башкирских посланников выдачи Валиди, автор объясняет или некой странной случайностью, или же тем, что Колчака специально настроили против Валиди (возможно, тот же Дутов).

Тем не менее при всей субъективности и ревности Щепихина к более прославленным коллегам (видимо, здесь Андреев прав), при подспудном желании переложить вину за провал Белого дела на кого-то еще, Щепихин не старается показать себя и все движение в более выгодном свете, чем было на самом деле. Да, он не всегда объективен, о чем-то умалчивает, у него есть любимцы и антигерои, но свои симпатии и антипатии он высказывает вполне открыто, никак их не маскируя.

Заметно, что Щепихин литературно одарен: он часто ироничен, саркастичен. Не всегда суть его иронии можно уловить сейчас, но, например, «атамана всевеликого войска орен-

бургского» (так величает Щепихин нелюбимого им Дутова) современники бы вполне оценили. Тем не менее эта одаренность Щепихина в его тексте теряется: мемуары он писал со вполне прагматической целью – получить за них побольше денег. Исходя из этой, видимо, крайне насущной цели (жилось белому офицеру в эмиграции несладко), Щепихин раздувает тексты как только может – пускается в отвлеченные многословнейшие рассуждения, приводит различные слухи. У него не было возможности проверять фактографию – последовательность событий, чины упоминаемых офицеров. И хотя в основе воспоминаний Щепихина явно был дневник, память порой его подводила. Так, Щепихин описывает встречу лидера эсеров В.М. Чернова и опять ж горячо нелюбимого Дутова на специально созванном по случаю приезда атамана в Самару банкете, в реальности же такая встреча в указанный период не могла состояться: либо Щепихин путает Чернова с каким-то иным видным деятелем эсеров, либо в его памяти соединились два одновременных события – банкет, на котором председательствовал Чернов, и встреча Дутова. Это один пример, но даже по нему видно, насколько сведения Щепихина могут быть недостоверны. Однако стоит отметить, что это и другие выявленные несоответствия в рецензируемой книге прокомментированы. Порой комментарии даже чересчур детальны, как если бы книга предназначалась для читателя, незнакомого с историей Гражданской войны вообще. Однако это по-своему ценно. Тем более, что теперь историки, а также все любители прошлого получили в свое распоряжение пусть сложный и неоднозначный, но ценнейший исторический источник, издание которого подготовлено на самом высоком уровне.

Список литературы

1. Следственные дела Г.И. Котовского. Сборник документов. 1905–1917: в 5 т. / сост. Л.А. Мосионжник. СПб.: Нестор-История, 2025.
2. Ганин А.В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России, 1917–1922 гг.: в 2 т. М.: Кучково поле Музеон, 2023.

Угольников Ю.А.

О мемуарах генерал-майора С.А. Щепихина

References

1. Mosionzhnik L.A. (comp.) *Sledstvennyye dela G.I. Kotovskogo. Sbornik dokumentov. 1905–1917* [G.I. Kotovsky's Investigation Files. Collected Documents. 1905–1917]. St. Petersburg, 2025.

2. Ganin A.V. *Kadry General'nogo shtaba v period Grazhdanskoy voyny v Rossii, 1917–1922 gg.* [General Staff Personnel During the Russian Civil War, 1917–1922]. Moscow, 2023.

Информация об авторе

Ю.А. Угольников – преподаватель кафедры истории России средних веков и нового времени Российского государственного гуманитарного университета (адрес: 109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 15).

Information about the author

Yuri A. Ugolnikov, Lecturer at the Department of Mediaeval and Modern Russian History, Russian State University for the Humanities (address: ul. Nikol'skaya 15, Moscow, 109012, Russia).

Поступила в редакцию 12.01.2026

Одобрена после рецензирования 22.01.2026

Принята к публикации 26.01.2026

Submitted 12 January 2026

Approved after reviewing 22 January 2026

Accepted for publication 26 January 2026

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 2. С. 149–154.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 149–154.

Рецензия на книгу
УДК 1(470)''19'':130.2(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V508

Витязь на распутье: русская философия между логосом и праксисом

Рецензия на книгу: Сюдюков Н.К. Русская философия в 7 сюжетах. «Немота наших лиц». М.: АСТ, 2025. 320 с. ISBN: 978-5-17-171167-2

Олег Константинович Шевченко^{1✉}
Александр Михайлович Тимохин²

^{1,2} Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия,

¹e-mail: skilur80@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>

²e-mail: philosecon@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7920-2486>

Аннотация. Рецензия посвящена анализу книги Никиты Кирилловича Сюдюкова «Русская философия в 7 сюжетах. “Немота наших лиц”», представляющей собой попытку реконструкции ключевых направлений русской интеллектуальной традиции XIX – начала XX века. В отличие от распространенных в историографии подходов, трактующих русскую мысль либо как периферийный вариант западноевропейской философии, либо как выражение мессианско-утопического сознания, Сюдюков акцентирует внимание на выявлении самобытности русской философии. Его подход к определению специфики русской философии характеризуется нацеленностью на обнажение дилемм, требующих от мыслителей интеллектуального и экзистенциального выбора. Книга Сюдюкова вносит значимый вклад в современную историографию русской философии.

Ключевые слова: русская философия, русский мир, русская цивилизация, православная культура, софиология, русский логос

Для цитирования: Шевченко, О. К. Витязь на распутье: русская философия между логосом и праксисом / О. К. Шевченко, А. М. Тимохин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 149-154. – DOI 10.37482/2687-1505-V508.

Book review

A Knight at the Crossroads: Russian Philosophy Between Logos and Praxis

Review of the book: Syundyukov N.K. *Russian Philosophy in 7 Plots: “The Muteness of Our Faces”*. Moscow, 2025. 320 p. ISBN 978-5-17-171167-2 (in Russ.).

Oleg K. Shevchenko¹✉

Aleksandr M. Timokhin²

^{1,2}V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

¹e-mail: skilur80@mail.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>

²e-mail: philosecon@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7920-2486>

Abstract. The review examines N.K. Syundyukov’s book *Russian Philosophy in 7 Plots: “The Muteness of Our Faces”*, which is an attempt to reconstruct the key schools of thought in the Russian intellectual tradition of the 19th and early 20th centuries. In contrast to the prevailing historiographical approaches that interpret the Russian thought either as a peripheral variant of Western European philosophy or as an expression of messianic utopian consciousness, Syundyukov emphasizes the distinctiveness of the Russian philosophical tradition. Trying to determine the specific features of Russian philosophy, he focuses on identifying the dilemmas that require intellectual and existential choices from the thinkers. Syundyukov’s book constitutes a significant contribution to the contemporary historiography of Russian philosophy.

Keywords: *Russian philosophy, Russian world, Russian civilization, Orthodox culture, sophiology, Russian logos*

For citation: Shevchenko O.K., Timokhin A.M. A Knight at the Crossroads: Russian Philosophy Between Logos and Praxis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 2, pp. 49–154. DOI: 10.37482/2687-1505-V508

Мераб Константинович Мамардашвили дал нарочито образное описание философии: она «есть парадоксальное мышление просто потому, что нужно держать вместе расходящиеся рога – человек распят между своей бесконечностью, основания которой задаются только символами, и натурой» [1, с. 32]. А рога вещь упрямая, попробуй свести их концы вместе, не вырвав из предустановленного места. То есть, сводя рога, необходимо сгибать их, а не кромсать реальность.

Прошедший 2025 год стал очень показательным для отечественной философии, которая продемонстрировала очередной всплеск интереса к переживанию собственного исторического опыта [2; 3]. Часто можно встретить научно-популярные издания явно имеющие коммерческий успех [4–6]. Но все они так или

иначе показывают, что за занавесом истории философии разыгрывается исполненная драматизма дилемма: как соотносить чистый, прозрачный воздух абсолютного философского логоса с погрязшим в крови и страданиях земной юдоли праксисом. Должна ли философия безмятежно, не марая подол своего совершенного хитона, парить в течениях чистых категорий или все-таки она не может называться философией, если не марает руки в повседневности, которую переживает Отечество? Или, в риторике образов Мамардашвили: как свести вместе метафизические рога тотального символизма и сугубой плоти натурализма, предлагая идеал русского философского делания? В целом русская философия носит не проблемный, а «дилеммный» характер. Как это тонко подметил Ф.Ч. Коплстон в 10-м томе «Истории философии», посвященном Рос-

сии: «особенность, с которой заимствованные философские идеи получали социальное и политическое применение, прежде всего в связи с российскими условиями, хотя зачастую они рассматривались и в гораздо более широкой перспективе» [7, с. 1]. Поиск в русской философии не проблемы, требующей решения, а именно дилеммы, вынуждающей сделать выбор, становится широко распространенным подходом в историко-философских изысканиях [8, с. 21–22]. Такой подход выглядит гораздо более убедительным, чем попытки редуцировать многообразие отечественной мысли к какой-то одной теме [9, с. 4].

В полной мере демонстрация многочисленных дилемм, породивших русскую философию и ею порожденных, составляет лейтмотив рецензируемой нами книги [10]. Она, конечно же, не является солидным трактатом, но и назвать ее сборником научно-популярных очерков никак нельзя. Книга, безусловно, совсем не академична, точно также как не академичны, но крайне серьезны эссе А. Камю, очерки В. Эрн или философская проза Ф. Ницше. Текст не представляет собой законченный, совершенный монолит, но это и не распадающиеся фрагменты мозаики, а скорее следующие одна за другой ленты старинного синемаатографа. Когда заканчивается лента, в зале зажигается свет, оператор вставляет новую ленту и показ одного из первых синема в респектабельном салоне продолжается почти с того же самого места.

Значительную часть книги автор посвящает вопросу о существовании и формах бытия русской философии [10, с. 13–18; 19–58]. На этих страницах читатель ознакомится с очень интересной аналитикой тезисов как сторонников суверенного бытия русской философии, так и апологетов всего лишь существования философии в России. Автор в своих рассуждениях не чурается метафор: «В идеале философская речь должна быть приближена к Божественной речи» [10, с. 46]. Но все они строго дозированы и служат не аргументами, а поэтическим итогом стальных цепей последовательной аргументации по законам самой наистрожайшей логики. Автор при-

ходит к выводу, что существует самобытная русская философия, но в уникальной, необычной форме ничтожности, где основная практика – это кенозис, а наиглавнейшая страдательная мысль – связка правды (не путать с суховато-ледяной сугубо логической истиной) и красоты.

Начало особенной русской философии Н.К. Сяндюков полагает в философии Н.Я. Чаадаева [10, с. 59–104]. Чаадаев – провокатор, заставивший самые широкие массы русских читателей именно жаждать прочесть философские книги, философскую аргументацию, а не просто оценить блеск античной философии в монашеской келье, собрать кружок молодых интеллектуалов и обмениваться мнениями о Шеллинге или зубрить латинские формулы Декарта. Чаадаев создал массового читателя философских книг, и с тех пор читающая часть русской нации была обречена на философскую жизнь и прежде всего как явление литературы, а не лекционных курсов. Яркой фигурой в этом смысле становится Ф.М. Достоевский, которому автор посвящает отдельный сюжет, что и не удивительно, т. к. Сяндюков является одним из экспертов по творчеству Федора Михайловича [11]. Основная идея сюжета – прописать траекторию заземления философии Достоевским, где материал для размышлений вместо философских трактатов дает газетная уголовная хроника [10, с. 59–104], а философское делание есть работа неевклидова разума, которую автор показывает, анализируя ментальность братьев Карамазовых.

Четвертый сюжет книги посвящен поиску единения логоса и праксиса в философском творчестве Владимира Соловьева [10, с. 143–187]. В этой главе есть несколько интересных замечаний, позволяющих открыть интереснейшую дискуссию: действительно ли «Соловьев – наследник Чаадаева» [10, с. 147], правда ли, что образ сходящего с ума Ивана Карамазова был списан Достоевским с Владимира Соловьева [10, с. 158–159]. Но целый ряд высказываний удивляет – например, наблюдается некоторая путанность позиции: автор утверждает, что русская философия началась то с Чаадаева [10, с. 47],

то с Соловьева [10, с. 144]. Тезис о сверхцерковном мышлении русской философии [10, с. 149] заслуживает гораздо более развернутого пояснения. Как его понимать? Как сверхцерковное может не быть и антицерковным. Если говорить с атеистических позиций, все ясно: русские философы шли дальше, чем могло себе позволить цензурированное мышление церкви как социальной структуры. А если все-таки смотреть с позиций религиозно-философских, где Церковь есть истина и единственный путь к ее всеобъемлющему обретению в Христе? Тогда всякая «сверхцерковность» смертного философа есть именно, что антицерковность и в конечном итоге антихристианство. Вопросы тонкие, сложные и требующие от автора, их затрагивающего, обстоятельного разъяснения читателю. То же касается очень пафосной фразы: «православный идеал воскресения говорит о том, что человек уже стал богом...» [10, с. 183]. Неужели есть во Вселенских соборах догмат, что человек уже стал Богом? Что он вообще станет Богом? В тексте «Бог» с маленькой буквы, значит каким-то особенным богом за пределами Святой троицы? Вопросы идут каскадом, и не все из них работают на авторитет автора книги. Очевидно, что соловьевский материал в очередной раз вводит русского философа в опасные искушения лабиринтов мысли, что в полной мере проявляется в идее софийности и ее сомнительной ортодоксальности. Поиск сочетания логоса и праксиса превращает русского витязя от философии Соловьева в некоего играющего фрилансера, танцора на краю времен перед пришествием антихриста, что Сюдюков с присущей ему элегантностью и описывает на заключительных страницах данного сюжета.

Совершенно логично, что следующий, пятый, сюжет носит устрашающее название «Апокалипсис Серебряного века» [10, с. 187–233]. В нем точкой соприкосновения бездушного разума и безумного сердца становится квадрат смыслов: «История, Церковь, человек, пол» [10, с. 188]. Это одна из самых сильных частей всей книги. В ней беспощадно разоблачаются шокирующие практики, бытовавшие среди

философско-литературной богемы того времени, акцентируется внимание на схлестывании в диспутах космистов, православных иерархов, каких-то совершенно неоязыческих доктрин, прикрывающихся авторитетным словом «философия». Мы бы добавили в эту главу деятельность Т. Блаватской, Н. Рериха, так картина получилась бы более полная. Чудовищным по своей смелости представляется итог данной части книги: «в роли Христа... может выступить все человечество или, вернее, богочеловечество, которое должно идти к миру, к природе и космосу не через вражду, а через созидание универсума – и себя в нем» [10, с. 232]. В этой фразе Христос ликвидирован, абсолютный Царь, который есть альфа и омега, личность в конце концов, размазан по всему человечеству, которое идет к космосу и само созидает себя, ну зачем в такой концепции какие-то мистические образы Святой Троицы? Удивительно ли, что в столь густом замесе из мистики без православия, русского религиозного порыва без Христа, блестящих философских пассажей без самоумаления и самоуничужения не могло родиться ничего, что составило бы конкуренцию сугубо земному марксизму, который по-своему решил дилемму единства метафизических рогов: логоса и праксиса? Но увы, автор книги не говорит об этом ни слова.

Вместо этого Сюдюков обращается к русскому экзистенциализму [10, с. 233–268] и софиологии [10, с. 269–268]. И снова с каждой страницы на читателя буквально сыплются очень меткие, яркие высказывания, которые должны были бы стать темой большой и серьезной статьи в солидный журнал, а может даже лечь в основу авторской монографии, приведем лишь два из них: «пантеизм... соблазн красотой» [10, с. 294], «любовь во многом тождественна познанию» [10, с. 307]. Однако есть моменты, с которыми просто невозможно согласиться и которые вызывают сомнения в тщательности проработки автором тех сюжетов, о которых он пишет: «Бог не различает прошлое, настоящее и будущее, для Него все вечно настоящее» [10, с. 283], означает ли это, что человек

шире, глубже в онтологическом смысле чем Бог? Только человеку доступно все многообразие понимания времени? Не слишком ли это поспешное замечание? Да, красивое, изысканно сформулированное, прекрасно вписанное в логику изложения, но какие выводы из него истекают, подумал ли автор об этом? Некоторые высказывания, как нам представляется, написанные скорее стилистом, превосходным художником слова, нежели религиозным философом, также видятся очень и очень сомнительными: «творя мир, Бог творит себе онтологического конкурента» [10, с. 290]. Право слово, обращаясь с позиций не холодной логики гегелевской энциклопедии, а человека религиозно-философского склада ума, как это следует из книги, нужно быть очень осторожным и в онтологических выводах о бытии Бога, и уж тем более о его намерениях. Как минимум, стоило бы доказать свою мысль ссылками на авторитетные источники, а то и посвятить этому интересному вопросу (а не утверждению) целую главу.

Представляется, что автор был слишком захвачен софиологичным материалом, который считает вершиной русской философии [10, с. 272]. А почему, кстати, не марксизм-ленинизм, почему не, например, философию человека Фролова? Отчего считает автор, что все, написанное после 1922 года, это отголоски философии, ее постклассика [10, с. 144], чем ему не по вкусу философия Э. Ильенкова или А. Зиновьева?

Конечно, открывая книгу, мы хотим узнать мнение автора, и он как суверен имеет абсолютное право проповедовать собственную доктрину, но читателю ведь любопытно, почему это так, а не иначе, в чем преимущество данного прочтения русской философской мысли по сравнению с остальными? В чем ее иерархичная вершина в слиянии логоса и праксиса, русского философского делания, в конце концов. Ответа нет.

Книга по праву должна заинтересовать многих, поскольку всем, кто стремится к пониманию России сегодня «остро необходимы новые подходы к истории и характеру русской философии» [12, с. 4]. Восхитительный стиль, тонкая ирония, мастерские портреты, изысканные лабиринты рассуждений, блистательные метафоры и чеканные концовки сюжетов – бонус для читателя. Работа Никиты Кирилловича Сюдюкова – положительно яркий прорыв в историко-философском жанре, который, как утренняя звезда, предвосхищает яростный и блистательный рассвет. Но утренняя звезда может стать звездой вечерней, если автор не сможет преодолеть присущие каждому из нас философские болезни, на которые было указано выше, и тогда свет рецензируемой книги может символизировать не рассвет, а закат. Однако будущее в руках самого автора, а мы с нетерпением будем ждать его новых книг.

Список литературы

1. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики: (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс Традиция: Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 303 с.
2. Мустафин В. Русская философия: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Духов. Акад., 2025. 644 с.
3. Варава В.В. Сокровенное и обжигающее: лекции по истории русской философии. СПб.: Изд-во РХГА : Солнце Севера, 2025. 274 с.
4. Кара-Мурза А.А. Очерки интеллектуальной истории России. Раннепетровский период. М.: Согласие, 2025. 118 с.
5. Идеи Н.Я. Данилевского и современная философия истории: рецепции, истоки и значение: коллектив. моногр. СПб.: Изд-во РХГА, 2025. 320 с.
6. Тяньюнь Л., Кудрин С.К. А.Д. Градовский против Ф.М. Достоевского. Полемика по поводу «Пушкинской речи». СПб.: РХГА, 2025. 232 с.
7. Copleston F.C. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. London: Search Press, 1986. 462 p.
8. Kelly A.M. Toward Another Shore: Russian Thinkers Between Necessity and Chance. New Haven; London: Yale University Press, 1998. 416 p.

9. A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity / ed. by G.M. Hamburg, R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 498 p.

10. Сюдюков Н.К. Русская философия в 7 сюжетах: «Немота наших лиц». М.: АСТ, 2025. 320 с.

11. Сюдюков Н.К. Здесь был Достоевский: эссе разных лет. М.: Ruinaissance, 2025. 150 с.

12. Bourgeot L. Russia's Philosophy at the WCP: On the Problem of the "Russianness" of Russian Philosophy // Stud. East Eur. Thought. 2025. <https://doi.org/10.1007/s11212-025-09801-2>

References

1. Mamardashvili M.K. *Opyt fizicheskoy metafiziki: (Vil'nyusskie lektzii po sotsial'noy filosofii)* [An Experience of Physical Metaphysics: (Vilnius Lectures on Social Philosophy)]. Moscow, 2009. 303 p.

2. Mustafin V. *Russkaya filosofiya: kurs lektsiy* [Russian Philosophy: A Lecture Course]. St. Petersburg, 2025. 644 p.

3. Varava V.V. *Sokrovennoe i obzhigayushchee: lektzii po istorii russkoy filosofii* [The Innermost and the Scorching: Lectures on the History of Russian Philosophy]. St. Petersburg, 2025. 274 p.

4. Kara-Murza A.A. *Ocherki intellektual'noy istorii Rossii. Rannepetrovskiy period* [Essays on the Intellectual History of Russia. The Early Petrine Era]. Moscow, 2025. 118 p.

5. *Idei N.Ya. Danilevskogo i sovremennaya filosofiya istorii: retseptsii, istoki i znachenie* [N.Ya. Danilevsky and the Contemporary Philosophy of History: Receptions, Origins and Significance]. St. Petersburg, 2025. 320 p.

6. Tianyun L., Kudrin S.K. *A.D. Gradovskiy protiv F.M. Dostoevskogo. Polemika po povodu "Pushkinskoy rechi"* [A.D. Gradovsky versus F.M. Dostoevsky. Controversy over the "Pushkin Speech"]. St. Petersburg, 2025. 232 p.

7. Copleston F.C. *Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev*. London, 1986. 462 p.

8. Kelly A.M. *Toward Another Shore: Russian Thinkers Between Necessity and Chance*. New Haven, 1998. 416 p.

9. Hamburg G.M., Poole R.A. (eds.). *A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity*. Cambridge, 2010. 498 p.

10. Syundyukov N.K. *Russkaya filosofiya v 7 syuzhetakh: "Nemota nashikh lits"* [Russian Philosophy in 7 Plots: "The Muteness of Our Faces"]. Moscow, 2025. 320 p.

11. Syundyukov N.K. *Zdes' byl Dostoevskiy: esse raznykh let* [Dostoyevsky Was Here: Essays of Different Years]. Moscow, 2025. 150 p.

12. Bourgeot L. Russia's Philosophy at the WCP: On the Problem of the "Russianness" of Russian Philosophy. *Stud. East Eur. Thought*, 2025. <https://doi.org/10.1007/s11212-025-09801-2>

Информация об авторах

О.К. Шевченко – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (адрес: Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Вернадского 4).

А.М. Тимохин – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (адрес: Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Вернадского 4).

Information about the authors

Oleg K. Shevchenko, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Head of the Philosophy Department, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (address: prosp. Vernadskogo 4, Simferopol, 295007, Russia).

Aleksandr M. Timokhin, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Philosophy Department, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (address: prosp. Vernadskogo 4, Simferopol, 295007, Russia).

Поступила в редакцию 20.01.2026

Одобрена после рецензирования 08.02.2026

Принята к публикации 12.02.2026

Submitted 20 January 2026

Approved after reviewing 8 February 2026

Accepted for publication 12 February 2026

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	<p>Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). <p>Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.</p>
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <p>– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59];</p> <p>в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с.</p> <p>– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;</p> <p>в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.</p>
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков. Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-00 (18-20); e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

Свободная цена.